МИРЫ КИРА БУЛЫЧЕВА

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

МИРЫ КИРА БУЛЫЧЕВА

КИР БУЛЫЧЕВ

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Б90

Серия основана в 1999 году

Серийное оформление А.С. Сергеева

Художник М.Н. Калинкин

Подписано в печать 24.08.01. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4069.

Булычев К.

Б90 Гений и злодейство: Фантаст. повести и рассказы / К. Булычев. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 398, [2] с. — (Миры Кира Булычева).

ISBN 5-17-010935-0

Это — Кир Булычев, которого мы знаем и любим. Но...
Времена меняются — и вместе с ними меняется Кир Булычев.
Перед вами — повести последних лет.
Повести, ВНОВЬ объединенные темой «маленького городка и его обитателей».
Но — город Веревкин — ДАЛЕКО не добрый и веселый Великий Гусляр.
Перед вами — ДРУГОЙ Кир Булычев.
Кир Булычев, всегда разный — и всегда талантливый.
Не верите?
Прочитайте — и убедитесь сами!

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© И.В. Можейко, 2001
© ООО «Издательство АСТ», 2001

ЛИШНИЙ БЛИЗНЕЦ

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. 1968 год

Некогда наш Веревкин был центром небольшого княжества, за которое боролись могучие соседи — рязанцы и туляки. Городище и сегодня можно различить за взорванным в тридцатые годы собором. Его взрывали, но не до конца, динамит кончился. За перерасход динамита, говорят, репрессировали командование саперной дивизии. Все может быть — времена стояли морозные.

Я патриот Веревкина. Мальчишкой я бегал по зеленому склону за улицей Льва Толстого к запруженной речке Веревке. Там мы купались, а в омуте жил сом гигантских размеров. Мы его иногда видели, он даже уток воровал. Но взрослые нам не верили до тех пор, пока в омуте не взорвалась в сорок первом немецкая бомба. И тогда сом погиб и всплыл светлым брюхом кверху, и был он размером с небольшую подводную лодку. Но всем было не до сома, потому что сначала через Веревкин прошли немецкие танки, а когда выпал снег и танки завязли, на них напала конница генерала Белова. К тому времени сом уже вмерз в лед, местные жители вырубали его изо льда ломтями, тем и жили до весны.

Простите, что я отвлекаюсь, но иногда хочется поговорить неспешно и передать кому-то память о вещах, никого теперь не интересующих. В войну я был мальчишкой, потом окончил пединститут, с тех пор работаю в школе №2. Школа №1 расположена по ту строну рын-

ка, где район пятиэтажек, а наша осталась в здании дореволюционной гимназии на улице Льва Толстого. На гимназии, вы, наверное, обратили внимание, есть мемориальная доска о том, что там учился академик Соснихин, дважды Герой Социалистического Труда, создатель самоходных комбайнов.

В сквере у бывшего собора мы намеревались, как положено, поставить бюст на родине дважды Героя, но оказалось, что ни одной фотографии нашего славного земляка не сохранилось. А когда инициативная группа во главе с нашим завучем Людмилой Африкановной ездила в область, то ей объяснили, что под комбайнами подразумевалось нечто совсем другое, из-за чего академик Соснихин был настолько засекречен, что было указание сжечь даже его школьные фотографии. И дом, в котором он родился, вместе со всеми свидетелями. Последнее, как вы понимаете, шутка. Дом, конечно, стоит на месте, хотя состояние его оставляет желать лучшего. Но родственников его нашим школьным следопытам отыскать не удалось. К тому же в последние годы выяснилось, что фамилия академика Соснихина совсем не Соснихин, но настоящая фамилия была вычеркнута из всех документов, школьных журналов и даже из книг ЗАГСа. Тем не менее мы продолжаем гордиться нашим земляком и раньше устраивали пионерские сборы в его честь.

Я проживаю вместе с моей супругой Нианилой Федоровной в двухэтажном деревянном доме в переулке Урицкого рядом с бывшей часовней Аники Воина. Мы занимаем две комнаты на втором этаже, и так как у нас нет детей, то жилищные условия у нас более чем хорошие. Вторую квартиру из двух комнат занимают Стадницкие. Коля — мой бывший ученик, после службы в армии он стал работать в райпотребсоюзе, а его жена

Клавдия, для нас просто Клава, приходится дальней родственницей моей супруге и мы считаем ее как бы нашей дочерью. Так что наш второй этаж живет дружно, мы посещаем праздники друг у друга. К сожалению, первый этаж нашего дома занят жестяной мастерской. Там выпрямляют жестяные или иные металлические предметы, которые по какой-то причине погнулись. К счастью, мастерская заканчивает работу в шесть часов вечера.

Вот так обстояла общая обстановка к моменту странных событий, а о состоянии Веревкина вы можете убедиться сами, стоит вам пройтись по городу. Надеюсь, вы не заблудитесь? Прямо до собора, там налево до памятника Ленину. А за ним начинается колхозный рынок.

Стадницкие хотели ребенка. Мы тоже хотели, чтоб у них родился ребенок и дома стало бы оживленнее. Мы даже обещали молодым людям, что будем помогать им растить ребенка и сидеть с ним, если понадобится.

Клавдия, которая работала методистом в Доме культуры имени Клары Цеткин, взяла декретный отпуск раньше срока, за свой счет. Мы были с ней согласны.

Коля Стадницкий хотел мальчика, а Клава хотела девочку, это обычный и понятный семейный конфликт. Наш доктор в женской консультации Дина Иосифовна внимательно относилась к будущей матери и уверяла, что беременность проходит нормально. Затем ребеночек начал двигаться и проявлять признаки жизни.

Сейчас я стараюсь вспомнить, когда же могло произойти то трагическое событие, которое и послужило толчком ко всему. Это событие было незаметным, оно должно было быть незаметным, и все же меня порой мучают мысли, что я мог бы остановить или хотя бы предупредить трагедию.

Мы не раз обсуждали с Нилой эту проблему и пришли к общему мнению, что все началось в консульта-

ции, когда Клава пришла к своему врачу Дине Иосифовне с опозданием на полчаса и никого в коридоре не было. Как она сама мне рассказывала, Клава постучала в дверь и вошла. Дина Иосифовна приняла ее с обычным вниманием, сделала укрепляющий укол и затем осмотрела с помощью аппарата, который сама называла портативным УЗИ — то есть аппаратом для ультразвукового исследования, которого раньше в нашей больнице и в помине не было. Клава ощущала какие-то щекотания во внутренней полости, но болезненных явлений не наблюдалось. Затем Дина Иосифовна сказала, что беременность протекает нормально и плод имеет благоприятные формы.

Клава в тот раз не заподозрила ничего неладного, если не считать того, что на следующий день встретила на рынке Дину Иосифовну и та попросила у нее прощения за то, что вчера не смогла прийти в консультацию, потому что провожала в Рязань старушку-маму и ее неудачно сшиб проходивший мимо мужчина так, что она упала и чуть не получила сотрясение мозга, очнулась в зале ожидания, отчего пропустила автобус и пришла в консультацию только к концу приема.

— Как же так? — удивилась Клава. — Я же была у вас, и вы мне УЗИ сделали.

На что Дина Иосифовна засмеялась, полагая, что Клава шутит, но Клава не шутила и вечером рассказала моей жене Ниле как пример забывчивости докторши. Роды у Клавы произошли примерно на неделю раньше срока, по причине дня рождения ее свекрови, на котором было выкушано много разной пищи, в частности, роженица налегала на маринованные грибы, которые, как пишут канадские исследователи, в некоторых случаях ускоряют начало схваток, особенно если это бледные поганки.

Схватки у Клавы начались буквально после поганок, когда гости ждали чай с фирменным тортом. Клава, будучи любительницей торта, стала терпеть и не подавать знака, что рожает, однако малыш все настойчивее стремился покинуть лоно своей матери, и, не доев торт, Клава была вынуждена покинуть торжество. Так с куском торта в судорожно сжатой руке она рожала мальчика, порой, между приступами боли, облизывая пальцы и дожевывая бисквит.

Во время родов в больницу непрерывно звонили по межгороду и спрашивали, каково состояние больной Стадницкой, но ответа не выслушивали, а кидали трубку. К концу был звонок из города Ганновера в Западной Германии, но говорили по-немецки, и пока медсестра бегала в школу за учительницей немецкого языка, линия уже разъединилась. Моя жена Нианила Федоровна утверждала, что слышала в тот день от достойного доверия жителя улицы 26 Бакинских комиссаров, что над родильным отделением нашей городской больницы в течение двух или трех часов висела летающая тарелка, но других свидетелей этому не нашлось, да и не могло найтись, как я понимаю, потому что шел проливной дождь, а если тарелка и была, то через пять дней после родов. С другой стороны, могла быть и тарелка. Хотя в таком случае ее должны были видеть и на соседней улице имени 28 Героев-панфиловцев.

Задним числом я беседовал на эту тему с руководителем ДОСААФ Артемом Груздем, почетным пионером и вождем бригады красных следопытов. Он живет как раз на пересечении улиц имени 26 Бакинских комиссаров и 28 Героев-панфиловцев и обычно проводит дни в раздумьях о справедливости, глядя на небо. В тот день он тоже глядел на небо, но ничего, кроме дождя, не увидел. А если уж товарищ Груздь не увидел, то вернее всего таре-

лочки и не было. Ведь смог же Артем Артемович доказать на областном уровне, что среди 26 бакинских комиссаров был один провокатор, который, не будучи комиссаром, затесался в ряды расстрелянных и погиб по заданию одной разведки. И ему же принадлежит открытие того, что из 28 героев-панфиловцев двое были нерусской национальности. С тех пор в нашем городе количество героев пересмотрено.

Простите меня за старческие отступления от темы, однако картина странных и пугающих событий в нашем Веревкине раскрывается во всей своей полноте лишь при внимательном отношении к деталям.

Сами роды проходили нормально, без деталей, кроме уже упомянутых, и, когда Клава облизала все пальцы, младенец появился на свет. Младенца отнесли в палату для новорожденных, а дежурная медсестра уверяет, что примерно через три часа, уже глубокой ночью, в родильное отделение пыталась проникнуть высокая худая рыжеволосая женщина, хромающая на правую ногу. Она требовала, чтобы ее провели к роженице или по крайней мере показали младенца. Получив отказ, она побежала, хромая, прочь по улице Мало-Советской с криком:

— Какой ужас! Я опоздала! Нет мне прощения!

Вот и все, что я могу рассказать о беременности и родах Клавдии Стадницкой.

Радостно и весело готовился наш дом к возвращению Клавы из роддома. Мы с женой, а также Коля Стадницкий встретили Клаву у порога, передали букет ранних тюльпанов, а Коля Стадницкий взял младенца на руки. Так мы и пошли пешком домой, благо городок невелик, и многие останавливались и поздравляли нас с прибавлением.

У входа в наш дом выстроились сотрудники мастерской. Жестянщики держали в руках стаканы и рюмки, а

некоторые даже бутылки. При виде нас они стали петь разные песни и пить водку за здоровье малыша. Я постарался их обуздать, но, к сожалению, Коля Стадницкий был вынужден выпить стакан водки под соленый огурец.

Мы уложили младенца в колыбельку, он был веселый, краснощекий, голубоглазый, и я даже прослезился от растроганности. Коля Стадницкий стал делать мальчику пальцами козу, но потерял равновесие, и мы оттащили его тело в другую комнату на кровать. Жестянщики побуянили на радостях внизу и возвратились к работе с энтузиазмом, отчего младенец даже захныкал, а я спустился вниз и предложил нашим соседям разойтись на сегодня по домам. Что они и выполнили. Наступила тишина.

Мы рано уединились в нашей квартире, чтобы не мешать Клаве и Коле привыкать к своей новой жизни. Вечер был приятным, теплым, по-хорошему весенним. Мы посмотрели по телевизору какой-то старый фильм с участием актера Рыбникова, но, к сожалению, я не помню, какой это был фильм. Я хотел было постучать к Стадницким и спросить, не нуждаются ли они в нашей помощи, но Нианила отговорила меня, уверив, что, если помощь понадобится, молодые люди сами к нам обратятся.

Первая ночь прошла спокойно, хотя должен сказать, что несколько раз я просыпался, потому что начинал плакать ребеночек. В ночной тишине каждый звук разносится на много метров, а когда твое сознание настроено на появление в соседней квартире младенца, отделенного от тебя деревянной стенкой, то естественно, что твоя нервная система работает с большой нагрузкой.

На следующий день была пятница, но наши жестянщики не вышли на работу, потому что накануне перепили, и для всех нас наступил счастливый и спокойный день.

С утра мы ходили смотреть на младенца и спорили, как его назвать, потом заявилась Клавина свекровь, женщина суровая, но была растрогана и принесла недоеденный на празднике торт. Клава как кормящая мать испытывала голод и готова была накинуться на торт, но моя супруга Нианила, благо что женщина маленького росточка, выхватила из ее рук торт и выбросила его лично в поганое ведро. В ответ на крики свекрови она заявила, что как советский человек не допустит, чтобы кормящую мать отравляли третьегодняшним тортом, который кишмя кишит бактериями.

Скандал загасили, потому что на нашу сторону встал Коля, который давно подозревал, что его мама хочет отравить молодую жену. Достаточно вспомнить, что она в прошлом году принесла Клаве на день рождения коробку с итальянскими туфлями, а когда Клава, трепеща от предвкушения, развязала коробку, в ней оказалась гадюка. Коля, ожидавший каверзы, хотел эту гадюку тут же убить, но Клава схватила гадюку за хвост и стала гоняться за свекровью, крича:

— Мы еще посмотрим, кто кого ужалит!

Перепуганная свекровь поклялась, что не открывала коробку, и мы все сделали вид, что ей поверили. И отнесли гадюку в магазин.

Вы бы слышали, какой там начался скандал, когда гадюка искусала директора и бухгалтершу. Пострадавшие лежали в областной больнице, наши с итальянским правительством обменивались нотами протеста, а итальянский посол приезжал в больницу и привозил пострадавшим цветы, дефицитные лекарства и невзрачного вида плоды киви, похожие на яйца зеленой курицы. Потом бухгалтерша заявила, что итальянский посол ее изнасиловал, пользуясь беспомощностью женщины и своим дипломатическим иммунитетом. Посла отозвали, и ему пришлось взять с собой

бухгалтершу и ее двух детей, прижитых вне брака. Теперь, говорят, он снимает ей квартиру в центре города Венеция с видом на канал, бухгалтерша сидит целыми днями у окна и плюет в канал шелуху семечек, которые ей присылают родственники. Посол давно уже повесился, и квартиру оплачивает итальянское правительство. Вот такая у Клавы свекровь, Лилия Юлиановна.

Когда моя Нилочка выкинула наверняка отравленный торт в поганое ведро, свекровь ушла, потому что ее заговор провалился. И мы остались одни.

Клава училась пеленать младенца, и младенец начал писать и какать. А я как человек, склонный к изобретательству, представил себе, что когда-нибудь, может быть, в двадцать втором веке, люди изобретут такие прокладки для младенцев, которые ты подкладываешь в штанишки или подгузники, и они впитывают все, что младенец наделал. Он всегда сухой, а ты лишь два раза в день меняешь ему эти штучки... В ответ на мое изобретение Нианила Федоровна сказала, что лучше бы эти штучки придумать для женщин, у которых наступают менструации. И женщинам будет приятно ничего не опасаться и ходить в сухости. Мы стали придумывать названия для таких прокладок, но так и не сговорились. Потом, когда Нианила села распускать мой старый свитер, она вдруг засмеялась и сказала:

— А представляешь, что когда-нибудь по телевизору скажут: «Дорогие женщины, покупайте для себя подгузники!»

— Нет, — засмеялся я, — лучше пускай на экране возникнет такая красавица, как Любовь Орлова, и скажет: «Раньше я в Такие дни просто истекала, а теперь хожу сухая...»

— Перестань хамить! — обиделась моя любимая жена. — Такого, к счастью, быть не может.

Мы помирились, но через четверть века оказалось, что в нас тогда бурлил дух предвидения. Вы меня понимаете?

Молока у Клавы было достаточно, и она кормила ребеночка сама.

Мы любовались ею, как Богородицей, и Клава совсем не стеснялась, хоть своего мужа Колю стеснялась и гнала.

Часов в шесть вечера случился странный визит.

Перед нашим домом остановился грязный, помятый, я бы сказал, несчастный автомобиль, он был похож на большого породистого пса, скажем, ньюфаундленда, покинутого хозяевами и прибившегося к стае бродячих дворняжек.

Из автомобиля вышел широкий бритоголовый негр в белой майке с надписью по-английски, которую я понял: «Висконсинский университет». Он намеревался войти в наш подъезд, но увидел меня у окна и знаком приказал мне открыть окно. Не знаю почему, но я подчинился его жесту, и негр спросил меня:

— Здесь проживает госпожа Стадницкая и ее семейство?

— А что вам нужно? — осторожно спросил я. Хотя в те дни, тридцать лет назад, преступность была куда ниже уровнем и в нашем городе она ограничивалась пьяными драками, все же в негре я чувствовал нечто тревожное.

— Мне нужно иметь беседу и предупредить об опасности, — сказал негр.

— Сообщите через меня, — сказал я. — Я передам.

— Я должен сделать это лично, доннерветер! — возразил негр.

Не знаю, что за озорство напало на меня, но клянусь, что оно никак не указывает на мои расистские склонности.

— Скажите, а какой марки ваш автомобиль? — спросил я.

Негр опешил от моего вопроса и сказал:

— Это «роллс-ройс», любой нормальный человек поймет это с первого взгляда.

— Стыдно, молодой человек, — сказал я, — такую ценную вещь следует содержать в порядке. И если вы не можете помыть такую ценную мацину, как я могу доверять вам в других вопросах?

— Вы категорически неправы, — возразил негр, — вы не представляете, по каким буеракам я вынужден был добираться до этого дома.

— Эй! — донесся до нас женский крик. Негр резко обернулся.

— Годдам! — воскликнул он, прыгнул в машину, которая не сразу завелась, тогда как по улице, прихрамывая, к нам бежала высокая худая рыжая женщина, размахивая полосатой милицейской дубинкой.

Наконец машина завелась и рванула с места. Женщина встала на ее пути, милицейским жестом подняв жезл, чтобы остановить движение, но негр не послушался женщину, а поехал прямо на нее.

И в этот момент вся эта картинка растворилась перед моими глазами, будто все это привиделось.

— Ты их видела? — спросил я Нианилу.

— Кого видела? — спросила Нианила, которая накрывала на стол.

— А может, ты их слышала? — спросил я.

— Закрой окно, — сказал моя жена.

Если она не видела и не слышала этого конфликта, подумал я, то нет смысла пересказывать его содержание. Она же все равно не поверит.

Больше никаких событий до самой ночи не происходило.

Мы легли спать как обычно, и сначала я крепко заснул, ибо не жаловался в те годы на бессонницу, будучи мужчиной в самом соку жизни. Это теперь, уйдя на пенсию, я провожу ночи без сна и в тревогах.

Ночью мне слышались всевозможные стуки и перезвон, более того, мне снилось, а может, мерещилось сквозь дремоту, как звезды говорят друг с другом, передавая зашифрованные сообщения.

Я проснулся утром ровно в семь тридцать от шума.

Обычно именно в это время начинают работу жестянщики этажом ниже, но так как была суббота, то шума не должно было быть. Что меня и разбудило. То есть мой организм не ждал шума, но шум был, хотя другого типа, нежели обычно.

Шум доносился из-за стены, от соседей, в нем можно было различить человеческие крики различного тембра, удары, звон посуды — мы с женой вскочили. В окно лилось утреннее солнце, разноголосо верещали и свиристели птички, на деревьях распускались листочки, и среди этих приятных сердцу звуков и пения резким диссонансом выделялись крики от соседей.

— Семен, — сказала Нианила, — мы должны спешить на помощь.

— Ты полагаешь, что наша помощь нужна? — спросил я.

— Они кричат трагическими голосами, — сказала моя жена. — Может быть, случилось... Нет, я не могу произнести!

— Случилось несчастье с ребеночком?

— Замолчи! Немедленно замолчи!

Кое-как накинув халаты, мы побежали на лестничную площадку, затем, улучив паузу в криках и грохоте, позвонили в дверь.

Нам долго не открывали.

Наконец я стал звонить настойчиво, не отнимая пальца от звонка, и через минуту дверь дрогнула и приоткрылась на узкую щель.

В щели я угадал профиль Коли Стадницкого.

— Коля, — сказал я, — доброе утро. Скажи, что произошло?

— Ничего не произошло! — резко ответил молодой человек.

И захлопнул дверь.

Мы остались на лестнице.

— Если мы сейчас не зайдем в какую-нибудь квартиру, — сказала Нианила, — то обязательно простудимся.

— Тогда лучше идти к нам, — предложил я. — Хоть мне и грустно сознавать, что появление ребенка ведет к конфликтам в семье Стадницких, я не чувствую себя вправе делать им замечания.

Мы двинулись было к нашей двери, но тут дверь к соседям снова приоткрылась и Стадницкий сказал нам вслед:

— И вообще вас это не касается! Не смейте совать носы в нашу личную жизнь!

— Мы и не суем, — с достоинством ответила Нианила, и мы ушли к себе.

Но недолго оставались одни.

Не успели мы запереть дверь, как услышали легкие шаги Клавы.

Она ворвалась следом за нами в нашу квартиру и шепотом закричала:

— Спасите меня! Он весь пошел в свою мамашу!

— Неужели он хочет отравить тебя? — спросила Нианила.

— Хуже!

— Он поднял руку на ребенка?

— Ах, я сама не знаю, что говорю, — откликнулась Клава.

Тут же в дверь втиснулся Коля.

— Возвращайся домой, продажная развратная тварь, — сказал он, — не смей общаться с порядочными людьми.

— Коля, прекрати немедленно! — сказала Нианила. — Я тебя выставлю за дверь. Ты что хулиганишь?

— Я? Хулиганю?! Да на моем месте другой давно бы ее задушил! Отелло своих жен за меньшие штучки на тот свет отправлял.

Мы замолчали, переваривая страшную информацию. И как назло моя любознательность опять нас подвела.

— Прости, — заинтересовался я, — а сколько жен задушил Отелло?

Тут Клава зарыдала, а Коля ответил:

— Всех, которые были... как моя!

— Ну ладно уж, — сказал я. — Что плохого могла сделать тебе жена, которая принесла тебе два дня назад из роддома чудесного сынишку?

— Вот именно, — сказал Коля.

— Но ведь я не виновата! — закричала Клава.

— Ах, ты не виновата? Не виновата — так не бойся, покажи соседям свое артистическое мастерство.

— И покажу, — ответила Клава. — Мне нечего скрывать.

— Нечего?

— Нечего! — И Клава обратилась к нам. — Пошли посмотрим, и вы меня реабилитируете.

Все вчетвером мы вновь пересекли лестничную площадку и вошли в квартиру Стадницких, из которой доносился детский плач, сопровождаемый эхом.

Надо сказать, что я вступал в квартиру Стадницких с тяжелым предчувствием того, что вступаю в опасную и, может быть, трагическую эру моей жизни. Казалось бы,

что такого: ну плачет младенец, ну негры ездят по нашему Веревкину в иностранных автомобилях. Меня, скромного школьного учителя русского языка и литературы, не должно касаться...

— Нас это коснется, — прошептала моя золотоволосая супруга. — Ой как коснется!

Как и положено верной спутнице жизни, Нила порой читала мои мысли.

Молодые люди впустили нас в комнату, которая служила спальней им и младенцу, и подвели к кроватке с деревянными барьерчиками по бокам, купленную на вырост.

В этой кроватке лежали два младенца и пускали слюни.

Я прошу вас, уважаемый читатель, остановиться на этом месте повествования и попытаться встать на мое место.

Повторяю: мы вошли в комнату, где пахло детской мочой, присыпкой, счастливым и скромным бытом. Мы посмотрели на кроватку. В ней лежали рядышком два младенца и пускали слюни.

Вы поняли?

Мы ничего не поняли.

Мы переглянулись, потом посмотрели на родителей.

После тяжелой паузы раздался голос Коли Стадницкого.

— Видите?

Нила кивнула.

— А я так надеялся, — вздохнул Коля Стадницкий, — я так еще надеялся, что у меня ночной кошмар и галлюцинации. А бывают коллективные галлюцинации.

— Коллективные галлюцинации! — воскликнула оскорбленным голосом его молодая супруга. — А кто в меня кастрюлей кидал, убить хотел? Кто осыпал меня оскорблениями и рукоприкладством?

— А что мне оставалось делать? — ответил плачущим голосом Коля. Он уступал жене в размерах, но был жилистым и крепким человеком, так что всегда мог одолеть пышную, белую, мягкогрудую Клавдию.

— Прости, Коля, — спросил я, с трудом оторвав взгляд от кошмарного зрелища. — Но за что ты рассердился на свою жену?

— Как за что? За измену, вот за что! — откликнулся Коля.

— Да не рожала я его! — взмолилась Клава. — Христом Богом клянусь, не рожала. Я одного рожала и одного домой принесла. Неужели бы я не заметила, когда второго рожала?

— Вряд ли это возможно, — поддержал я Клаву.

— А я говорю — это заговор! — настаивал Коля. — Ты одного от меня родила, а второго потом, специально, потому что не мой он ребенок, а плод измены.

— Так это с кем я тебе, дурак, изменяла?

Молодые супруги вновь начали сражение, но убежать с поля боя мы с Нилой не могли, потому что присутствовали при странной загадке мироздания, а загадки требуют разрешения.

— Всем известно с кем! — кричал Коля. — С Гасаном из вашей конторы.

— Это чтобы я — с Гасаном!

— Такие, как ты, только с Гасаном и могут!

— Да ты посмотри, глаза твои слепые! — возмутилась окончательно Клава. — Гасан — черный?

— Еще какой черный!

— И глаза у него черные?

— Ну и что?

— И кожа смуглая?

— Ну и что?

— И нос как дыня?

— Ну и что? Что? Что?!

— А то, что младенцы одинаковые и оба в тебя, подонок! Ты посмотри — глаза серые, носы курносые, губы наружу и уши вертикально!

— Клава права! — быстро произнесла моя жена, чтоб Коля не успел придумать какую-нибудь другую глупую версию. Нила, как и я, понимала, что дело куда сложнее, чем простая супружеская измена. При простой супружеской измене близнецы не рождаются с промежутком в пять дней. Не знает такого мировая наука.

— Ясно, — сказал Коля. — Я понял. Это не Гасан, а Пупенченко из Гортопа! И курносый, и глаза серые.

— А уши? — спросила Клава. — Уши у него прижатые, а вертикальные уши только у тебя и отросли, урод лопоухий!

Коля пощупал свои уши. Они и в самом деле выдавались вертикально к поверхности головы.

— Это ничего не значит, — сказал он. — В детстве у меня другие уши были.

— Что же это, я тебя с детства не знаю, что ли?

— И я твой характер с детства освоил! — произнес Коля.

Младенец справа заплакал. Он сучил ножками.

Мы все смотрели на него. Второй младенец повернул головку и тоже посмотрел на него. Господи, они были абсолютно похожи!

Но Коля сделал иной вывод.

— Вот, — сказал он, — правый — это мой. Я чувствую. Он плачет и страдает от твоей, Клавка, подлой измены!

И тут, как бы подслушав обвинения Коли, второй малыш зарыдал так, что правый перестал плакать и воззрился на брата.

И правда — я уже не мог называть их иначе как братьями, близнецами, хотя этого и быть не могло.

— Послушай, Коля, — сказала моя супруга, — ты можешь шуметь и бить посуду, как тебе хочется, но твоя жена здесь не виновата. Она в себе носила только одного младенца, это может Дина Иосифовна подтвердить. И я сама Клаву у роддома встречала, и ты сам младенца на руках нес. И он был один.

— Сначала был один, — ответил Коля, — а сегодня ночью она еще одного родила. Тайком от меня, потому что это не мой ребенок!

— Ясно. — Я вмешался в этот пустой разговор. — И какой же из них твой, а какой чужой?

— Совершенно очевидно, — ответил Коля. — Справа мой, а слева чужой.

— И почему?

— Разве неясно? — спросил Коля. — Справа мой, а слева ихний.

— И как же ты их различаешь? — спросила моя жена Нианила.

— У него мой голос проклевывается.

Клава наклонилась к кроватке, взяла того младенца, который плакал пронзительнее, обнажила полную грудь и дала ее мальчику. Тот сразу замолчал и зачмокал.

Второй заплакал еще громче.

— Прекрати кормить узурпатора! — закричал Коля. — Корми моего ребенка.

Он даже протянул руку к жене, чтобы оторвать младенца от ее груди, но Нианила встала между ним и кормящей матерью и сказала:

— А ну-ка погляди на кроватку. Разве ты не видишь, что она правого взяла, того самого, которого ты за своего держишь.

— Разве? — Коля находился в шоке. Руки его тряслись и взор блуждал. — Вы так думаете, тетя Нила?

— Я уверена, — сказала моя жена. — И думаю, что хватит устраивать здесь базар. У тебя родились два близ-

неца, ты их различить не можешь, оба — точная твоя копия, а ты смеешь кричать на жену!

— Это точно... — Коля потерял боевой пыл, но окончательно не сдался. — А когда же... где он вчера был?

— Вчера он из нее еще не вышел, — сказал я. — В медицине такие случаи известны.

Я лгал, но лгал во спасение. Я понимал, что младенцы не виноваты. И Клава не виновата, и Коля не виноват. Тут действует какая-то внешняя сила.

Коля стоял посреди комнаты и думал.

Клава, которая уже смирилась со своим положением, откормила первого близнеца и взяла из кроватки второго.

— Нет, — вдруг согласился Коля. — Мне их не отличить.

— У них даже родинок нету, — сообщила Клава умиротворенным голосом кормящей матери. Коля подумал и вновь огорчился.

— Но ведь тогда, значит, одного нам подкинули?

— А кто-нибудь заходил? — спросил я.

— Ну если бы кто-то к ним заходил, — вмешалась моя супруга, — то мы бы услышали. Наша лестница скрипит сильно.

— Скрипит, — согласился Коля. Он посмотрел на меня испытующе. Его глаза были красными от недосыпа и огорчения. — Значит, бывают случаи, что второго недосмотрели и он с опозданием родился?

— Мы принимаем это как рабочую гипотезу, — сказала моя жена голосом секретаря обкома.

И как-то все сразу согласились.

Мы сидели на стульях в комнате, смотрели на младенцев, которые заснули, и говорили вполголоса, чтобы их не потревожить.

Никто из нас не верил, что второй младенец родился с опозданием на пять дней, а Клава этого не заметила.

Она сама признавала: «Если бы во сне, все равно бы схватки были, без боли не бывает».

Ну ладно, размышлял я, допустим, кто-то подбросил младенца, ловко подбросил, незаметно. Но почему точно такого же? Где он его раздобыл?

— А что, если... — сказал я. Потом осекся. Но все уже смотрели на меня. Пришлось продолжать. — А что, если ты его, Клава, сразу родила. С самого начала их двое было. Но потом его отнесли в палату, где новорожденных держат, а отдать забыли. Вот теперь спохватились — видят, лежит лишний ребеночек. Они стали проверять — получается, что твой, Клава. Вот они с перепугу и подкинули его незаметно. Чтобы скандала не было. Ведь это страшный скандал — в младенцах обсчитаться, тут выговором не отделаешься. У нас каждый советский человек на счету.

— Не очень мне кажется твоя теория, — сказала Нианила. — Но другой пока нет.

— Есть, — вернулся к старой версии Коля. — Есть, если это плод супружеской измены.

— Ну, Коля! Ну не сходи с ума! Ну что ты несешь! — Мы все накинулись на Колю, и он окончательно сдался. Казалось бы, дело утряслось. Нет, ничего подобного. Ведь мы живем не в вакууме, мы живем в человеческом коллективе. И коллектив уже приходил поздравлять Клаву с родами, коллектив убедился в том, что младенец родился в одиночестве. Ну как теперь убедишь свекровь и других родственников?

— Они потребуют документы, — сказала Клава. — Они же не лучше моего супруга, даже в некоторых отношениях хуже его. Они меня будут упрекать в супружеской измене, вот увидите.

— А мы им документ! — сказал я.

— Какой еще документ? — удивилась Нианила Федоровна. — Где ты найдешь документ о том, что младенцев было двое? Ведь младенец был один!

— Надо проникнуть, — сказал я, — проникнуть и подменить документ. С происхождением младенца мы сами разберемся: куда нам спешить? А вот что касается документации, то без нее не обойтись.

— И что же вы предлагаете, дядя Семен? — спросила Клава.

— Немедленно идти в больницу, в регистратуру родильного отделения, и изменить там число младенцев, — сказал я. — Хорошо еще, что вы в ЗАГСе ему имя дать не успели.

— Тогда пошли, — сказал Коля. — А то стыда не оберешься. Как на службу вернусь, не представляю!

— Может, лучше дождемся ночи? — спросил я.

— Нет, — сказала Нианила, — сейчас вы открыто придете, а ночью надо красться, как воры, и еще в милицию попадете.

Мы оделись и пошли в больницу. По дороге Колей овладела странная надежда, что мы сейчас поднимем документы и в них окажется, что у него с самого начала было два близнеца. И тогда не надо ревновать жену и оставаться на всю жизнь в неведении, ты ли отец одного из своих сыновей.

К счастью для Коли, он — существо ограниченное и приземленное. Так что за пределы земных и реалистических объяснений он не пускался. Я же, шагая рядом с ним, не мог отделаться от тягостных подозрений, что тайна лишнего близнеца не так проста, как может показаться, и вряд ли объясняется ошибкой в документах или неверностью жены. К тому же Коля надоел мне, стараясь выяснить, а нет ли в природе примеров, чтобы самка рожала близнецов порциями. Ну может, не у людей, а у

кошек или морских свинок? На что я не мог ответить. Черт их знает, морских свинок!

В больницу мы пришли около девяти, народу было мало. Я взял разговоры на себя, и Коля был мне благодарен.

Пожилая регистраторша была мне знакома, она приходилась приятельницей моей покойной маме, и поэтому я говорил с ней почти доверительно.

— Дорогая Даша! — обратился я к ней, сунув голову в полукруглое окошко. — Мы к тебе с несколько необычной просьбой.

Дарья Тихоновна высунула голову в окошко, узнала Колю и обрадовалась.

— Поздравляю тебя с первенцем! — сказала она. — Пускай растет богатырем на радость нашей Родине. Пускай им будет гордиться наш город, как новым Павликом Морозовым.

Дарья Тихоновна всю жизнь провела в пионерах. Сначала председателем совета дружины, потом пионервожатой, затем инструктором райкома комсомола по пионерским вопросам, а постепенно, через гороно и совет ветеранов, превратилась в почетную пионерку нашего города. Поэтому ей были свойственны восторженность и громкий голос.

При упоминании об отце Павлика Морозова Коля сразу слинял, сгорбился, исчез, а я затолкал лбом обратно голову Дарьи и перешел на другой, понятный ей тон:

— Слушай, Даша, у нас проблема.

— Давай, дружок, слушаем, — ответила Дарья.

— Ты, наверное, слышала по телевизору, что начался отбор в школу передового пионерского опыта?

— А что? Где?

— В самой Москве, — ответил я. — Записывают с рождения, с первого дня.

— Ну уж они в Москве перегибают палку! — заявила Даша.

— Актив, — прошептал я. — В наши тяжелые времена актив надо готовить с пеленок. Ты же знаешь, какие проблемы с активом.

— Не актив, а сплошная пассивность, — согласилась со мной Даша. Она встряхнула головой, и коротко остриженные скобкой седые волосы рассыпались по лбу.

— Решено создать при центральном совете пионерской организации спецшколу. Отобранных детей фиксируют с момента рождения, а затем подвергают специальному облучению. Нет, не пугайся, все под контролем. Облученные развиваются лучше других детей...

— Какое еще облучение! — рявкнул за моей спиной Коля. — Не позволю моим детям делать облучение.

— Но вот, ты же понимаешь. — Я сурово нахмурился, и Даша послушно прикрыла глаза.

— Сейчас ты дашь нам историю болезни Клавы Стадницкой. Мы спишем все данные на ребенка. Ведь на него отдельную карточку еще не завели?

— Сейчас посмотрим, — сказала Даша. — Конечно, у нас в больнице все попроще, чем в каком-нибудь московском родильном доме, но все документы подшиты как положено.

Коля жужжал мне в ухо:

— Какое еще облучение?

Даша сказала:

— Видно, история болезни еще в родильном отделении или в консультации у Дины Иосифовны. Ты там, Сеня, посмотри.

— А Дина Иосифовна пришла?

— По расписанию с девяти.

— Ну тогда — будь готов! — Я сделал ей ручкой пионерский салют, и старая пионерка серьезно сделала мне ручкой в ответ.

— Всегда готов!

Я велел Коле сидеть внизу и ждать, а сам пошел в родильное отделение. Там была только сестра, незнакомая, она сказала, что документов на рожениц они не держат. Мне ничего не оставалось, как отправиться к Дине Иосифовне.

Я постучал.

Дверь открылась, и из кабинета вышла высокая рыжая худая женщина. Она уколола меня зеленым взглядом и пошла, хромая, прочь по коридору.

— Простите, — спросил я. — Вы Дину Иосифовну не видели?

— Я теперь Дина Иосифовна, — сказала женщина.

— А у вас нет истории болезни Клавдии Стадницкой? — спросил я.

Не оборачиваясь, та женщина помахала тетрадкой, которую держала в руке, и сказала:

— Получите в регистратуре.

Я все-таки заглянул в кабинет. В кабинете было пусто.

Конечно, та женщина не была Диной Иосифовной, но, с другой стороны, она уже не первый раз претендовала на место Дины Иосифовны. И конечно, она была связана с тайной близнецов.

Размышляя, я спустился на первый этаж. Коля все еще сидел на стуле у гардероба.

— Ты никого не видел? — спросил я.

— А кого я должен был видеть? — спросил Коля. Я не успел ответить, как меня окликнула Дарья:

— Сеня! Дина Иосифовна вернула мне Клавкину историю болезни. Она тебе нужна?

Дарья протянула мне в окошко историю болезни.

Мы с Колей отошли к окну.

Я перелистал страницы — оказывается, Клава переболела свинкой, у нее была грыжа и некоторые неприят-

ности с менструальным циклом; но я не стал задерживаться на мелких деталях — я листал и листал, пока не дошел до последней записи: «25 апреля 1988 года родила двух близнецов мужского пола, вес идентичен — четыре кило двенадцать граммов, длина тела...

— Ну вот, — сказал Коля, который читал через мое плечо. — Я же говорил, что она родила их вместе.

Он вытер со лба выступивший пот.

— Спасен, — пробормотал он.

— Да, ты спасен, — сказал я без убеждения. Ведь я-то был уверен в том, что еще позавчера у нас был лишь один близнец. А второй появился с опозданием.

Я сел на стул и перелистал все данные о близнецах. Притом я внимательно посмотрел, не был ли вырван лист и заменен другим. Но следов подмены я не обнаружил. Да и не ждал особенно. Ведь если они самого младенца смогли нам подкинуть — неужели они страницу не смогут сделать чисто, как шпионский паспорт.

Я вернул историю болезни Даше, и она по моей просьбе выписала нам справку для ЗАГСа. Ведь нам надо получить на детей метрики.

Как мы вышли на улицу, Коля сразу отобрал у меня справки на близнецов. Он на глазах распухал от гордости.

Смешная вещь — судьба. Она на моих глазах играла человеком.

Навстречу нам шли два мужика, в подпитии, они, видно, работали или учились вместе с Колей. Один из них сказал:

— Говорят, ты богатыря родил?

— Не богатыря, — ответил Коля искренне, — а двух богатырей.

— Неужели близнецы? — спросил приятель. Коля вытащил из бумажника справку, и они втроем начали ее читать.

— Это надо обмыть, — сказал другой приятель.

— Давай справку назад, — сказал Коля и неуверенно поглядел на меня.

— В свете обстоятельств я бы вернулся домой. Порадовал бы Клаву.

— А чего Клавку радовать? Она уж свое отрадовалась, — сказал приятель. — Мы тебе, дядя Семен, парня не отдадим.

— Тогда отдай справку.

— А что же мы тогда обмывать будем? — удивился второй приятель.

— Коля! — сказал я строгим голосом. Коля раздумывал. Потом протянул мне справку и сказал:

— Дядя Семен, вы справку домой отнесите, а мы с ребятами пойдем по пиву шарахнем.

— По пиву шарахнем, — поддержали его друзья. — Бочковое привезли, «Бавария», рязанского розлива, не то что наша бурда.

Только мы Колю и видели.

А я принес справку и положил ее перед Клавой.

Конечно, ее беспокоило исчезновение Коли в такой день, но справка ее утешила.

Она стала допрашивать меня, как удалось ее добыть? Кого я подкупил?

— Никого я не подкупал и никого не обманывал, — ответил я. — В твоей истории болезни и в самом деле написано, что ты родила близнецов.

— Но ведь я второго не рожала, — сказала Клава, правда, не очень уверенно.

Вот так на глазах и создаются легенды.

— А в справке написано, что рожала, — сказал я.

— Может, во сне? — спросила Клава. — Может, был наркоз?

— Значит, одного ты родила без наркоза, — съязвила моя жена, — а второго через несколько минут под наркозом. Может, ты его и зачинала под наркозом?

— Нет, что вы, Нианила Федоровна! — покраснела Клава.

Клава всегда хранила верность Коле, впрочем, на ее верность никто и не посягал.

Малыши лежали в кроватке, они казались здоровыми мальчиками, крупными, розовыми, нормальными детьми.

— Но один из них ненормальный, — сказал я Нианиле Федоровне, когда мы остались одни и пили чай.

— И должно же быть этому объяснение, — сказала Нианила. — Скорее всего мистическое.

В этом и заключалось наше противоречие. Я оставался на точке зрения, что все события в природе имеют объективное и научное объяснение. Однако Нианила как более эмоциональная натура допускала существование в природе мистических сил и даже колдовства. И если я, идя по улице VI Съезда Комсомола, видел приклеенное к столбу объявление о том, что в Веревкине начинаются выступления члена международной Академии черной и белой магии, излечивающей заговорами и взглядом от онкологических и гинекологических заболеваний, а также наводящей и снимающей порчу, всемирно почитаемой Марьяны Форсаж, я лишь скептически улыбался, а моя жена, хотя на сеансы не ходила, задумчиво замечала:

— Что-то в этом должно быть. Дыма без огня не бывает.

— Так рассуждали обыватели и палачи в тридцать седьмом году! — резко отвечал я, но Нианила не вступала со мной в дискуссии, а принималась вязать мне очередной свитер.

— Надо понять, кому это выгодно, — сказал я.

— Вернее всего дьяволу, — ответила моя супруга.

— Чепуха! — возмутился я. — Ты знаешь, что дьявола нет. Это научный факт.

— Научных фактов не существует, — отвечала Нила. — Они опровергаются высшими силами.

Таким образом наша дискуссия зашла в тупик.

— Я полагаю, — произнес я, отступая на заранее подготовленные позиции, — что в этом деле может быть замешана американская разведка.

— Зачем ей замешиваться? — спросила Нианила Федоровна.

— Чтобы внедрить своего агента, — ответил я.

— С такого-то возраста у них агентами работают? — засмеялась моя жена. — Что у них, повзрослее нету?

— Они его будут растить, — сказал я. — И никто не заподозрит в советском ребенке враждебного элемента.

— А он вырастет у нас, пойдет в пионеры, в школу и под влиянием нашего воспитания забудет, что был агентом...

— А когда подойдет срок, — ответил я, — у него в мозгу включится приборчик. И он начнет действовать.

— Ты начитался каких-то детективов, — возразила моя жена. — Если бы они могли вставлять приборчики в мозги, то все наши туристы и командированные в иностранные государства уже работали бы на американскую разведку.

— Вот именно! — сказал я скорее из упрямства, чем по убеждению — Есть мнение, что большинство наших туристов и загранработников уже работают на них.

— И каков результат?

— А таков результат, — сказал я, — что у нас сплошные провалы с народным хозяйством, что мы, несмотря на обещания партии и правительства, все еще не живем при коммунизме.

— Ну, Хрущев это обещал не на сегодня, а на нынешнее поколение.

— И кем оказался? — спросил я с горькой улыбкой.

— А что такого?

— А такого, — сказал я, — что в нем обнаружился волюнтарист и авантюрист, и его пришлось снять с работы на пенсию.

— А ты в это поверил?

— Я стараюсь верить партии, — сказал я, — иначе жизнь теряет смысл.

Нианила была настроена мирно. Она не стала резко возражать, а, наоборот, с некоторой задумчивостью произнесла:

— А представь себе, что это не американцы, а самый обыкновенный дьявол, враг рода человеческого.

— А дальше что?

— А дальше то, что вырастет дьявол в нашей среде, и мы его будем воспринимать как обыкновенного человека, а он тем временем будет губить наши души.

— Души можно губить у тех, у кого они есть, — возразил я. — А если мы воспитаны атеистами, то душ у нас нет и поэтому дьяволу у нас нечем поживиться.

— Не шути так, Сеня, — сказала моя жена. — Даже если ты и получил атеистическое воспитание, что меня очень огорчает, то это не значит, что ты должен плевать в души тем людям, в которых души есть. Например, мне.

— Но ты же была комсомолкой!

— И ты был крещен! — отрезала Нианила.

— Я был крещен в раннем детстве, когда не соображал, что со мной делают.

— А если бы сейчас?

— Если бы сейчас, я бы отказался.

— Почему?

— Потому что меня поперли бы с работы! Как можно доверять воспитание детей в советской школе человеку, который пошел и крестился.

— Ох, дожить бы до такого времени, — вздохнула моя жена, — когда снова будет не стыдно верить в бога и когда будут восстанавливать соборы...

Тут мной овладел смех, и я сказал:

— А наш секретарь райкома пойдет в церковь, возьмет свечку и будет молиться! Ха-ха-ха!

— Ой, не спеши с выводами, — сказала моя жена. — Господь видит, да не скоро скажет.

Вот такие споры и беседы происходили в нашей семье по поводу второго близнеца. И конечно же, споры эти, как любой русский спор, ни к чему не приводили. Спорщики оставались на своих позициях, только с некоторой внутренней обидой друг на друга.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. 1988 год

Время несется быстро. Простите за такое банальное заявление, но если постараться понять, как прошли первые двадцать лет жизни наших близнецов, то покажется, словно только вчера мы принесли их из родильного отделения.

Наверное, вы заметили мою оговорку — я сказал «близнецы». А ведь, пожалуй, за исключением меня и — в некоторой степени — моей супруги Нинилы Федоровны никто не сомневается, что они появились на свет одновременно. Правда, я вспоминаю, какой скандал закатила двадцать лет назад мать Коли Стадницкого, кото-

рая испугалась, не появится ли у Клавы еще несколько близнецов, которых та вынашивает специально для того, чтобы претендовать на жилплощадь Стадницких-старших. Смешно? Нет, не так смешно, как кажется, ибо тот конфликт закончился трагически. Свекровь, которая умела водить автомобиль и возила на старой «победе» картошку из своего подверевкинского имения, угнала «КамАЗ» и спрятала его в переулок, мимо которого Клава проходила на рынок за свежими продуктами. Завидев невестку, она погналась за ней на «КамАЗе». Клава отскочила в сторону, а старуха не справилась с управлением и врезалась в полуразрушенную еще в тридцатые годы церковь Аники Воина. И погибла, погубив при этом чужой грузовик.

А опасения ее оказались напрасными. Клава больше не родила ни одного близнеца. Как их было двое почти с самого начала, так и осталось.

Когда похоронили ее свекровь, на свете не осталось сомневающихся. Могли бы сомневаться Дина Иосифовна, та самая, первая, черная, низенькая, но ее заменила в консультации другая Дина Иосифовна, высокая, хромая и рыжая. Самое удивительное то, что, кроме меня, никто не увидел подмены. И даже Клава, которая носила к ней близнецов на проверку их здоровья и прибавки в весе. Я полагал, что она и есть резидент ЦРУ в нашем Веревкине, но доказать ничего не смог. Как-то на киносеансе я встретил нашего начальника районного ГБ и спросил, что он думает о докторе Дине Иосифовне. Больше я сказать не мог, потому что никогда не числил себя в доносчиках. Фомичев сказал «проверим», но больше со мной не заговаривал, а хромая продолжала работать в нашей больнице и никто не принимал мер. Ну скажите, как можно не заметить разницы между столь различными женщинами? И куда делась первая? Никто не дал

мне ответа. А я полагал, что его следует искать в архивах ЦРУ.

Сначала я побаивался, не попытаются ли американцы похитить или даже уничтожить первого, настоящего близнеца. Но потом решил, что это не входит в их интересы. Наоборот, они будут стараться, чтобы оба близнеца выросли и тогда их шпион будет меньше заметен, как меньше заметен любой человек в толпе.

А раз так, то лже-Дина Иосифовна, без сомнения, сделает все, чтобы дети росли здоровыми. Даже если для этого понадобятся импортные лекарства.

Так и было.

Отражая общее стремление в обществе к русификации имен, близнецам дали имена исконно русские, не то что Эдики и Олеги моего поколения. Одного звали Кириллом, второго — Мефодием. А в просторечье — Кирюшей и Митей.

Мальчики были совершенно неразличимы. Даже мать отказывалась отыскать различие. А ведь вы знаете, что любая мать обладает инстинктом и различает всех своих детей.

Клава говорила мне:

— Поймите, Семен Семенович, я их отлично различаю. Они кое в чем разные. Но, к сожалению, я не знаю, к кому из них эти отличия относятся. Так что я их зову и смотрю, кто откликнется. Если на зов «Митя» прибежит Мефодий, я его сразу отличаю от Кирюши.

Коля гордился тем, что у него двойня. Да еще неразличимая. Правда, порой, особенно если выпьет, в его душе поднимались сомнения и даже страх. А мне он говорил так:

— Это, конечно, предмет для гордости, вы меня понимаете? Но в один прекрасный день он меня задушит.

— Кто? — спрашивал я, делая вид, что не понимаю.

— Тот самый, — отвечал он.

Но так случалось редко. Для всех окружающих лучше отца, чем Николай, не сыскать. И с Клавой они жили слаженно — не то чтобы в любви или согласии, но без скандалов.

Быстро проскочило беззаботное детство.

Митя и Кирюша пошли в школу. Учились они в школе №2, то есть я имел возможность наблюдать за ними практически каждый день. А оттого, что мы жили с мальчиками на одном этаже и они с детства проводили в нашей квартирке немало времени, так как родители оставляли их на наше попечение, им трудно было называть меня Семеном Семеновичем, и бывали, особенно в младших классах, забавные случаи, когда они именовали меня дядей Сеней.

Мальчики сидели за одной партой и порой пользовались своим идеальным сходством для каверз или к своей выгоде. Один из них учил, к примеру, литературу, а другой делал математику. И если вызывали к доске Митю, то в случае необходимости выходил Кирюша.

Но постепенно, по крайней мере для меня, различие между близнецами стало сказываться все очевиднее. Уже к третьему классу обнаружилось, что Кирюша умнее, живее, непоседливее своего близнеца. Митя был скромнее, тише, аккуратнее и больше похож на своего обыкновенного папу.

Но поначалу это было очевидно лишь для меня и Клавы, с которой мы обсуждали эту проблему. Остальные видели только двух близнецов, а не двух индивидуумов.

Когда дети учились в третьем классе, случилось событие, для людей заметное, а для судеб человечества очень важное.

Однажды, когда я, закончив урок, который был, кстати, последним, вышел в коридор, я увидел высокого ху-

дого молодого человека, которого с некоторой натяжкой можно было бы назвать альбиносом. У него были светло-желтые волосы, белые ресницы, светлые глаза и розовая кожа. Нос выдавался вперед словно клюв пресноводной птицы, а подбородка почти не было — он был срезан, как у выродившихся королей Австро-Венгрии или Франции.

— Семен Семенович? — спросил он меня. Вроде бы спросил обыкновенно, но в движении туловища, в повороте головы что-то от заговорщика.

— К вашим услугам, — ответил я.

— Мне нужно поговорить с вами по конфиденциальному поводу, — сказал молодой человек.

Он говорил с акцентом, но правильно.

Я, разумеется, удивился, но виду не подал и сказал, что можно и поговорить.

— Где здесь у вас есть уютное и тихое кафе, — спросил он, — где за чашкой кофе мы можем побеседовать инкогнито?

— Кафе у нас одно, — ответил я. — Называется оно «Кафе-шашлычная» и расположено на рынке. Но там дают пиво, и поэтому я не назвал бы его ни тихим, ни уютным.

— Что же делать? — спросил молодой человек, почесывая подбородок.

— Давайте пройдем в парк, погуляем там, — предложил я. С самого начала он показался мне серьезным человеком и его дело — не пустяковым. Молодой человек согласился, и мы пошли в городской парк, который начинается за спиной памятника 26 Бакинским комиссарам и тянется до статуи Геркулеса с веслом.

Мы гуляли с молодым человеком, которого звали, как оказалось, Милан Свазеки, а прилетел он к нам из Чехословакии.

Он был представителем редкой науки — космической биологии, и прежде чем подойти ко мне, заглянул уже в женскую консультацию, где, на его счастье, познакомился с Дашей-пионеркой. Милана интересовала проблема, не зафиксировано ли в нашем городе необычных рождений двадцать лет назад, в конце апреля.

В ином случае Даша отправила бы Милана к заведующей, и та на всякий случай скрыла бы от Милана всю информацию. Хоть он был из социалистического лагеря, все же оставался подозрительным иностранцем. И несмотря на то что все документы, включая командировку из Пражской академии наук и разрешение на посещение нашего Веревкина из Московской академии наук, у Милана были в порядке, уехал бы он от нас несолоно хлебавши. Потому что не любят в нашем городе любопытствующих иностранцев. Правда, до приезда Милана таковых в нашем городе не наблюдалось.

Но Даша, добрая душа, была уже настолько глуховата и подслеповата, что, когда Милан показал ей командировочное удостоверение, она спутала его с Генеральным секретарем Комсомола товарищем Косаревым, репрессированным в конце тридцатых годов, потому что он был любимцем молодежи.

Вот и сказала ему Даша, что если кто и сможет рассказать о близнецах Стадницких, о которых она помнила, то это я — Семен Семенович, их сосед и учитель. А к Дине Иосифовне, врачихе, ходить не надо, так как она ведьма, летает на метле и оскорбляет тетю Дашу грубыми словами.

Милан решил воспользоваться советом пионерки Даши и отыскал меня.

И вот мы гуляли с ним по аллее нашего небольшого городского парка, с деревьев падали золотые и бурые листья, ветер был еще не очень холодным — стоял ок-

тябрь. Бабье лето уже завершилось, но неприятная осень еще не началась.

— Я буду с вами совершенно откровенен, — говорил Милан. — Меня интересует конкретная научная проблема, ответа на которую я еще не получил. Давайте сядем на лавочку, и я вам что-то покажу.

Мы сели на лавочку.

Он вынул из своего портфеля карту Западного полушария Земли, по которой была проведена широкая полоса наискосок. Словно полушарие было лицом, а полоса — пиратской повязкой через глаз.

— Мне пришлось столкнуться в моих исследованиях со странным феноменом, — сказал Милан. — В апреле 1968 года Земля была охвачена поясом неизвестного космического газа, лишенного цвета и запаха, однако замеченного в обсерватории моего папы, у которого был лучший спектроскоп во всей Восточной Европе. Мой папа рассказал о странном феномене ряду своих коллег, но оказалось, что, кроме него, никто эту полосу не заметил. Вам есть скучно?

— Мне есть очень интересно, — ответил я. Туманные подозрения начали шевелиться в моей душе.

— Мой папа написал статью и предложил ее для публикации в журнале «Космическая спектрография». Однако за день до публикации журнала здание типографии сгорело, и весь тираж номера исчез. У нас дома побывали воры и утащили все папины наблюдения. Папа же попал под машину.

— И погиб?

— Да, профессор Свазек погиб...

— Черный «роллс-ройс»? — спросил я. — За рулем бритоголовый негр?

— Нет, — сказал Милан. — Это была «шкода», а за рулем рыжая женщина с зелеными глазами.

— Может быть, — согласился я. — Может быть, и Дина Иосифовна.

— Что вы сказали?

— Продолжайте, продолжайте, — попросил я.

— Я тогда был небольшим ребенком, — сказал Милан. — Моя мама увезла меня в деревню. Мы жили простой жизнью. Рядом в доме жила несчастная женщина. Она была одинокая, без мужчины, совершенно невинная. Но незадолго до нашего приезда в деревню и смерти моего дорогого папы эта женщина Божена неожиданно дала рождение одному ребенку. Вы меня понимаете?

— Родила то есть?

— Да, она не была замужем, она не была беременная, но сделала рождение ребенка. Доктор сказал, что так не бывает, однако другие люди не сомневались. И женщина Божена была очень несчастливая. А когда я учился в Карловом университете, то подружился с одной девушкой, которая рассказала мне о подобном случае в Брно. Однако там ребенка нашли в поле возле дороги, и он был уменьшенной копией совершенно холостого секретаря госхоза.

— И вы предположили козни ЦРУ? — спросил я.

— Какие еще козни? — не понял Милан.

— Американская разведка засылает в социалистический лагерь шпионов, чтобы они с грудного возраста внедрялись в нашу жизнь.

— Почему вы думаете такую чушь? — спросил мой чехословацкий знакомый.

— Но как вы это объясните?

— Я никак не объяснял, пока однажды в подполе не нашел сундук с дневником моего отца, который случайно не сгорел. Мой отец писал, что его покачивает... нет... как это по-русски? Потрясает состав газового пояса, который охватил Землю в те далекие апрельские дни. Он нес в себе чуждые хромосомы, и это выразилось...

— Я понимаю. Они убрали вашего отца!

— Но нет, не американцы! Американцы не умеют делать дети в небеременных женщинах!

— Но кто же?

— И я начал путешествие по этой полосе... — Милан провел длинным худым пальцем по лицу Земли. — И везде, где проходил этот пояс, на свет появились странные дети... и в некоторых случаях детей подменяли...

— Но зачем? — спросил я, все еще не в силах поверить, но в то же время уже готовый поверить, потому что несколько лет ломал себе голову, почему же в нашем доме появился лишний близнец?

— Я сейчас все объясню, — сказал Милан. — Я провел исследование и сравнил относительное положение ряда звезд и кометы Пунктуа-Горрэ...

Закончить фразу Милан не успел.

Все было решено в долю секунды.

Только что рядом со мной сидел молодой человек аристократической внешности, а в следующее мгновение на его месте я увидел метровую глыбу льда, которая рухнула с неба, раздробив в щепки скамейку, отбросив меня на несколько метров в сторону и полностью размозжив попавшего под нее Милана Свазека.

Только ноги и пальцы рук торчали из-под глыбы льда. Я не сразу поднялся на ноги — я был контужен. Я пытался закричать, позвать на помощь, но голос меня не слушался. И прошло несколько минут, прежде чем сбежались люди и стали стараться сдвинуть с тела чешского ученого ледяную глыбу.

— Что это? — спрашивали люди. — Откуда это?

— С неба, — говорили другие.

Наконец я нашел в себе силы, чтобы произнести нужные слова:

— Это ледяной метеорит. И это не просто ледяной метеорит, а убийство человека, который проник в тайну звездных пришельцев.

Люди оборачивались ко мне и многие готовы были счесть меня сумасшедшим, но им мешало это сделать то, что я тридцать лет проработал в школе №2, стал ее завучем и каждый второй в городке в то или иное время был моим учеником.

Кто-то побежал звать пожарную команду, которая располагалась как раз за углом, но пока бегали, откуда-то появилась ненавистная мне рыжая хромая Дина Иосифовна.

— Доктор идет! — закричали люди. — Доктор идет, расступитесь!

Дина Иосифовна поглядела на останки Милана и сказала:

— Никакой это не метеорит. Принюхайтесь.

Люди стали принюхиваться, и многие, в том числе и я, поняли, что от тающей глыбы пахнет мочой. И вернее всего, она не могла быть ледяным метеоритом из космоса.

— Разве вы не видите, — продолжала женщина-врач, — что это упало из туалета пролетающего мимо самолета.

— Такого размера из самолета? — крикнул я. — Постыдитесь, Дина Иосифовна!

Тут прибежали пожарные и с помощью ломов откатили глыбу льда в сторону. Еще сильнее стало пахнуть мочой.

На Милана Свазека было страшно смотреть.

Милана положили на носилки и отнесли в морг больницы.

Пока его уносили, кто-то позвонил в часть ПВО, которая стоит за оврагом. Оттуда приехали специалисты, с кем-то связались по рации и сказали, чтобы люди не

волновались и расходились. А так как командир роты в этой части Володя Бутт был отцом моего ученика, кстати, очень хорошего и способного мальчика, то он сказал мне по секрету, что ледяная глыба оторвалась от космической станции «Салют», а вовсе не от самолета. По расчетам, она должна была превратиться в пар, не долетев до Земли, но случилось что-то, не поддающееся расчетам, из-за чего она даже не растаяла и достигла Земли в виде куска ледяного аммиака.

Я понял, что правды я здесь не добьюсь, и не стал спорить с командиром роты. Охваченный печалью, я пошел домой. На углу нашей улицы меня догнала рыжая докторша.

— Что он успел тебе рассказать? — спросила она зловещим шепотом.

Я знал, что должен сохранить свою жизнь, — иначе не удастся разоблачить наших недругов.

— К сожалению, — сказал я, глядя ей прямо в зеленые бесстыжие глаза, — он не успел мне ничего рассказать.

Я ускорил шаги и быстро оторвался от хромоножки. За пазухой у меня была спрятана карта газового пояса, которую я успел вынуть из пальцев моего погибшего соратника. Я смею называть его соратником, ибо у нас была общая цель, и если из наших рядов выпадает один боец, другой должен занять его место.

Ужасная трагическая история на этом не закончилась, так как через неделю я встретил моего знакомого капитана Володю Бутта, и тот под особым секретом, под видом беседы об успехах его чада, сообщил мне, что ледяную глыбу, когда она растаяла, разлили по сосудам и отвезли на исследование в Звездный городок. Но по дороге спецгрузовик, который вез сосуды, попал в аварию...

— Понятно, — сказал я.

— Это была случайная авария, — возразил комроты, который не знал о предыдущих событиях и жертвах, если не считать смерти чешского гостя Милана Свазека, которую он тоже считал случайностью — ведь его убило глыбой льда, которая падала сама по себе, а не была направлена злодейской рукой. Рука руке рознь, хотел сказать я, но сдержался — все равно он мне не поверит.

— По счастливой случайности один из сосудов остался цел, — продолжал мой собеседник. — И его удалось отвезти в лабораторию. Так вот, оказалось...

— Оказалось, что никаких выбросов фекалиев со станции «Салют» не было и не могло быть, потому что она работает на замкнутом цикле, о чем знает каждый мальчишка, — твердо сказал я.

— Ну, Семен Семенович, вы прямо как в воду глядели! — заявил комроты. — Это была совершенно чуждая нам жидкость, и, вернее всего, это все же был метеорит, вечный странник в глубинах космоса, который случайно столкнулся с Землей.

— Чего и следовало ожидать, — сказал я удрученно. — Знаем мы эти случайности!

— Но вы не представляете, какая радость охватила весь наш научный мир!— продолжал радостно капитан Бутт. — Это означает, что мы не одиноки во Вселенной. Где-то далеко у нас есть братья! Братья по разуму.

Кто-то вошел в учительскую, и комроты стал прощаться. Он приложил палец к губам, показывая, что информация, которую он мне передал, пока еще секретная. Я не стал спорить.

Хотя, надо признаться, мне хотелось выйти на площадь и закричать на всю нашу страну, на весь мир:

— Люди, будьте бдительны! На нас надвигается беда хуже американского империализма! Я должен принести мои извинения Центральному разведывательному управ-

лению США, которое при всех его недостатках и подлостях не убивает невинных людей ледяными глыбами из космоса.

Но, конечно же, я не вышел на площадь. Я сделал иначе. Я решил посвятить свою жизнь борьбе с нашествием так называемых братьев по разуму. Я отстою свободу нашей планеты! Но не открыто, так как мне никто, кроме жены, не поверит, а тайно, аки змей! Вы меня поняли? И пускай они думают, что никто их не раскусил! Кровь Милана Свазека вопиет об отмщении.

Я с того дня стал внимательнее приглядываться к близнецам Стадницким, потому что именно они и были слабым звеном в цепи вселенского заговора. Как только я определю, кто из них космический пришелец, а кто — обыкновенный советский человек, я могу разорвать цепь.

И я, благо мог практически ни на минуту не выпускать из поля зрения близнецов, принялся контролировать все их шаги.

На что я надеялся? Ну, во-первых, контакты. Так называемая Дина Иосифовна может выйти на контакты с их засланцем, чтобы давать ему враждебные инструкции.

Во-вторых, я хотел углядеть в одном из близнецов отклонения от нормы в поведении. Ведь обыкновенный человек — сын своих родителей. А чужой ребенок неизбежно несет в себе чуждые нам гены.

Что я мог сказать на основе первых недель наблюдения?

Кирюша записался в кружок авиамоделизма. Так, сказал я себе. И стал ждать, что сделает Митя. Митя получил «четверку» за сочинение и уложился в нормы ГТО на стадионе. Кстати, Кирюша пробежать дистанцию пробежал, а вот гранату кинуть не смог. Кинул, но вверх, а не вперед и притом цинично хохотал. Может, это о чем-то говорило?

Я завел двойной журнал наблюдений. И день за днем фиксировал свои наблюдения.

В седьмом классе Кирюша записался еще в три кружка и потом все их бросил. Странным образом его тянуло узнать как можно больше о нашей маленькой и беззащитной планете, но он быстро менял темы увлечений.

Митя кое в чем обогнал своего брата. Ну я уж не говорю о чистописании и дисциплине, так что близнецов уже начали постепенно различать даже посторонние люди, так как Кирюша был неаккуратен в одежде, словно его мало интересовала человеческая оболочка, а вот Митя рано научился сам гладить себе брюки и стирать носки.

Меня встревожило то, что Кирюша в седьмом классе увлекся стрельбой и даже в составе районной команды выезжал на соревнования в область. Я спросил его:

— Зачем тебе нужно стрелять?

Он ответил:

— Дядя Сеня, я готовлю себя к борьбе. Посмотри, насколько враждебно наше окружение. Ты видел, как зареченские Тимофеева избили?

— Да, — признался я, — случай с Тимофеевым вызвал у меня негодование, но знаешь ли ты, что на беседе у директора Тимофеев признался, что упал с обрыва в колючий кустарник?

— Разумеется, — согласился со мной Кирюша. — Где же у нас растет под обрывом колючий кустарник?

На этот вопрос я не смог дать ответа. Оказывается, об этом слабом месте в показаниях Тимофеева наш учительский коллектив не подумал.

Но в следующем году Кирюша забросил и стрельбу, и собирание птичьих яиц, которыми некоторое время занимался, а начал играть на трубе, заглушая порой шум, который производили жестянщики.

В школе Кирюша оказался на плохом счету. Хотя бы потому, что умел и любил задавать нетактичные вопросы или вопросы, на которые простой советский учитель не может ответить.

Учителя между собой называли его «шпионом» — именно из-за нетактичного поведения. Я сам слышал, как он спросил учителя истории Бибармакова: «Правда ли, что Ленин и его жена Надежда Константиновна прибыли из-за границы в запечатанном вагоне на деньги немецкого генштаба?» Вопрос был задан в коридоре, почти без свидетелей, но я понимаю взволнованность Бибармакова, которому в следующем году идти на пенсию.

— Разумеется, это клевета, потому что Владимир Ильич возглавил борьбу советского народа против фашистской агрессии. Но как пионер и комсомолец ты должен ответить: кто рассказал тебе эту гадость?

И сам вытащил свою записную книжечку, которую я помню по заседаниям педсовета за последние двадцать лет. Из нее он черпал все возмутительные факты и слухи школьной жизни.

— Записывайте, — нагло ответил Кирюша, — я услышал об этом в передаче радио «Свобода».

Бибармаков замер с открытой книжкой в руке. Времена были сложные, как раз умер Леонид Ильич Брежнев и серьезно заболел наш следующий Генеральный секретарь.

Я подошел к коллеге и сказал шепотом:

— Можно не записывать. И даже лучше не записывать. Нам дорога честь нашей школы.

— Вот именно, — прошелестел Бибармаков. И не записал.

Но если тот случай закончился ничем, то в других ситуациях действия и поступки Кирюши не оставались безнаказанными.

Митя меня беспокоил меньше, но я не спускал глаз и с него, потому что допускал: они могут нарочно сделать своего агента незаметным и тихим. Что им наш патриотизм? Что им наши ценности? Братьев уже нетрудно было отличить, потому что Кирюша отпустил длинные волосы, что недопустимо в городе Веревкине, тогда как Митя стригся под полубокс, носил белую сорочку и темные брюки без всяких там джинсов. Между братьями стали иногда возникать конфликты, и один из них поставил меня в тупик. Дело в том, что некогда, в сорок первом году, под Веревкиным шли тяжелые бои, в которых отличились многие части ополченцев, которые, к сожалению, были полностью уничтожены или взяты в плен гитлеровскими захватчиками. В нашем городе была создана дружина красных следопытов, которые под руководством городского ДОСААФ искали места гибели ополченцев, а если находили, то складывали останки в братскую могилу, а документы передавали в военкомат. Если же находили останки наших врагов, то их, конечно, оставляли на месте и поглубже затаптывали.

И вот у нас в школе идет комсомольское собрание. Было это в восемьдесят четвертом году, когда мои близнецы учились в девятом классе. Выступает отставной полковник Артем Груздь из ДОСААФ и произносит речь благодарности от имени Родины красным следопытам и их куратору от имени райкома комсомола Мефодию Стадницкому, который стал к тому времени — а я упустил этот момент — внештатным инструктором райкома ВЛКСМ.

Вручают грамоту Мите, а тут выходит на трибуну Кирюша, и его тоже встречают аплодисментами, полагая, что он скажет, как рад за своего брата. А наш Кирюша говорит примерно так:

— Я предлагаю сделать братскую могилу и для немцев. Зачем их затаптывать? Сорок лет прошло, у нас с

Германией отношения нормальные. А разве немецкие простые солдаты были виноваты, что их на нас гнали? А у них тоже были матери и, может, дети. Ведь и ополченцев наших гнали в бой без винтовок.

Сначала зал промолчал, а потом поднялось такое возмущение! Вы должны были бы там оказаться, чтобы понять всю глубину народного негодования, которое обрушилось на Кирюшу.

А он стоит, руки в карманах джинсов, волосы сзади в косицу завязаны, и раскачивается на носках и на пятках, словно на палубе пиратского корабля.

В общем, собрание приняло решение об исключении Кирюши из комсомола за крайний цинизм в адрес памяти народной войны. Правда, дали ему испытательный срок из-за того, что у него такой хороший брат.

Вечером я слышал, как братья разговаривали во дворе, как раз под моим окном. Они разговаривали тихо, но в осеннем воздухе под шепотом ленивого дождика мне было хорошо слышно каждое слово.

— Ты мне жизнь хочешь сорвать? — спрашивал Митя. — Почему ты это сделал? Ведь нарочно? Ты мне завидуешь?

— Я? Тебе?

— У тебя все наперекосяк. То на трубе не можешь научиться, то в баскет тебя из команды вышибают. Ты неудачник, Кирка!

— Разве в этом дело? — ответил Кирюша. — Дело в том, братан, что ты испугался за свою карьеру. А я, будь моя воля, и в самом деле ее бы тебе разрушил!

— Почему? Ну скажи, почему?

— А потому что ты себе делаешь жизнь как паровозик на рельсах. Катишься от председателя совета отряда и редактора стенгазеты к инструктору райкома, потом в профком попадешь и будешь всю жизнь по кабинетам

бумажки носить. Тебя ведь на большее не хватит — ты всего боишься.

— Ну уж тебя по крайней мере я не боюсь!

— Потому что по утрам гантели поднимаешь шестьдесят четыре раза и отжимаешься двадцать один раз?

— И холодной водой обливаюсь.

— Митя, ты хочешь стать серой личностью. И даже твои обтирания взяты из арсенала ничтожеств. Ничтожество делает все по правилам.

— А ты кто? Наполеон?

— Не знаю, кто я такой.

— Пособник фашистов, вот кто ты такой!

— Дурак ты, Митяй. Я фашистов больше тебя ненавижу. Но и ваши игры в красных следопытов ненавижу. Вы на все это смотрите, как какие-то бухгалтеры.

— И товарищ полковник?

— И товарищ полковник в отставке. Кто-то там, наверху, получит за инициативу орден, кто-то пониже — медаль, а тебе дадут грамоту с портретом. Плевать вам на ополченцев, как и на немцев. Вы о своих делишках думаете.

— А ты хочешь над нами подняться? — спросил с иронией Митя. — Ты нас судишь, как какой-то инопланетный пришелец! Мы защищали Родину и поливали ее кровью...

— Да катись ты — не поливал ты ничего. Ты хочешь быть как все и кончить жизнь с персональной пенсией.

— Я хочу строить счастливое общество для всех трудящихся!

— Жалко мне тебя, банальный ты человек!

Тут Митя накинулся на Кирюшу, и они стали драться, а я хотел было крикнуть, но моя Нианила Федоровна опередила меня и опрокинула на них кастрюлю холодной воды.

Потом был случай с Зиной Ковалевой. Она к нам в школу перешла из первой, где была признанной школьной красавицей. И за ее чары бились славные наши молодцы — я искренне жалел, что в нашем учебном заведении появилась такая Шемаханская царица. Впрочем, на меня эта девица впечатления не производила, а мальчишек покоряла смесью хамства, рискованной манерой одеваться, высокой грудью и, надо признать, чудесными невинными глазищами, которые совершенно не соответствовали ее духовному миру.

Так как братья Стадницкие были первыми парнями в десятом классе, то всей школе было интересно узнать, чем закончится их поединок.

Сначала она отдавала предпочтение Мите, он был спортивным, подтянутым и пользовался авторитетом среди учителей, что странно, так как учился он посредственно — у него никогда не хватало времени на учебу: заедали комсомольские поручения и общественная работа, которой Митя отдавал все свое основное время.

А потом как-то я увидел, что Зину провожает домой после школы Кирюша. Я шел как раз домой, они обогнали меня, не заметив, и я услышал фразу Зины:

— Он у тебя обыкновенный. Земной.

— А я возвышенный? — спросил Кирюша.

— Ты менее обыкновенный,— осторожно ответила Зина.

Роман Кирюши проходил сокрушительно и кончился крахом. Начиналась перестройка и докатилась до нашего городка. Некий Максудов взял в руки наш рынок. Кирюша в те дни совсем перестал учиться. И я не сразу, к сожалению, догадался, что причиной тому была Зина. Любовь Зины дорого стоила. И если Митя догадался об этом быстро и отступил, потому что в силу своего характера предпочитал всегда оставаться на земле, то Кирюша

решил, что станет миллионером. Он пошел к Максудову и предложил свои услуги. Максудов старался укорениться в Веревкине и поставил Кирюшу охранником в пивном ларьке.

Вот это совершенно разрушило все мои теории и гипотезы. Если до этого момента у меня почти не оставалось сомнений в том, что Митя — это первый, земной близнец, весь в отца, а Кирюша ихний, то Кирюша-вышибала меня сбил с толку — разве такими бывают инопланетяне?

В первый же день работы, получив аванс, Кирюша повел Зину сначала в магазин «Французское бордо», чтобы купить ей туфли и платье, а потом в бывшее кафе-столовую «Юность», которая теперь стала рестораном «Эклеро». Они целовались с Зиной в парке, и все это видели, но на следующий день Зина переехала жить к Максудову, который познакомился с ней прошлым вечером в ресторане «Эклеро», которым тоже владел.

Кирюшу после этого окончательно выгнали из комсомола и из школы, прислужники Максудова исколотили его прямо на площади, когда он хотел поговорить с шефом, а в счет аванса отобрали у него видик, которым владела семья Стадницких.

После этого в семье Стадницких был совет, некоторые слова и выражения которого донеслись к нам через стенку.

Среди них выделялись громкие слова типа «бездельник!», «хулиган!», «убийца собственной матери!»... Потом было слышно, как осуждающе, но успокаивающе лился голос Мити, как визжала Клава...

На следующий день Кирюша исчез.

Я два дня терпел, а потом спросил Клаву — теперь уже весьма полную женщину средних лет, — куда же делся ее близнец.

— Не бойтесь, дядя Сеня, — сказала она, — не закопали мы его. Он сам выбрал свою судьбу.

И тут она зарыдала, потому что любила обоих сыновей и горести, которые доставил ей Кирюша, подкосили добрую женщину.

Оказывается, Митя поставил вопрос ребром — либо Кирюша покидает отчий дом, либо он сам это сделает, потому что пребывание в одном городе с братом губит перспективы его работы. Кирюша, подвергнутый резкой критике в семье, заявил, что и сам не намерен больше гнить в Веревкине. Он намерен путешествовать по всей Земле, осмотреть ее, так как мало о ней знает и еще не готов для таких дел, к которым его предназначает судьба. Что долг за видик он семье отдаст, в материальной помощи не нуждается, а своего ничтожного брата он презирает, потому что тому суждено прожить жизнь робкого пингвина из стихотворения Максима Горького.

Все в доме думали, что Кирюша проспится, а утром все будут решать, что делать дальше.

Но когда проснулись, сына уже не было.

Он оставил записку, которую мне показала Клава:

«До встречи. Гражданин Вселенной».

Клава плакала и повторяла:

— Ну что же, даже для матери ласкового слова не нашлось. Как будто подкидыш...

Тут она замерла с полуоткрытым ртом и долго смотрела на меня, а в глазах ее замер ужас понимания...

— Еще ничто не потеряно, — сказал я. Это были первые попавшиеся мне слова утешения, не самые удачные, но искренние.

Долгое время ничего не было слышно о Кирюше. След его потеряла даже Дина Иосифовна. Она подошла ко мне как-то в поликлинике, куда я пришел по поводу старческих заболеваний, и спросила:

— Я волнуюсь. Где мальчик Кирилл Стадницкий?

— А почему же вы волнуетесь? — спросил я.

— Ты знаешь, старый сморчок! — ответила грубо докторша и скрылась в своем кабинете.

Я приоткрыл дверь в этот кабинет и смело сказал:

— Вам еще отольются слезы родных Милана Сказека!

Весной Зине, которая тоже бросила школу, жила в Туле и оттуда наезжала к своим родителям в «девятке», порезали бритвой лицо. К сожалению, она никогда уже не будет красавицей. А Максудова и вовсе убили. Так проходил дележ собственности в нашем городе.

Зина устроилась на швейную фабрику.

Митя окончил школу почти экстерном. На два экзамена он пришел сам, а на остальных ему поставили твердые «тройки». Явиться на них он не мог, так как представлял в Вологде передовиков-комсомольцев нашей области.

Только следующей осенью, когда Митя уже поступил в областную комсомольскую школу, пришла открытка от Кирюши. «Жизнь хороша, жить трудновато». К ней прилагался перевод на стоимость видика. Обратный адрес был — Памир. Хорог.

В областной школе Митя учился средне, но был исполнителен и дружил с сыном секретаря обкома. Так что на следующий год при распределении его отправили вторым секретарем райкома комсомола в Устье. Тогда же пришла телеграмма от Кирюши: КОСМОПОЛИТ — ГОРДОЕ СЛОВО СПАСИБО ПАПА И МАМА ЗА ЖИЗНЕННЫЕ УРОКИ ПРИВЕТ МИТЕ НАДЕЮСЬ ОН УЖЕ В ПОЛИТБЮРО.

А отдельно пришло письмо нам с Нианилой, за что мы были благодарны Кирюше. Хоть он и оказался инопланетным пришельцем, нам он был не чужой. В письме он, в частности, писал:

«...Когда смотришь на мир с вершин Гималаев, понимаешь, что ты так мал во Вселенной и как мала Земля по сравнению с куполом звездного неба. Я ощущаю в себе

цель, задачу, она стучит во мне, как взволнованное сердце, я еще не могу сформулировать эту цель и иногда боюсь собственного предназначения...» Нианила принялась плакать, а тут к нашему дому подъехал трейлер. Рабочие в униформе начали сгружать и вынимать из него иностранного вида коробки. Они заносили их в квартиру Стадницких, и оттуда доносились различные возгласы. Даже жестянщики перестали стучать и стояли открыв рты. Когда через два часа трейлер, забрав пустые коробки, отбыл, Стадницкие позвали нас к себе, и мы увидели, что большая комната в их квартире заставлена видеооборудованием, включая телевизор с экраном в метр на полтора, различного вида плейеры и видео, а также факсы и неизвестные мне приборы.

Оказывается, все это прислано из Сингапура их сыном Кирюшей, который купил там небольшой корабль, на котором везет в Австралию кокосы.

Вечером из Устья приехал на персональном «газике» брат Митя. Он был очень расстроен, потому что понимал: кто-нибудь обязательно донесет в область, что брат второго секретаря райкома ведет капиталистический образ жизни в зарубежье.

Но Митя недолго расстраивался, потому что вовсю разворачивалась перестройка. Теперь он стал чаще заезжать к родителям и смотреть, какие вести пришли по факсу от брата. Митя покинул комсомол, и вместе со своим первым секретарем они открыли комсомольский кооператив по продаже женских прокладок. Он уже назывался кооператив «Сахара».

Но Кирюша недолго удержался во владельцах корабля, а разорился и отправился в джунгли острова Минданао на поиски племен каменного века. И вести по факсу перестали от него приходить. Правда, как-то показывали по телевизору, как катера «зеленых» пытались сорвать французское испытание атомной бомбы на атолле, и на катере я точно угадал Кирюшу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. 1998 год

Я все же вышел на пенсию, хоть меня и уговаривали остаться, потому что у нас в Веревкине мало опытных преподавателей, которые соглашаются работать за незначительную плату. Но я устал и решил, что, пока есть силы, я продолжу заочную борьбу с космическими пришельцами, хотя я не знаю, чем они нам грозят. Но в одном я не сомневался — это существа безжалостные, которые мыслят категориями выгоды и своего господства. Да достаточно посмотреть на Дину Иосифовну. Нет, не на ту, которую они давно уже убили, а на подмененную, которая и обеспечивала успех операции «Близнецы» в нашем городке. Она уже седая стала, волосы кое-как красит в оранжевый цвет, хромает пуще прежнего, кошачьи глаза злобой горят. Я както ее встретил и спрашиваю:

— Ну что, жизнь прошла впустую? Уж полночь близится, вторжения всё нет?

Она буквально затрепетала от злобы и отвечает:

— А ты чего добился, гуманитарный сморчок? Живешь на нищенскую пенсию и даже не знаешь, что тебя ждет.

— Так проговорись, Дина Иосифовна!

— Не на такую напал! — ответила мне гинекологичка.

— Так хоть скажи мне, что вы сделали с предыдущей Диной Иосифовной?

— Она даже ничего не заметила, — туманно ответила космическая злодейка.

— Ну тогда последний вопрос, — взмолился я. — Кто из них ваш, а кто из них наш? Правильно ли я угадал?

— Ты все равно не остановишь судьбы! — воскликнула докторица. — Наши агенты носятся над Землей подобно смерчу. Ты хочешь знать правду? Так знай же...

В этот момент по асфальтированной улице Льва Толстого промчался весь побитый, грязный джип «чероки».

Сидевший в нем пожилой бритоголовый негр поднял пистолет и выпустил две пули. Одна пуля поразила хромую инопланетянку, а вторая пронеслась так близко от меня, что вырвала клок волос.

Негр захохотал, а я присел на корточки, и он не стал больше стрелять.

В парке у памятника Геркулесу с веслом было безлюдно. Труп худой женщины с оранжевыми с сединой волосами начал растворяться и в течение минуты на моих изумленных глазах превратился в мятую пустую банку из-под кока-колы. Я протянул было руку, чтобы взять банку, полагая, что когда-нибудь на суде народов она послужит вещественным доказательством, но меня так ударило током, что я поспешил уйти из парка.

В 1991 году была как бы запрещена компартия, что позволило некоторым ее деятельным членам перейти в администрацию, а другие занялись крупным бизнесом. Веревкин понемногу менялся, хотя, наверное, перемены в такой глухой провинции не столь очевидны, как в Москве.

Наш Митя работал в райцентре Устье, но уже не секретарем райкома комсомола, а вице-президентом районного коммерческого банка «Престолъ». Он заезжал к своим постаревшим родителям на машине «ауди» с синим фонарем на макушке. Он немного раздобрел, причесывался на прямой пробор и носил пальто на три размера больше, чем нужно, ботинки сверкали даже в самую дурную погоду, рубашка была белоснежной, а галстук — в синюю и красную полоску с булавкой, на которой было написано английскими буквами «Оксфорд». Митя объяснил мне, что он не оканчивал этого английского университета, но был в делегации деловых людей. И там произошел обмен галстуками и булавками. Так что в Англии теперь можно встретить влиятельных людей в красных галстуках со значком нашей областной комсомольской школы.

— Организуем благотворительный фонд, — сказал вежливо Митя. — Будет называться «Дети-путешественники». Хотим, чтобы и лишенные средств родители могли отправить своих детишек посмотреть чудеса света.

Ставший за прошедшие годы циничным пьяницей Коля Стадницкий ввернул свой комментарий:

— Чтоб твоим дружкам под этим видом по заграницам поездить.

Но Митя не обиделся на отца.

— Ты не прав, папа, — сказал он, — сейчас в заграницу может поехать каждый мой дружок. Но мы хотим помочь и остальным. Под этим лозунгом меня выдвигают в парламент.

И он направился к своей машине. Его ботинки сияли так, что грязь, что как обычно летит возле нашего дома, расступалась, боясь до них дотронуться.

Из окошка машины он попрощался с нами и сказал, показав на грохочущую мастерскую жестянщиков:

— А это мы уберем. Я с Сидором Вениаминовичем поговорю.

После этого земной близнец уехал бороться за права детей, а космический близнец Кирюша прислал такую телеграмму: Устроился на космическую станцию в совместный экипаж. Следующая связь через два месяца.

Я отнесся к этой телеграмме скептически, но потом прочел в газете, что американский «Челленджер» доставил на наш «Салют» новую смену в составе французского, мозамбикского и русского космонавтов. Фамилия русского К. Стадницкий.

Я обрадовался и хотел устроить в нашей школе вечер в честь первого космонавта из города Веревкина. Но в настоящее время космические путешествия настолько вышли из моды, что новая директорша сказала мне: «Пускай поскромнее летает. У нас в школе крыша протекает». Я смирился, но подумал, что Митя нам поможет. Я раздобыл

его телефон — только уже не в Устье, а в области. Секретарше с голосом фотомодели я представился и объяснил, что по личному делу. Митя откликнулся часа через два.

— Прости, дядя Сеня, — сказал он мне своим добрым голосом, — совещались по вопросам борьбы с демократией, которая очень надоела народу. А что у тебя за проблема?

Я рассказал про школу. Что она протекает.

— Я записал. Уже записал, — сказал он.

На следующий день к нашему дому подъехало несколько грузовиков. С них начали сгружать сверкающее иностранное оборудование. Его установили на первом этаже. Потом сменили вывеску. Вместо старой жестяной, на которой было так и написано «Жестяные работы», появилась новая, горящая неоновым светом: «Предприятие по обработке листовых металлов и золота акционерного общества «Малютка». Клава Стадницкая, старая кваша, встретила меня и сказала:

— Все-таки Митя у нас заботливый. Это он обещал, что уберет жестянщиков. Так и сделал.

А так как в школе крышу все не чинили, я снова связался с Митей. Он долго мне не отвечал, недели две, — все был занят выборами и дискуссиями, а потом я его увидел у нашего дома. Он осматривал жестяную мастерскую. Увидев меня, обрадовался, пожал мне руку и говорит:

— Ну вот видишь, дядя Сеня, я выполняю свои обязательства перед народом.

— А как же школа? — спросил я.

— Школа — следующий этап, — ответил Митя. — Сейчас совершенно нет налички. Кризис. Все сюда пришлось вложить, чтобы спасти тебя, дядя Сеня, и моих дорогих родителей от шума и грохота.

Он с гордостью показал на жестяную мастерскую, которая и в самом деле не грохотала, а лишь посапывала, шипела, постукивала — вела себя пристойно.

— Видишь название? — спросил Митя.

— Какое название? — спросил я.

— «Малютка». Так все предприятия нашего фонда защиты детей называются. Эта мастерская теперь наша с тобой, дядя Сеня, народная, то есть моя.

И он уехал на машине «вольво», такой сверкающей, что даже грязь из-под колес не смела ее коснуться.

Жизнь человеческая пролетает незаметно. За последующие годы многое изменилось в нашей стране и во всем мире. Но я, старея и мучаясь от болезней, продолжал находиться в ужасном ожидании, понимая, что так долго продолжаться не может. Теперь, когда даже Дина Иосифовна покинула наш мир, момент агрессии приближался.

Мои страхи усиливались от того, что прекратились известия от Кирюши. Он замышлял нечто тайное и потому вдвойне опасное. То ли дело Митя — Митя был обыкновенным, понятным, и когда он приезжал к нам в гости и проверял, как работала жестяная мастерская «Малютка», он рассказывал мне по старой памяти о своих делах и успехах. В Думе он побыл некоторое время независимым кандидатом от национальных сил, потом стал губернатором в соседней с нами области, где обнаружилась вакансия. Теперь он приезжал к нам на трех машинах. Во второй ехали телохранители, одетые скромно, в черное, на третьей — секретари и машинистки. Он вынимал из кармана широкого пальто свой черный «билайн» и сразу начинал давать указания.

Я как-то не удержался и спросил:

— А как Кирюша? Нет от него вестей? Очень меня это беспокоит.

— Почему же? — спросил Митя.

Я понизил голос и произнес:

— Ты же понимаешь, что он на самом деле Оттуда. И это очень опасно для всего человечества.

— К сожалению, ты прав, старик, — сказал Митя. — Ты прав.

— Так где же твой брат?

— В розыске, — ответил Митя. — Во всероссийском розыске. Он от нас не уйдет.

Он по-дружески положил мне на плечо мягкую ладонь.

— Времени терять нельзя, — подсказал я Мите.

— Ты прав, дядя Сеня, — ответил Митя и сел в свой «мерседес-650». — Вот проведем президентскую кампанию, изберет меня народ на высший пост, и мы его поймаем.

Ого, подумал я, Митя-то наш! Замахнулся куда! Впрочем, он всегда был тихим, настойчивым и близким к народу. Чувствует наш народ своего человека, плоть от плоти своей и кровь от крови! Кирюшу бы никогда не избрали даже в районную администрацию.

— Эй! — закричал я вслед Митиному кортежу. — Я буду голосовать за тебя, Митя!

Его родителей в тот момент не было. Он переселил их в Москву, купил себе там квартиру в несколько комнат, а отец с матерью берегли жилплощадь и все ждали, надеялись, когда Митя женится и пойдут внуки. Но Митя все откладывал этот момент — дела, понимаете, дела! Так что пока суд да дело, Митя отправил их отдохнуть на Канарские острова.

Тем вечером я поздно возвращался домой с собрания ветеранов труда. Нианила Федоровна на то собрание не пошла, потому что у нее разыгрался радикулит.

Я медленно шел через парк, и слова Мити «Он в розыске», относящиеся к Кирюше, тревожили меня.

А успеют ли остановить его руку?

И тут я почувствовал неприятный запах. Почему? Откуда? Словно тлетворный аромат ада долетел до меня.

Я ступил на какую-то доску, лежавшую вдоль тропинки, и когда я дошел до середины доски, запах стал невыносим, и доска закачалась, треснула и сломалась пополам.... и я полетел вниз.

Я не успел даже сообразить и не успел никуда прилететь, как меня схватила на лету крепкая рука, вытащила за шиворот из ямы и посадила на землю.

— Зачем же так? — раздался голос. В тусклом свете далекого фонаря я увидел Кирюшу. Конечно же, это был Кирюша.

— Что случилось? — спросил я, стараясь перевести дух.

— А то случилось, — ответил Кирюша, — что ты, дядя Сеня, умудрился рухнуть в глубокую яму, наполненную негашеной известью. И если бы я случайно не проходил мимо, то к утру от тебя бы и косточки не осталось.

— Постой, постой! Откуда у нас в парке на дорожке яма, полная негашеной извести?

— А оттуда. Идти сможешь?

— Смогу.

Поддерживая меня под локоть, потому что вскоре мои ноги ослабли и во всем теле началось колотье, Кирюша повел меня домой.

Когда ко мне вернулась способность говорить, я принялся проклинать невнимательных рабочих, оставивших открытой яму с негашеной известью. Я находился в своего рода шоке — ибо меня не интересовало, почему Кирюша оказался рядом со мной в критический момент.

Видно, Кирюше надоело слушать мою злобную воркотню, потому что он прервал меня довольно нетерпеливо:

— Дядя Сеня, не важно, кто и зачем это сделал. Достаточно того, что эта яма была выкопана, чтобы уничтожить все следы твоего существования.

— Что ты говоришь! — воскликнул я. — У меня нет врагов!

— Кто сказал, что у тебя есть враги, дядя Сеня?

— Кто же хотел меня убить?

— Мой родной брат, — ответил печально Кирюша.

— Митя?

— Он самый. Космический пришелец Митя.

— Кирюша, — сказал я учительским голосом, — не мели чепуху. Если кто из вас и пришелец, то ты, а не Митя. Именно сегодня я это заявил Мите.

— Вот и объяснение, — вздохнул Кирюша.

— Какое объяснение?

— Ты выдал себя, дядя Сеня, ты сказал, что догадался — один из нас пришелец.

— Но ведь не он!

— Сегодня не он, а завтра ты еще подумаешь и догадаешься, что он. Ведь для них человеческая жизнь — копейка.

— Погоди, Кирюша, погоди. А может, это твоя провокация?

Представьте себе такую картину: поздно вечером почти в полной темноте, при свете луны, на краю городского парка у статуи Геркулеса с веслом стоят два человека, старый маленький (это я) и крупный молодой (это Кирюша), и ругаются.

— Какая такая провокация? — спросил Кирюша.

— Ты хочешь меня убедить в том, что ты не космический пришелец со злобным заданием, поэтому сначала копаешь яму, а потом меня из нее вытаскиваешь.

— Агата Кристи! — закричал Кирюша. — Агата Кристи умирает от зависти к такому изысканному сюжету. Весь день копал яму, а потом...

— Нет, все равно не получается, — сказал я. — Сравни, пожалуйста, кто ты, а кто твой брат.

— Сравни, — согласился Кирюша.

— Митя — самый обыкновенный предприниматель и политический деятель России, из комсомольских вож-

дей, через кооператив вошел в парламент, а оттуда в губернаторы. Он наш, он плоть от плоти, кровь от крови. Если бы он баллотировался в нашей области, я бы за него голосовал. Он заботится о детях. Он проводит программу «Малютка» — это целый фонд заботы... Это обыкновенный... Он даже звезд с неба не хватает!

— А теперь, — сказал Кирюша, закуривая трубку, при свете которой я увидел длинный шрам, пересекающий его щеку, и рано поседевшие волосы. — Теперь расскажи, как ты себе меня представляешь.

— Отрезанный ломоть, — твердо сказал я. — Человек, который не может нигде приткнуться, ему, видите ли, удобнее в Сингапуре или в смешанном экипаже на борту «Челленджера», чем в родном городе. В то время когда Митя ночей не спит для блага нашего государства, нашей национальной идеи, Кирюша даже и носа не кажет на Родину! Его мать и отец измаялись, не видавши его уже столько времени, глаза выплакали.

И тут послышался спокойный женский голос:

— Его отец и мать вторую неделю выплакивают глазки на Канарских островах. Перестань лицемерить, Семен!

— Тетя Нила! — обрадовался мой ночной собеседник. — Как я рад тебя видеть!

Они обнялись с моей женой.

— Он нам звонил, — сказала Нианила Федоровна, — и я ему сказала, что ты пойдешь домой через парк. И тогда Кирюша сказал, чтобы я не беспокоилась, он тебя в случае чего спасет. Я, конечно, ему поверила, но теперь вот обеспокоилась.

— Ничего плохого не случилось, — быстро сказал Кирюша и положил мне руку на плечо. А я его уже понял — зачем беспокоить мою Нианилу если у нее слабое сердце. И вот это движение Кирюши — его предупредительный жест — все поставило на свои места. Потому

что ни один пришелец, ни один марсианин никогда не станет щадить нервы моей несчастной жены.

— Пошли домой, — сказала Нианила, — чайку попьем...

— Не стоит, — сказал Кирюша. — Они могут следить за домом.

— Их губит самомнение, — ответила моя жена, удивив меня до крайности. Никогда она еще не высказывала при мне таких умных мыслей о жителях других планет. — Они вырыли яму, наполнили ее негашеной известью и уже не сомневаются в том, что Сенечка погиб. И не будут они до утра проверять. Водку они пьют.

— Ну уж — инопланетяне и водку... — усомнился я.

— А ты загляни в казино «Золото инков» — все там!

— Кто все?

— Все хулиганы, — сказала Нианила. — Пошли домой, а то мой Сеня опять простудится.

И мы послушно последовали за Нианилой Федоровной.

Дома мы на всякий случай задернули шторы и пили чай вполголоса. Много интересного поведал нам Кирюша. Уж очень получалось нелогично: способности у него, можно сказать, ниже среднего, зато усидчивость такая, что в классе его не выносили ученики, зато любили все учителя. Никогда не шалит, а уж про драки и не думайте! Если же сделает что-то не так — утащит из шкафа конфету или кусок колбасы, — всегда получается так, что виноватым оказывается Кирюша. Чем дальше — тем больше...

Впрочем, то, о чем рассказывал Кирюша, у меня было записано в тетрадках-дневниках. Только все, что Кирюше казалось ненормальным и подозрительным, мне представлялось образцовым и типичным для ребенка. Мне ведь и в голову не могло прийти, что маленький мальчик Митя притворяется именно затем, чтобы все считали его обыкно-

венным земным существом. Делал ли он это сознательно, или в него были вставлены датчики — этого мы не знали.

Когда молодые люди подросли, Кирюша почувствовал опасность. Видно, кто-то сообразил, что при такой близости близнецов Кирюша обязательно разоблачит брата. И тут на Кирюшу начались покушения. И такие настойчивые, что ему пришлось покинуть дом и отправиться в путешествия.

Подобно мне, Кирюша долго не мог сообразить, кто же такой его близнец. Даже после того как Клава призналась ему, что один из близнецов старше второго на пять дней. Ведь она не знала — какой из них настоящий.

Так вот, Кирюша решил, что он — настоящий, и посвятил свою жизнь разгадке тайн природы. Он многое узнал, но ему не хватало фактов.

Когда мы все выслушали, я сказал:

— Как жалко, что ты, Кирюша, если ты, конечно, не крайне хитрый инопланетянин, не обратился ко мне за помощью раньше. Я ведь знаю кое-какую тайну, которой по причине возраста и незнания иностранных языков не могу воспользоваться. А ведь она может все решить.

— Говори, дядя Сеня, говори!

И я рассказал ему о трагической гибели Милана Сваэека и о его карте, которую я сберег за шкафом.

Мы развернули карту, и я рассказал, как помнил, теорию несчастного Милана. Кирюша слушал меня почти не перебивая, а после окончания рассказа произнес:

— Все стало на свои места. Теперь надо проследить их связи.

— Если успеешь, — печально произнесла Нианила Федоровна.

— Я все-таки оптимистичен, — ответил Кирюша. — Не могу сейчас объяснить вам почему. Объясню вскоре.

Он попрощался с нами и пошел к себе спать.

— А как мне быть? — спросил я. — Выходить на улицу можно?

— Завтра из дома — ни ногой! Даже если Нианила Федоровна тебя будет уговаривать.

— Это почему же я буду своего мужа на верную смерть уговаривать? — спросила догадливая Нианила.

— Потому что вас и подменить нетрудно. Так что и вы завтра сидите дома.

— Но у нас же молоко кончилось! — воскликнула возмущенная Нила.

— Обойдетесь без молока. Одни сутки. Через сутки я дам сигнал. Вот вам радиотелефон — умеете пользоваться?

И вот впервые за последние десять лет я пил на следующее утро кофе без молока.

Пока я его пил, моя Нианила Федоровна вытащила из ящика газету.

В газете обнаружилась любопытная статья. Она называлась «День малютки для миллионов детей».

Статью подписал губернатор соседней области, председатель международного фонда «Малютка» Мефодий Стадницкий. В статье рассказывалось, как все честные люди планеты, которые любят малюток и хотят о них заботиться, устраивают во многих городах нашей необъятной Родины и других стран мира праздник для детей с ценными подарками и развлечениями. Послезавтра по телевидению будет дан сигнал и указано время.

— Надо бежать в милицию! — закричал я. — Это и есть их план!

— И что тебе скажут в милиции? — спросила Нианила.

— В милиции? — Ответить я не успел.

Загудел радиотелефон, который лежал у нас на холодильнике.

Звонил Кирюша.

— Имен не называю, — сказал он. — И ты тоже не называй.

— Ясно, — ответил я.

— Вылезай через заднее окно жестяной мастерской, — сказал Кирюша.

— Ясно.

— Перебежками, вниз к берегу реки Веревки. Там тебя будут ждать через сорок минут.

— Одеваться тепло или легко? — спросил я военным голосом.

— Одеваться нормально, как у нас.

— С семьей прощаться? — спросил я.

— Прощаться, но ненадолго, — ответил Кирюша. — До связи.

Я боялся, что Нианила Федоровна будет бросаться передо мной, как Раймонда Дьен на рельсы перед военным поездом в период борьбы за мир. Но Нианила перекрестила меня и сказала:

— И все же я не отпущу тебя без свитера.

Когда я сбежал, пригибаясь, к Веревке, там никого не было. В растерянности я огляделся, и тут сверху вертикально опустился вертолет. Так я не прыгал со студенческих времен.

Перекрывая треск мотора, с земли ударили пулеметы.

Машина пошла вверх, а в полу появились круглые дырочки. К счастью, ни одна не совпала с моим телом.

За штурвалом сидел мой старый приятель, генерал-майор в отставке Володя Бутт.

— Машина у меня особая! — крикнул он, перекрывая шум. — Держись. Сейчас сложим винт и полетим, как континентальная ракета.

Что мы и сделали.

Через полчаса, я бы сказал, утомительного полета мы опустились перед незнакомым вечерним городом.

Генерал-майор помог мне выбраться наружу.

— Я думал — не долечу, — сказал я.

— Я тоже так думал, — коротко ответил генерал.

Черный «кадиллак» затормозил возле нас. Кирюша открыл дверцу.

Машина рванула с места.

— Где мы? — спросил я.

— В Трансильвании, — ответил Кирюша, — ты еле-еле успел.

— Нас обстреляли с земли, — сказал генерал. — У меня в ноге два пулеметных отверстия.

Я только ахнул.

— Как же ты вел машину?

— Нам не привыкать, — сказал генерал.

— После окончания ликвидации — в перевязку, — сказал Кирюша.

— Куда мы едем? — спросил я.

— На их последнее совещание.

— Как ты узнал?

— Ты помог, дядя Сеня. Ты вложил последний кирпич в нашу постройку.

— В нашу?

— А чем же я занимался последние десять лет? Мы готовились дать им отпор.

— Кто — мы?

— Дядя Сеня, ну как же ты не понимаешь! Они, со звезды Альфа Скорпиона, заслали к нам человеческих зародышей. Внедрили. Запрограммировали их типичными обыкновенными серыми карьерными приспособленцами — идеальными исполнителями. У нас в Веревкине это был мой брат Митя...

— Но почему его подложили через пять дней?

— Чепуха, — ответил генерал-майор, — у нас всегда накладки, вот и у них накладки. Они должны были Кирилла в момент родов подменить на Митю, но Клавдия принялась рожать раньше времени из-за интриг ее свекрови. Помнишь тот торт? В нем было слишком много масла!

— Про торт я помню, но вряд ли допускаю такое подозрение. Ведь свекровь рисковала жизнью собственного внука!

— Что поделаешь! Национальный характер: «Если я чего хочу, то выпью обязательно!» А потом — авось пронесет.

— Но почему этот инцидент сорвал их планы? — Я догадывался, каким будет ответ, но хотел получить подтверждение.

— У них как у вышестоящей цивилизации все рассчитано. Включая время родов. Младенец был подготовлен к определенному моменту. Предусматривалась подмена в родильном отделении.

— И тут этот торт!

— Пока они спохватились и дали сигнал тревоги, Клава уже разродилась и даже домой вернулась. Пришлось младенца домой подбрасывать, подменять врача в консультации и подделывать документы в расчете на то, что советский человек больше верит бумаге с печатью, чем собственным глазам.

— Слава Богу, — сказал я, — что настоящего не задушили. С них бы сталось!

— Что-то им помешало. Но не гуманизм, — согласился со мной Бутт.

— Я знаю — что, — сказал Кирюша. — Они решили, что два младенца даже лучше одного. Если будут вычислять, кто поддельный, то Митю никогда не заподозрят. Он же на «тройки» учился и общественной работой занимался.

Кирюша был прав. Я сам попался на эту удочку.

— А в других местах? — спросил я.

— В других местах накладки нам неизвестны, — сказал Бутт. — Если бы не Кирилл, их диверсия могла бы увенчаться успехом.

— Нет, — возразил я, — Милан тоже догадался. Но как он был одинок!

— Догадался не он один, — произнес Кирюша. — Люди не так уж наивны. Теперь ясно, что в разных странах, на разных континентах появились сомнения. Люди стали подозревать, следить, но не в плохом, а в самом хорошем, человеколюбивом смысле. Некоторые неглупые люди задумались, почему же это на Земле так успешно лезет из всех углов серость. И не только лезет, но и захватывает руководящие посты. Других смущало поведение губернаторов, представителей и парламентариев, которые спешно загоняют народные деньги в какие-то подозрительные фонды... Нет, если бы не друзья в нашей стране, а также в ближнем и дальнем зарубежье, наши усилия пошли бы прахом.

— И давно идет наша борьба? — Я не случайно оговорился. Я понимал, что, сам того не подозревая, принимал участие в смертельной борьбе, направленной на выживание человечества.

— Наш незримый фронт активно действует уже более десяти лет, — сказал Бутт. — И мы отдаем себе отчет в том, что любая ошибка, небольшой просчет, провал грозят нам неминуемой смертью. Пощады не ждем, но и от нас ее не ждите!

— Я с вами! — вырвалось у меня.

— Мы это понимаем, — улыбнулся мой молодой друг Кирюша. — Ведь мы рассудили, что ты — пионер в борьбе с космическим вторжением. Ты боролся в одиночестве, и Родина тебя не забудет. Ты имеешь право принять участие в последней решительной схватке. Победить вместе с нами или...

— Или погибнуть на поле боя, — закончил я фразу за Кирюшу.

— Но еще не поздно повернуть назад. Шофер отвезет тебя, — сказал Бутт.

— Пути назад нет, — отрезал я. — Спасибо за доверие. Я с вами до конца!

— Не надо благодарить, — вдруг подал голос шофер. Он не оборачивался, поэтому его лица я не запомнил. — Ведь не грибы собирать идем.

Шофер говорил с румынским или венгерским акцентом.

«Кадиллак» замер на небольшой смотровой площадке. С трех сторон она была окружена мрачным еловым лесом, с четвертой открывался вид на лесистые, кое-где затянутые туманом ущелья и гряды гор, негостеприимные на вид. Их голые вершины скрывались в низких рваных несущихся на юг облаках. День обещал быть ветреным, дождливым и прохладным.

Со смотровой площадки вверх вела асфальтовая тропинка. В лесу было чисто — ни банок от пива, ни оберток от «сникерсов». Именно в тот момент я окончательно убедился в том, что нахожусь за границей.

За очередным извивом тропинки нас ждали два крупного размера мужчины в камуфляжных костюмах и черных масках. Впрочем, какие это маски: натягиваешь на голову черный носок, делаешь в нем две круглые дырки — и дело с концом!

Везший нас шофер перекинулся с мужчинами несколькими тихими фразами по-румынски или по-венгерски. В любом случае язык показался мне иностранным.

В этом месте мы сошли с тропинки и начали карабкаться по склону напрямик. Все шли медленно, чтобы я не отставал. Но метров через двести шофер, который, как я уже догадался, командовал операцией, отдал короткий приказ, один из наших проводников быстрым движением — я даже не успел возразить — перекинул меня через плечо и понес дальше, как похищенную невесту. Он молчал, дыхание у него было ровным, поэтому я не стал сопротивляться. Неизвестно, какая схватка ждет

нас в конце пути, лучше, если я окажусь там бодрым и сильным.

Замок открылся перед нами неожиданно. Впрочем, я не совсем точен — возможно, все остальные увидели его раньше. Я же — только тогда, когда мой носильщик аккуратно поставил меня на ноги.

Оказалось, что мы стоим у подножия обросшей мхом древней каменной стены. Вершина ее скрывалась в облаках.

Скользя по траве, мы прошли по траве метров сто. В том месте выдавалась круглая башня замка.

Еще два наших союзника вышли из-за башни.

Шофер тихо спросил их о чем-то.

— Он спрашивает, где охрана башни, — перевел мне его слова Кирюша, и надо сказать, что в моем тамошнем нервном состоянии я даже не удивился тому, что Кирюше знаком венгерский, а может, румынский язык.

Человек в камуфляже небрежным жестом указал дулом автомата на две помятые банки из-под кока-колы, что валялись у его ног, нарушая чистоту цивилизованного пейзажа.

Он начал что-то объяснять начальнику, Кирюша хотел мне перевести, но я остановил его:

— Я знаю, как это бывает.

— Что случилось, что? — спросил Бутт, который был не в курсе дела.

— После смерти агенты противника превратились в банки, — ответил Кирюша.

— Остроумно придумано, — заметил генерал Бутт. — Никогда не подумаешь, что трупы лежат.

Видно, находившийся в этой башне ход в замок был резервным, предназначенным для бегства или разведки, — он представлял собой полукруглый люк, забранный толстой ржавой решеткой. Решетка была разломана невероятной силой, не свойственной человеку.

Заметив мой изумленный взгляд, начальник показал на одного из солдат, обычного роста и сложения, и сказал короткую фразу, которую я понял без перевода:

— Сержант Коду, чемпион Олимпиады в Лос-Анджелесе по перетягиванию каната.

Один за другим мы углубились в недра старинной башни. Спустились в подвал и, освещая себе дорогу фонариками, поспешили по низкому тоннелю. Под ногами хлюпало, сверху падали тяжелые холодные капли. Несколько крыс цепочкой пробежали в лучах фонарей, и их глазенки злобно сверкали красными искорками.

Было неуютно и даже страшно. Одно утешало — со мной рядом сильные румынские или венгерские ребята, в том числе чемпион Олимпиады.

Впереди показались каменные ступени. Они вели наверх.

Чемпион Олимпиады пошел первым. Мы остались ждать.

Вдруг сверху донесся удар, затем грохот.

Мне показалось, что он разнесся по всему замку.

Мы кинулись к стенам и замерли, прижавшись спинами к влажному ледяному камню.

По лестнице скатился чемпион Олимпиады, а следом за ним начали сыпаться многочисленные металлические детали, куски пластика и прочие части какого-то механизма. Единственной целой деталью в этом наборе была рука в рукаве от пиджака. Она сжимала переговорное устройство, из которого донесся резкий голос:

— Что там у вас, черт побери, происходит?

Все замерли.

Кирюша хладнокровно сделал шаг к руке, вынул из ее сжатых пальцев переговорное устройство и ответил:

— Все нормально. Продолжаю наблюдение.

— Ну-ну, — пискнул голос в переговорном устройстве. — Не спать, не отвлекаться. Удвоить бдительность.

Кирюша нажал на кнопку, переговорное устройство отключилось, и он кинул его в карман.

— Поспешим, — сказал генерал Бутт — они начинают последнее совещание.

— Кто это был? — спросил я у чемпиона Олимпиады, показывая на кучку металлических деталей.

— Не есть понимаем? — лукаво улыбнулся чемпион.

По узкой лестнице мы поднялись на галерею, обтекавшую на уровне второго этажа громадный гулкий овальный зал, в котором некогда знатные обитатели замка, возможно, местные вампиры, собирались на свои шумные безнравственные пиры. Галерея была узкой и пыльной. По стенам довольно тесно висели крупные, в рост, изображения владельцев замка. Самые старые и почерневшие были облачены в латы, новые — во фраки. Освещалась галерея керосиновыми лампами, укрепленными в чугунных лапах, вылезавших из каменных стен.

Потолок зала являл собой паутину из черного мрамора, в центре паутины вместо паука находилась гранитная летучая мышь, видно, вампир. Из ее пасти свисала длинная цепь, на конце которой находилась пышная чугунная люстра, кидавшая неясный свет на собравшихся за овальным столом людей.

При всем разнообразии этих особей их объединяло одно — возраст. Все они были тридцатилетними. Но этим сходство ограничивалось, потому что среди гостей этой гостиной нетрудно было различить русских, украинцев, молдаван, негров, китайцев, а также людей неизвестных мне национальностей.

Председательствовал пожилой негр, мой давнишний знакомец, который, как я уже догадался, и курировал всю операцию.

И если все сидели на длинных скамьях без спинок, округло огибавших стол, то негру достался стул с прямой резной спинкой.

Мы появились на галерее в тот момент, когда эти существа заканчивали спор.

— Я настаиваю, — сказал негр, — чтобы переговоры велись по-русски.

— Но почему? — спросила красивая блондинка, напоминавшая мне какую-то американскую актрису. — Разве у нас своего языка нет?

— Русский язык обеспечивает полную тайну переговоров, — отрезал негр. — В этих глухих местах вы не отыщете ни одного человека, который с ним знаком.

— Но с нашим языком...

— А если, — негр поднял ладонь, останавливая блондинку, — если какой-нибудь идиот сунется сюда, он решит, что попал на совещание русской мафии, и убежит отсюда в Гваделупу так, что подметки потеряет.

Негр рассмеялся. Потом сразу стал серьезен и обратился к Мите Стадницкому, который сидел справа от него.

— Докладывай ситуацию, — приказал он.

— Все готово, — сказал Митя. — Завтра в одно и то же время...

— В какое? — спросил монгольский лама.

— В шесть по Гринвичу, — ответил Митя, — в шестистах семидесяти крупнейших городах Земли откроются фестивали «Малютка» и начнется всеобщее веселье. Заиграют оркестры...

— Мстислав Ростропович отказался приехать, — мрачно сказал генерал азиатской внешности.

— Ничего, мы разберемся, — пообещал негр.

Подождав, пока за столом установится тишина, Митя продолжал:

— Под веселую музыку и фейерверки клоуны начнут раздавать детям цветы и усыпляющие конфеты. Наши люди останутся на трибунах и будут обеспечивать спо-

койствие. Ваша задача выпустить затем на посадочные площадки усыпляющий газ. Баллончики получите на выходе. Затем вы контролируете посадку детей в корабли. По нашим подсчетам, улов должен исчисляться примерно полумиллионом ребятишек. И это для начала неплохо.

За столом раздались аплодисменты, которые гулко прозвучали в этом мрачном пыльном зале.

— Главное, чтобы все вы, — закончил пожилой негр, — сохранили свои посты министров, губернаторов, руководителей политических партий и лидеров непримиримых оппозиций. Как вы знаете, нам нужны миллионы и миллионы рабов. Так что в случае успеха операция по изъятию детей...

— Операция «Малютка», — подсказала блондинка.

— Операция «Малютка» должна повторяться вновь и вновь, а мы должны все крепче забирать Землю в свои руки.

— До последнего ребенка, — добавил Митя.

— Сейчас все расходятся и разъезжаются по своим постам. И ничего не бойтесь. Никто не посмеет поднять руку на вождей земного истеблишмента. Я же займусь выявлением и арестом козлов отпущения.

— Кого? — спросил восточный генерал.

— Это старый еврейский термин, и он означает невиноватого виновника. В истории Земли — любимое занятие искать козлов отпущения вместо виноватых и затем спускать с них шкуру.

За столом сдержанно засмеялись.

— Если вы обратите ваши взоры наверх, — продолжал негр усталым голосом мудреца, — то увидите первых козлов — это отставной учитель литературы из городка Веревкина некий Семен Семенович, генерал-майор в отставке Владимир Бутт и твой братец, Митя. Они пока еще торжествуют победу, не зная, что есть структуры, на которые не положено поднимать руку.

Белые овалы лиц множества премьеров, президентов, губернаторов и лидеров оппозиций задрались к галерее.

Негр поднял палец, и я почувствовал, как мои ноги приросли к полу, а тело сковала отвратительная немота.

Я понял, что все погибло...

— Отнесите козлов отпущения в каземат, — приказал негр, — мы их предъявим суду, когда начнут искать циников, укравших надежду Земли — ее малюток!

И его дьявольский хохот потряс люстру, над которой поднялась туча пыли.

Пыль еще не успела осесть, как недалеко от меня послышался знакомый женский голос:

— Пришел ваш последний час, агрессоры!

С громадным трудом я смог повернуть голову и увидел мою жену Нианилу Федоровну с автоматом Калашникова в руках и еще нескольких вооруженных пожилых женщин. Среди них Клаву Стадницкую.

Загремели автоматы...

Премьеры, президенты и лидеры оппозиций кинулись врассыпную, опрокидывая скамейки и сшибая друг дружку.

Те же, в кого вонзались пули, тут же превращались в банки от кока-колы и, легонько позвякивая, катились по каменному полу.

Ноги мои не удержали меня, и я опустился на пол галереи.

Родные лица Нианилы и Кирюши склонились надо мной.

— Ты здоров, мой козлик отпущения? — спросила Нианила.

Я постарался усмехнуться.

— Вы-то почему здесь оказались?

— Потому что мы представляем Всемирный комитет бабушек и матерей.

Кирюша обнял и поцеловал свою маму.

Мы с Нианилой отошли и сели на каменную скамью под портретом пожилого графа в синем камзоле и голубых панталонах.

Мы держались за руки. Мы вспоминали нашу жизнь, которая проскользнула так быстро, но лишь укрепила нашу любовь.

Молодая китаянка баскетбольного роста остановилась возле нас и сказала моей жене:

— Мы отправляемся, госпожа президент. Инопланетные корабли уже приближаются к Земле. Вам предстоят нелегкие переговоры с противовоздушной обороной...

Сейчас наступает утро. Вот-вот поднимется солнце. Я сижу на краю бетонной посадочной площадки для космических кораблей на площади Хосе Марти в Веревкине, прислонившись спиной к ярко раскрашенной площадке для клоунов. В мою задачу входит не пускать детей на развлекательную площадку «Малютка»: а вдруг какая-то часть злодейских кораблей прорвется к Земле? Да и кто их знает — президентов и оппозиционеров, все ли разоблачены и покаялись?

Нианила вылетела в ООН, там она должна выступать в Совете Безопасности, конечно, если ей дадут там слово.

Утро веселое, поют птицы, кричат вороны.

Как там писал поэт? «Что день грядущий мне готовит? Его мой взор напрасно ловит...»

В КОГТЯХ СТРАСТИ

РОМАН

От шоссе отходила дорога на Веревкин, районный центр Тульской области, некогда городок богатый, торговый, славный зерновой ярмаркой и церквами. Знаменитых людей Веревкин, правда, не дал, но воспитал немало достойных жителей.

Среди тех, кто был воспитан в Веревкине, а потом улетел, расправив крылья, в иные просторы, был и Анатолий Смольный, сорокалетний, склонный к полноте, но еще не расплывшийся коммерсант всероссийского, не побоюсь этого слова, масштаба.

В тот мартовский слякотный, метельный и при том дождливый день он несся по шоссе из Москвы и торопил водителя Кешу, который не хотел торопиться, боясь погубить шефа. И телохранитель Харитон, кстати, из тех же мест, что и шеф, сидевший рядом с водилой, был того же мнения. Анатолий сердился на своих слуг, но ничего поделать не мог. В России дворня всегда имеет собственное мнение и навязывает его барину.

Чтобы не сердиться на спутников и не повышать адреналин в крови — доктор не велит, — Анатолий вытащил ксерокопию газетной статьи, которая, возможно, изменила его жизнь.

Статья была из центральной газеты, в ней говорилось о том, что после выведения в Англии овечки Долли многие ученые во всем мире принялись выводить чего ни попадя. То есть клонировать.

Для необразованных, например для Харитона, приходилось объяснять, что клонирование значит сделать

себе точную копию. Скучно тебе на свете без близнеца — заказал близнеца, сделали тебе близнеца. Один в один, из твоей клетки — больше никто не вмешивается. По большому счету, как бы ты еще раз. А другие, например из Минобороны, смогут сделать генерала Лебедя в ста экземплярах, тогда держись, Афганистан или Жириновский — смотря на кого генералы коллективно как бы будут наступать.

Харитон при таком объяснении долго думал, проталкивал мысли сквозь узкие сосуды головного мозга, потом спросил:

— А они как, сразу в кондиции будут?

Шеф не понял, в какой кондиции. Переспросил.

Харитон сказал:

— Ну вот ваш близнец, шеф, он такой же, как вы, в среднем возрасте родится?

— Ну ты даешь! — рассмеялся шеф. — Ну какая, прости, телка меня родит в таких моих масштабах?

— Ну, может, в банке вас будут выращивать?

— Смешно.

— Может, слониха родит или моржиха? — Харитон долго смеялся, Кеша тогда тоже смеялся, а шеф задумался. Потом велел секретарше Марлен вызвать к нему доктора наук, а может, академика для консультации, но чтобы не заломил.

Профессора привезли, шеф уделил ему полчаса своего драгоценного времени. Допрашивал.

Марлен и другие удивлялись: зачем это шефу?

К тому времени уже все в конторе, на которой было написано неграмотное слово «офис», знали, что если ты хочешь поиметь близнеца и продлить свое существование в полной мере, то женщина, которой предстоит эту копию родить, может родить только новорожденного. И он никогда не станет твоим настоящим близнецом. По-

этому, оказывается, наше Минобороны относится к клонированию спустя рукава — зачем клонировать солдат и ждать двадцать лет до призыва, если можно зачинать и рожать их обычным способом, путем любви?

Но по выходе профессора из кабинета Анатолий Смольный сильно задумался. Так задумался, что опоздал на встречу с монгольскими компьютерщиками. Он что-то бормотал себе под нос, уехал с середины ленч-презентации мисс Вице-грудь города Солнцево под патронажем лично Ахмета Гориллы и даже не извинился.

Анатолий возвратился в свой новый прéстижный дом в самом конце Ленинского проспекта, в котором купил этаж, как раз под этажом, который купила певица Кристина Орбакайте. Потом он выгнал челядь, налил себе стакан виски «Чивас ригал» сорокалетней выдержки, открыл золотым ключиком заветный инкрустированный комод и достал потрепанный альбом, в котором хранилась память о его детстве и юности.

Фотографии были мелкие, нечеткие, сделанные большей частью фотоаппаратом «Комсомолец».

Анатолий листал альбом и разглядывал фотографии, сначала не задерживаясь на самом себе, лежащем на животике в годовалом возрасте с улыбкой во всю физиономию, затем, когда хронология подошла к школьным годам, стал смотреть медленнее, вглядываясь в горошинки лиц на групповых снимках.

Раису он отыскал на одной групповой фотографии, снятой после окончания шестого класса. Раису можно было угадать по косе, перекинутой вперед через плечо, а вот самого себя Анатолий узнал с трудом, потому что он был худшим вариантом подростка — слюнявый, прыщавый, пучеглазый и глупый.

Другая фотография, на которой он отыскал Раису, относилась к восьмому классу. На ней были сняты участ-

ники лыжной вылазки. Так назвал свой урок на свежем воздухе физкультурник Варпет, старейший физкультурник Москвы. Он был чемпионом Карса по вольной борьбе в 1916 году, затем боролся за независимость Армении, потерпел поражение и всю последующую жизнь скрывался в Москве. Вот он стоит: в центре снимка, вместо лыжных палок костыли, ноги он еще в гражданскую потерял, но никто над ним не смеялся, а то схлопочешь костылем по шее.

Справа от Варпета, глядя на него влюбленно, как женщины смотрят на героев, стоит Райка, уже почти красавица, только еще худая как палка. Но даже на этой измельченной фотографии видно, что у нее глаза-озера, тяжелая коса и под свитером появилась пока еще небольшая грудь.

А дальше, по краям, стоят остальные одноклассники. И Анатолий, незаметный и некрасивый, с самого фланга.

А третью фотографию Раисы Анатолий украл. Райка подарила ее паршивцу Борьке Губерману, который потом предал Родину и слинял в Израиль. А в классе он был физиком и химиком, правда, списывать у него было бессмысленно: и физичка, и химичка сразу видели, что списано у него, потому что Борька делал все за пределами школьной программы.

На обороте фотографии, маленькой, паспортной, не очень похожей, было написано: «Если нравится — храни, а не нравится — порви. Надеюсь на милость. Твоя неверная Раиса».

Вся эта подпись была сплошной загадкой. Почему Раиса была неверной? Значит ли, что она сначала была верной и что-то имела с Борькой на сексуальной почве, а потом на этой почве имела с кем-то еще?

Борька носил фотографию в верхнем кармане куртки, даже вынимал при людях, чтобы полюбоваться, — устраивал демонстрацию!

Так что когда Борька снял куртку в гостях у Назарова и повесил на спинку стула, вытащить ее оттуда для Анатолия труда не составило. А раз на обороте не было написано, чьих милостей ждет Раиса, то Анатолий считал, что он и есть ее тайный избранник.

Райке было трудно учиться в школе. Уж очень всем хотелось в нее влюбиться, и даже больше. У нее в глазах был вечный призыв и в губах обещание поцелуя, она ходила так, что вроде и прилично, а на самом деле требовала, чтобы с нее сорвали одежды. Хорошо еще, что Веревкин — город тихий, все всех знают, приезжих мало, беженцев почти нет, так что на улицах на Раису не кидались. Да и отец у Раисы был отставным сержантом ОМОНа и знал приемчики. Так что влюбляться — влюбляйся, а рукам волю не давай.

Но что характерно: она сама давала своим рукам волю.

Незнакомым людям, даже женщинам, Райка казалась ангелом. Лицо ее было доверчивым и открытым, глаза чуть близорукими, растерянными, беззащитными, молящими о заботе. Требовался второй взгляд, а то и четвертый, чтобы женщина осознала опасность, как слабый зверек перед пантерой, которая отнимет у тебя самца, хочешь ты того или нет, нужен он пантере или понравился на минутку.

У Раиски слишком блестели ярко-голубые очи в черном частоколе ресниц, и слишком алели губы, не требующие никакой помады, и слишком часто вздымалась, вздрагивала высокая грудь, словно Раиска остановилась после горячего бега, хотя на самом деле она лишь вытянула, сидючи на стуле, бесконечно длинные, но не тонкие, упругие и прямые ноги.

Вкусы Райки были непредсказуемыми и нелогичными. Вечером, после уроков, уборщица Клава застала ее в физкультурном зале на мате с второгодником и дураком

Петушком Ветриловым по прозвищу Жеребец. И этим было все сказано.

Жеребец хотел стать чемпионом мира по штанге или культуризму, и ему некогда было уделять время юной любовнице. Он тренировался и прятался от красавицы, а она сходила с ума, потому что он ей не давался, преследовала его, пока собственный отец ее не выпорол. Как ни странно, она всегда робела перед силой и легко отказывалась от добычи. Весной в девятом классе она забралась по водосточной трубе в комнату физкультурника Варпета, когда он отдыхал, сняв протезы и вынув зубы.

Старик пытался сопротивляться, но потом сдался, потому что даже в столетнем возрасте трудно устоять перед сексуальным водопадом. Раиска осталась у физкультурника на ночь, и утром ее пришлось выводить от него силой. Отец снова выпорол девочку. Варпету пришлось уйти на пенсию, а Райка сделала свой первый аборт.

Потом она влюбилась в Борю Губермана. Раиска не умела притворяться. Она влюблялась всегда безумно, по прекрасные ушки, и не ведала преград на своем пути. Боря тоже полюбил Райку и решил бросить десятый класс и свои надежды на получение Нобелевской премии ради того, чтобы работать грузчиком и обеспечивать свою с Райкой семью.

К счастью, отец-омоновец выпорол Райку, а в Борю Губермана, который проводил холодную дождливую ночь под окном невесты, запустил каминной решеткой. Борю отвезли в больницу, где с ним случилась амнезия, он забыл о любви и вспомнил о физике. Считайте, что ему повезло.

Другим повезло меньше.

Гога Эксгуменидзе пытался из-за Раиски повеситься, а когда его откачали, но Раиска не раскаялась, он

уехал в Приднестровье и погиб там, защищая дачу секретаря обкома.

Анатолий во всех этих горячих событиях участия не принимал, потому что был незаметным мальчиком, средним, даже ниже среднего, учеником. И внешне не производил впечатления. А Раиса относилась к тем женщинам, которых Пушкин припечатал выражением «Они любят ушами». Если о мальчике или мужчине не говорили, она его не замечала или замечала с трудом.

Анатолия она не замечала.

Он был на полголовы ниже ее.

Он рано начал лысеть, не выделялся физической силой и никак не блистал умом.

Анатолий был влюблен в Раису несколько лет. Безнадежно, но упрямо, потому что был уверен — в конце концов он ее добьется, даже если для этого придется перейти на лыжах через Северный полюс или взлететь в космос.

Его не звали на полюс и в космос.

Анатолий как-то сказал Раисе:

— Выходи за меня замуж, я тебя буду любить.

— А ты дурак, Смольный. Ты ведь ни рылом, ни умом не вышел.

— Берегись, Райка, — сказал он.

Раиса поглядела на него сверху вниз — она уже вытянулась, почти на голову стала выше Анатолия. У Раисы была одна любимая книга, необычная для девушек, которые могут полюбить «Анну Каренину» или про счастливую любовь. Раиса любила «Записные книжки» писателя Ильфа. Или Ильфа и Петрова. Это не важно.

— Утри нос, — сказала она Анатолию. — В соплях запутаешься.

Это была цитата. Анатолий не угадал, потому что у него любимой книги не было, не увлекался.

Анатолий отошел и стал планировать.

Слова Раисы и несбыточное сексуальное влечение к ней переломили его жизнь. С того несчастного дня Анатолий отверг пустые увлечения юности, бросил футбол и карты, перестал давать в долг без процентов, стремился к аттестату зрелости, лишние деньги откладывал — хотя какие могут быть лишние деньги у веревкинского юноши из неблагополучной семьи?

В своих мечтах, которые особенно мучили, когда просыпаешься, Анатолий становился страшно богатым, возвращался в родной городишко на черной «волге», весь в кожаном пальто, а может, в мундире генерал-майора. Раиска, узнав о его приезде, выбегает на дорогу и машет ему рукой, мол, остановись, я подумала, приняла решение, я твоя невеста, твои желания — мои желания, мое тело — твое тело...

Но потом наступало протрезвление, и Анатолий знал, что его мечты — пока еще фикция. А время идет, и с каждым днем мечта настоящая, Раиса, отдаляется и вот-вот попадет в чужие руки.

И пока Анатолий копил деньги, занимался с гантелями и учил английские слова — причем не по системе, а так, урывками, то начнет, то бросит, — угрозы вокруг Раиски становились все темнее как грозовые тучи.

Она шла в дом культуры, часов в шесть вечера, в летний светлый день, как ее догнал «газик», в котором ехал Хаменко, бригадир совхоза «Имени Второй очереди Московского метрополитена», человек могучий, потому что держал в совхозе подпольный цех по выращиванию каракулевых овец и драл с них шкуры, а в подполе этого цеха, о чем не знали даже его сообщники, находился бассейн с подогреваемой морской водой. Там в специальных садках мирно дремали жемчужные раковины, в которых зрели драгоценные шарики. По пятницам к сов-

хозу подкатывал джип из канадского посольства. Полковник конной полиции Смит, работающий в Москве под псевдонимом Иванов, забирал шкатулку с товаром и в условном месте, под корягой, оставлял пластиковый пакет с долларами.

Всего этого Раиса знать не могла. При всей изысканности своего тела она оставалась простой веревкинской девушкой, средних способностей, доброго, в сущности, нрава. Правда, она не ощущала свою красоту как проклятие. Ей нравилось смотреть на себя в зеркало.

Знать она ничего не знала, но любой человек в Веревкине сказал бы, что Жора Хаменко, Георгий Филиппыч, большой человек в районе. Когда он проезжает по улице Ленина, секретарь райкома Мария Семеновна подходит к открытому окну и отдает Хаменко честь. Это многие видели.

Хаменко ехал по улице, думая о своих делах, и тут увидел спину девушки, одетой попросту, как многие в русском городке, — в футболку с надписью «Долой СПИД» на английском языке и в джинсах «версаче». Нет, не наряд привлек внимание Георгия Филипповича, а толстая коса до пояса, длина стройных ног, изумительные по округлости ягодицы, да и сама легкая походка Раиски.

Хаменко сам сидел за рулем.

Так что даже не надо было давать распоряжений.

Он обогнал Раиску, тормознул и спросил:

— Подвезу?

— А пошел ты! — просто ответила Раиска, которая не выносила, чтобы к ней на улице приставали незнакомые старые мужики. А Хаменко ей показался совсем старым — ему тогда уже было за сорок. Недалеко, но за сорок.

— Я Хаменко, — сказал он.

Как назло, а может быть, по высшему велению судьбы, Анатолий Смольный в этот момент проходил по той

же улице Ленина, по другой ее стороне, с тайной надеждой на то, что Раиска посмотрит в его сторону и наградит своей лучезарной улыбкой.

— Вижу, что не Достоевский, — ответила Раиска.

— Жемчужные бусы хочешь? — спросил Хаменко.

— Не от тебя, — ответила Раиска.

— Получишь от меня, — сказал Хаменко. — Мне еще никто не отказывал.

— Я откажу, — сказала Раиска, так покачивая бедрами, словно ее учили этому в султанском серале. На самом же деле выше школьной самодеятельности Раиска не поднималась. Потому что, по сути дела, была лентяйкой.

— Я их выращиваю, — сказал Хаменко.

— Где же у тебя жемчужное дерево растет?

Раиска не шутила. Ей и в самом деле казалось, что жемчуг растет на специальных деревьях. Хаменко расхохотался.

— Поехали, поехали, — сказал он со смехом, — посмотришь на дерево.

И тут надежды Анатолия, который глядел на эту сцену из-за тополя, на то, что девушка скажет свое твердое «нет» домогательствам старого развратника, лопнули.

— Только чтобы руки не распускать, — сказала Раиска и легко вспрыгнула в «газик».

«Газик» рванул вдоль по улице, и последние слова, что донеслись до Анатолия, звучали так:

— К девяти привезешь меня обратно, а то отец убьет.

— Со мной не тронет.

— Дурак, он и тебя убьет.

Тут они начали смеяться, и Анатолий остался в облаке серой пыли.

Что между ними произошло, Анатолий так и не узнал. Но на следующий день Раиска пришла в школу в

жемчужных бусах почти до пупа, правда, никто в школе не мог отличить настоящий жемчуг от пластикового.

Хаменко ждал Раиску у школы с букетом роз, презрев общественное мнение. Он был ей как раз по плечо, но вдвое шире — он был похож на сейф, а волосы совершенно черные, прямые, на пробор, лицо прижатое, из мелких черт под покатым лбом. Некрасивый. Анатолий куда привлекательнее.

Вся школа смотрела, кто из окон, кто со двора.

Он отдал Раиске цветы, потом поцеловал ей руку — вся школа видела, как поцеловал руку, считай, что город будет знать к вечеру. Повел ее к «газику», и Раиска громко сказала:

— У тебя что, на «волгу» денег нету?

В девять Хаменко привез ее домой, чтобы отец не сердился. Отец еще не знал, сидел с утра дома, опохмелялся, а мать хоть и знала, но молчала — всех боялась.

Анатолий схоронился под сиренью у них в палисаднике.

Он слышал, как подъехал «газик», как хлопнула дверь. Ему было плохо от ревности, даже тошнило. Он хотел убить этого Хаменку, но если убьешь, то пойдешь под суд, и тогда прости-прощай любимая Раиса!

Хаменко подвел Раису к двери.

— Как тебе? — спросил он.

Раиска не ответила, а стала целоваться. Она вздыхала, пускала горячий воздух ноздрями и руками совершала неприличные жесты, так что Хаменко сказал:

— Пошли ляжем в канавку, а то я не удержусь.

Раиска захохотала и побежала в палисадник.

Хаменко стоял в тени забора, все пытался закурить, руки у него тряслись, он грубо матерился, но почти беззвучно. Только Анатолий слышал и размышлял — как бы сейчас убить Хаменку? Но нечем было его убить.

Было тепло, почти жарко, воздух был неподвижен, гудели комары. Анатолий сидел в кустах под окном Раисы, в занавеске была щель, он смотрел в щель, как Раиска не спеша собирается ко сну. Она стянула через голову платье, совсем легкое, голубое, осталась в одних кружевных трусиках — ничего больше не носила.

Анатолий думал, что завоет от желания.

Он бы комаром влетел в щель и касался бы ее крылышками. Или кусал бы, пил кровь.

Раиска все не ложилась спать, а уселась перед столиком, на котором стояло зеркальце, и стала себя рассматривать. Она всю себя рассматривала по деталям, с удовольствием. Анатолий вместе с ней смотрел. Словно в глазах у него были сильные линзы и они позволяли видеть даже поры в коже.

Анатолий в тот день заболел Раиской окончательно, на всю жизнь. До этого он был в нее влюблен. А теперь был ею болен.

Это случалось с людьми.

Это случилось вскоре с Хаменкой, но Анатолий не думал о Хаменке, он приклеился к щели в занавеске, а Раиска, которой надоело собой любоваться, поднялась и, проведя ладошками про бедрам, скатала трусики в колбаску и, опустив до колен, приподняла ноги по очереди и сняла трусики. Она провела ладонями по грудям, по животу, ей нравилось ощущение своего тела.

Потом повернулась к окну и запустила пальцы в золотые волосы.

Ничего в ней стыдного не было, было совершенство: ее сделали так, чтобы она ходила голой всегда, а одежды были лишними, ненужными, только отвлекали — это Анатолий понял той ночью и на всю жизнь.

Вдруг она заговорила. Она заговорила сама с собой.

— Помыться, что ли? — спросила она себя.

И сама же ответила:

— Обойдутся, пускай все во мне булькает.

Что она имела в виду, Анатолию понимать не хотелось. Он и не понял.

Она потушила свет и легла.

Не почувствовала, не догадалась, как близко к ней стоял Анатолий, как он тщательно за ней подглядывал...

А вскоре Анатолий торжествовал.

Молчал и торжествовал.

Он подглядел, выслеживая Раиску, ходя за ней как волк за добычей, как она встретилась с Хаменкой, который поджидал ее после школы, но не у самой школы, а поодаль, в проулке за сквером, хотя что таись, что не таись — все равно узнают.

— Я тебе велела, — сказала Раиса, — чтобы ты сегодня не приезжал и чтобы вообще к школе не приезжал.

— Ну что мне для тебя сделать? — спросил Хаменко. — Чего хочешь? Еще жемчуга? Каракулевое манто?

— Дурак ты, Жора.

— Деньги? Денег нужно? Сколько хочешь, купишь шмоток, сапожки.

— Не надо мне твоих денег.

— Тебе же хорошо со мной, ты же говорила!

— Это я тебе в позапрошлый раз говорила. А теперь ты надоел.

— У тебя есть кто-то другой?

— У меня насморк, — сказала девушка, — а от тебя у меня будет парша.

— Не шути так, Раиса, — сказал заводчик. Он смотрел на нее, закинув голову и выставив подбородок.

— Я не шучу, ты мне по фигу.

— Раиса, я думал...

Она пошла прочь, к своему дому, Жоре пришлось спешить следом.

— Раиса, — повторял он. — Я хотел с тобой поговорить серьезно. Я готов развестись и жениться на тебе. У тебя будет положение...

Она шла молча.

У дома ее ждал Петушок по прозвищу Жеребец, который собрался уезжать к тетке в Армению, чтобы избежать призыва в армию — его наконец выгнали из школы и теперь грозила государева служба. Он пришел к Раисе прощаться и ничего дурного в виду не имел.

Жора увидел молодого соперника и велел ему сматываться. Не выносил соперников. Жеребец в ответ ударил Жору в скулу, так что у того вскоре заплыл глаз. Раиса засмеялась. Это ей показалось забавным.

Жора молча ушел, а Жеребец с Раисой остались на улице, им некуда было деваться, да и расставание было спокойным.

Через пять минут Жеребец попрощался и пошел к себе.

Он прошел метров сто, как из переулка вылетел «газик», за рулем сидел Хаменко, обезумевший от любви, ревности и унижения.

Жеребец не успел отскочить — он и не думал, что его хотят убить.

Раиса все это видела.

Она убежала к себе домой, позвала отца.

Но Жора уже скрылся. Умчался.

Милиция приехала скоро, но Жеребец уже умер. Поехали к Хаменке. Он хоть и был элитой, но не партийной.

Его нашли не сразу.

Он утопился в жемчужном подвале.

На похороны Жеребца Раиса пошла. Правда, в каракулевой накидке, несмотря на летнее время. Больше ничего черного у нее дома не нашлось. Люди говорили, что у нее

«хватило наглости». На похороны Жоры она, конечно же, не пошла. Говорят, вдова Хаменки приходила к ней домой со скандалом и желанием посчитаться, но ее встретил отец Раисы, так что ничего из мести не вышло.

Это было главное событие в Веревкине двадцать с небольшим лет назад. О трагедии даже писала областная молодежная газета, но как-то неуверенно, словно не знала, кого надо разоблачать.

Анатолий для себя тогда решил, что у Раисы было два мужчины, которые владели ее юным прекрасным телом. И оба трагически погибли. Значит, любой мужчина, который приблизится к ней и завладеет этим телом, обязательно погибнет.

Это было утешением. Потому что даже ради великой любви Анатолий не был готов погибнуть. И ему казалось, что не все еще потеряно: Жора Хаменко оказался мелковат. Для того чтобы Раиса осталась тебе верна, несмотря на недостаток твоих внешних данных, надо стать богатым на всесоюзном уровне — генералом или даже членом ЦК. Тогда она падет к твоим ногам.

Раиса ушла из школы — осталась на второй год в десятом классе — и уехала на несколько месяцев в деревню к тетке. Если там что и происходило, Анатолий не знал. Он поступал в институт — такой вот замах был у человека, провалился, армии избежал и стал работать в Туле, в торговле. Путь к славе и власти оказался куда труднее и тернистее, чем складывался в эротических мечтаниях, на этом пути даже пришлось жениться на дочери директора базы. Дочь была армянского происхождения, склонная к полноте и усам. Ненавидел он ее страшно, сильно гулял на стороне, не раз заезжал в Веревкин, а новости там были неутешительные.

Раиса вернулась в город, кое-как доучилась в школе, но экзаменов на аттестат сдать не смогла, потому что

поехала отдыхать на весенние каникулы на недельку в Гурзуф с подругой Викторией. А там, в Гурзуфе, тренировалась футбольная команда второй лиги «Текстильщик» из Якутска. На третий день отдыха Раиса сбежала через окно дома отдыха «Павлик» на тренировочную базу. Футболист Тема ждал ее на веранде. Они бросились друг другу в объятия. Затем футболист повлек ее в кусты, но тут их поджидал второй тренер команды Наум Хулявый, который заботился о здоровье спортсменов. Он стал разлучать влюбленных, Тема отстаивал свою честь. Бывший штангист Хулявый переломил футболисту ногу.

Что и как происходило далее, никому не известно, вернее, никто не пытался реконструировать события. Но почему-то междоусобица в якутской команде распространялась как заразная болезнь. Когда приехала милиция, несколько человек уже находились при смерти. Всех, включая Раису, арестовали и отвезли в гурзуфское отделение милиции.

Остальное не так важно, потому что через два дня Раиса и начальник отделения подали заявление в загс, а через неделю расписались.

Анатолий же потерял на этом следы красавицы.

Он вел скучную жизнь, откладывая деньги, верил в то, что судьба еще сведет его с Раисой. Он разошелся с женой, платил ей алименты за черноглазую дочурку Карину, еще раз женился, и опять по расчету.

И тут подошли к концу восьмидесятые годы. И жизнь изменилась.

Оказалось, что для новой жизни Анатолий был отлично приспособлен.

Он был подобен Илье Муромцу, который сиднем сидел тридцать лет и три года, копил силы богатырские и имел перед собой великую цель — завоевать сердце и тело принцессы Раисы.

А раз до того он уже десять лет крутился в мире полутемном, деловом, то связи были наработаны на зависть любому. Даже секретари райкомов, которые пошли в бизнес рука об руку с начальниками райотделов КГБ, уступали ему в силе духа, умении, опыте и связях.

Через два года Анатолий уже владел небольшой посреднической конторой, вышел на импортные операции, стал на всякий случай председателем артели глухих и союза ветеранов малых войн, освободился от налогов, причем два его конкурента таинственным образом погибли, затем проник в областную думу в качестве независимого кандидата, сначала голосовал за ЛДПР, потом перешел к коммунистам, купил домик в Швейцарии, чуть не взорвался в машине, зато в этой же автокатастрофе погибла его вторая жена.

В 1995 году депутат Анатолий Смольный посетил Веревкин, открыл там филиал своего банка. В самом деле, конечно же, приехал, чтобы увидеть Раису и себя показать.

Его пожилая мать, которой он высылал ежемесячно пенсию в размере государственной, сказала ему, что давно Раису не видела, но вроде бы она в прошлом году возвратилась домой после очередного неудачного брака или романа — кто ее, шалаву, разберет! Живут они скудно, ведут себя неразумно, порядочные люди с ними не связываются.

Мать всегда боялась Раису, чутким материнским сердцем понимала, что сын ее — духовный пленник Раисы. Если она свистнет, он поднимет хвост и помчится. Хватило бы духу — давно бы отравила Раиску. Впрочем, мать Анатолия была не единственной женщиной в Веревкине, которая так думала.

Сын поставил на стол подарок — кофеварку фирмы «Самсунг» из Южной Кореи. Он знал, что мать отроду

кофе не пила, но кофеварка досталась бесплатно, как рекламный образец, а мать, если нужно, загонит.

Больше он с матерью разговаривать не стал, а вышел на разведку.

Харитон пошел за ним. «Мерседес» остался возле дома, чтобы не привлекать внимания обывателей.

Дом Раисы показался Анатолию безнадежно маленьким, старым, некрашеным, и в то же время сердце сжало неизгладимым чувством.

Анатолий поднялся на крыльцо, Харитон остался в шести шагах, прикрывал от нападения. Мало ли что.

Анатолий позвонил в дверь, никто не открыл.

Он стал стучать, потом повернулся спиной и стал стучать каблуком.

Стук был таким сильным, что из окна соседнего домика высунулась тетка и крикнула, чтобы перестали хулиганить, соседей нету дома и когда будут неизвестно. А где они? В Турции, ясное дело.

Пошли домой, Анатолий решил с утра сходить к Виктории, Раискиной подруге, она должна знать.

И тут произошла встреча.

По переулку шли всей семьей — Раиса, ее мать и отец. Каждый нес по две полосатые клеенчатые сумки, невподъем.

Анатолий не сразу узнал семью, хоть знаком со всеми был с детства.

Отец ссохся, но жилистости не потерял, и взгляд из-под седых бровей был злобным, как и прежде.

Мать стала квашня квашней, осела, сгорбилась, седые волосы нараспашку.

А Раиса, чудо-воспоминание, превратилась в толстую бабу средних лет, притом одноглазую.

И все вместе они принадлежали к жалкому и жадному племени российских челноков, что бродят по всему

миру от Гонконга до Монтевидео и ищут чего второго сорта и списанное, но дешево. И волокут на наши толкучки и «оптовки».

Анатолий увидел любовь своего детства и молодости и замер, стараясь угадать неземное существо в этой прихрамывающей бабе. Он смотрел, Раиска на него смотрела, но что удивительно — он ее все же узнал, потому что стремился в Веревкин, чтобы сказать ей: «Я приехал, я сдержал свое слово, я стал самым богатым, меня по телевизору показывают, у меня охрана есть, иди ко мне, и мы будем счастливы». А Раиса никак не узнала в мужике — средних лет, кадровой внешности, в черной шляпе на ушах, сотовый телефон из кармана торчит, ботинки чищеные — не узнала в нем замухрышку из своего класса, Тольку Смольного.

Анатолий стоял, потеряв дар речи.

Не надо было ему ехать в Веревкин. Не надо было открывать в нем филиал своего банка, не надо было заказывать в шашлычной «Тульские узоры» банкет для одноклассников. Уж если у тебя есть бабки, то организуй разведку, выясни, получи фотографию-полароид...

Ничего этого Анатолий не сделал, положился на вечность красоты и либерализм времени.

Раиска, хоть и трудно было с таким грузом, который оттягивал руки до земли, повернула голову. Что-то тревожное кольнуло ее — может, какой обманутый любовник? — и все равно не узнала: щеки вылезли наружу и стали красного цвета, глаза спрятались за подушечками, да и шляпа скрывала узкий лоб с залысинами.

Анатолий открыл было рот, чтобы остановить ее. Но смотрел на одноглазую бабу, которая прихрамывала, сгибалась под тяжестью сумок, понимал, что это и есть Раиса, но отказывался сам себе поверить.

— Вам чего? — спросила Раиса вслед Анатолию. Но тот уже повернулся и быстро пошел прочь по переулку.

За ним, переваливаясь под тяжестью мышц, топал охранник Харитон.

Анатолий добежал до машины, бросился на заднее сиденье и сказал шоферу:

— Гони в Москву.

В тот день он оставил свою карьеру, целью которой было стать тульским губернатором, закрыл все конторы и отделения в Туле и проникся к областному центру странной ненавистью.

Он начал делать деньги в Москве, он боролся как злобный тигр или супершакал, он никого не жалел и получил кличку Анаконда или Толя-Анаконда. Он никогда больше не бывал в родном городе, он даже маме не отвечал на письма, ограничиваясь денежными переводами в размере минимальной пенсии.

Правда, он нанял частного сыщика Хмурого, бывшего подполковника милиции, который заполнил белые пятна в биографии Раисы. Оказывается, ее жизнь складывалась роковым образом. Ее милицейский муж сильно проворовался и был посажен, Раиса попыталась уехать в Париж, чтобы стать фотомоделью, но доехала только до Бухареста, где фотомоделей как собак нерезаных. Там ее полюбил сутенер Ахмет, чеченец по национальности... Через десять лет она очнулась в Веревкине, без правого глаза, с переломанной ногой, отбитыми почками и расшатанными нервами. Потом был еще один неудачный брак, в деревне под Веревкиным, но о нем и говорить не стоит.

Без ребенка, без любви, без связей и денег Раиса возвратилась в свою семью и занялась мелким бизнесом. Они все втроем ездили по заграницам, подвергались мучениям и гонениям. Жизнь катилась мимо. Красота погасла. О ней теперь помнил только Анатолий по прозвищу Толя-Анаконда.

А Толя, получив все эти сведения, заплатил подполковнику Хмурому, постарался забыть Раису, но не смог, потому что был травмирован не столько ею, как ее предательством: ну как могло случиться, что она в который раз обманула вечного поклонника и стала столь непривлекательной? Ведь он все улучшался — почему она ухудшалась?

После визита в Веревкин Анатолий богател, рос, умножал материальное благосостояние и о Раисе почти не думал.

Пока не открыл газету и не узнал о том, что в Англии выведена овечка Долли — вернее, клон овечкиной мамы. Без помощи папы. А в России Дума приняла постановление вывести свинью. А в Америке появился доктор, который хотел клонировать людей, против чего уже поднялись волнения и демонстрации.

Два года не был в Веревкине Анатолий Смольный, владелец заводов, ларьков, пароходов на бывших просторах СССР.

Он подумал о том, что в прошлый приезд сюда сердце его билось от неведения, а теперь бьется от предвкушения.

Конечно, Анатолий думал не такими умными словами, хотя был неглуп, ему даже привозили учителя из Англии, чтобы учил английскому языку во сне. Учитель ничего не добился и объяснял это тем, что Анатолий якобы не знает родного русского языка. А без этого ему не привить иностранных языков.

Анатолий велел отправить учителя обратно в Англию за свой счет, но гонорар удержать. Учитель до сих пор судится с фирмой ООО «СМОЛЬНЫЙ», но кто одолеет наших адвокатов?

Дорога влилась в крайнюю, Заводскую улицу Веревкина. Завода там, правда, не было. В тридцатых годах собирались построить металлургический гигант, завезли ссыльных, построили Заводскую улицу из бараков, но потом Тула, как всегда, перетянула.

За Заводской повернули к центру, там, на берегу речки, в бывшем парке при гимназии таился Дом пионеров, построенный некогда секретарем горкома, который брал не по чину и сгинул. С тех пор дом не пустовал, его использовали для сомнительных дел и круглых юбилеев не только веревкинские, но и тульские начальники, для чего там пристроили баню и сделали подземный ход на тот берег, к гречишным полям.

Анатолия ждали.

С подносом, где стояла солонка и лежал купленный в мини-супермаркете кекс «Пасхальный» бельгийского производства, вышел Адольф Турецкий, бывший председатель городской организации ДОСААФ, который, несмотря на отличные показатели боевой и политической подготовки, выше майора не пошел из-за сомнительного имени и фамилии.

Адольф был такой толстый, что его всегда поддерживали два его юных друга, Василий и Шурочка. Друзья были веселыми, заливистыми, розовыми и могли оказать услугу любому гостю.

Анатолий отщипнул от каравая, кинул крошку в мокрый сугроб и прошел к себе в апартаменты, не потому что презирал Адика, а просто не хотел обниматься, боялся некоторых физических контактов.

В гостиной открыл холодильник, порадовался тому, что в Веревкине помнят о его вкусах, налил из бутылочки стакан морковного сока.

Анатолию иногда хотелось завести близкого человека, которому можно доверять, который все поймет и раз-

делит твои планы и сомнения. Говорят, для этого нужно счастливо жениться, бывают такие женщины. Анатолию не везло, пока не встречал.

Приходилось обходиться своей головой. Что он и делал.

Хотя очень хотелось посоветоваться.

За Раисой Анатолий послал Адика Турецкого. Харитона она могла испугаться. Харитона многие пугались. Как-то в прошлом году Анатолий был в Штатах, гулял по Голливуду, встретил Шварценеггера. Анатолий вежливо послал к звезде американского экрана своего Харитона, чтобы взять автограф. Харитон подошел, хотел сказать о любви, но Шварценеггер при виде Харитона кинулся бежать, бежал и кричал полицию. Наши за ним гнаться не стали, только издали смотрели, как Шварценеггер упал в обморок.

У нас Харитона не так боялись, иногда только путали с политиками. Рожа как рожа.

Анатолий послал за Раисой Адика, и тот привел женщину довольно скоро.

Раиса были заинтригована, какой это старый знакомый хочет с ней побеседовать в домике у реки.

Она вошла в комнату, где сидел Анатолий, и сказала с порога:

— Ох и давно я здесь не была! Совсем стала невостребованная!

Она хрипло засмеялась, а Анатолий, прежде чем поздороваться, сказал:

— С алкоголем будем завязывать.

Он встал и подошел к Раисе, протягивая руку. На этот раз он был без шляпы и пиджака, так что узнать его оказалось проще. Раиса его и узнала.

— Толька! — воскликнула она. — Ну ты даешь! Кто тебя, блин, в этот развратный домик пустил?

— Раиса, поосторожнее в выражениях перед нашим гостем, — предупредил от дверей Адик Турецкий.

— Пошел отсюда! — мягко попросил его Анатолий. Они остались одни.

— Я сяду, — сказал Раиса, — и ты садись. Ноги не держат от такой неожиданности.

С прошлого раза она еще более ухудшилась.

Лицо стало краснее, даже какие-то жилки пошли по щекам, под глазами мешки, волосы повылезли и совсем потеряли блеск и пышность, руки были неухоженные, с грязью под ногтями. Но когда она села — нога на ногу, в поношенных кроссовках, — у Анатолия сердце пошло кругом. Так бывает с женщинами — все в них исчезло, а ноги остались прежними.

Вы таких ног не видели! Это архитектура, в учебниках фотографируют.

Как могли сохраниться ноги при общей девальвации организма — это природная тайна.

Раиса перехватила жадный взгляд Анатолия и спросила:

— Что, еще не перевелся порох в пороховницах?

— Есть дело, — ответил Анатолий. — Хотелось поговорить.

— Выпить не найдется? — спросила Раиса. — При твоих возможностях.

— Выпьем потом, — ответил Анатолий.

— А как ты вообще? Ничего мне не рассказываешь. Женат, детишки есть?

— Был женат. Есть дочь, — коротко ответил Анатолий.

— А я вот бездетная, — сказала Раиса. — А чего развелся? Характерами не сошлись?

— Сошлись.

— Под машину попала?

— Ты газеты читаешь? — спросил Аркадий.

— Я тоже в разводе, — сказала Раиса. — Одинокая женщина.

Левый глаз был наполовину прикрыт, это ее сильно портило.

— Я не жениться приехал, — сказал Анатолий.

— А когда-то сох по мне. Многие сохли, ты не представляешь, один мужик другого убил, а сам в бассейне утопился. Смешно?

Она забыла, что Анатолий был свидетелем тех событий.

— Сейчас вряд ли кто из-за тебя утопится, — сказал Анатолий.

— Смешно, — вздохнула Раиса.

— Но есть возможность заработать, — сказал Анатолий.

— Я думала, посидим, старое вспомним, — сказала Раиса. — Неохота о деньгах говорить. Я ведь не нуждаюсь. У нас есть семейная фирма, экспорт-импорт. Небольшая, но на жизнь хватает.

— Раиса, — сказал Анатолий. — Я все о тебе знаю. Всю твою биографию изучил. И с кем ты жила, и с кем спала, и кто тебе глаз вышиб, и куда ты с папашей и мешками гоняешь. Так что помолчи, принцесса.

— Принцесса, — тихо повторила Раиса. Она хотела было обидеться на слова одноклассника, а потом передумала.

— Есть такое интересное открытие, — сказал Анатолий. — Называется клонированием.

— Скажи своим мордоворотам, пускай выпить принесут, — попросила Раиса. — Желательно мартини со льдом.

— А мне морковного сока, — сказал Анатолий. Он был уверен, что Харитон таится под боком и сейчас что надо принесут. — Слышала о клонировании?

— Слышала. По телеку передавали.

Адик Турецкий принес поднос с мартини, бокалами и бутылку с морковным соком.

— Что? — спросила Раиса. — Проблемы с желудком? В твоем возрасте?

— Пожить хочу, — сказал Анатолий. — Плодотворно.

— Дурак.

Раиса выпила полный бокал мартини, не разбавив и не положив в него лед. Налила еще.

— Мне ты нужна, — сказал Анатолий, — чтобы ты как бы родила ребенка.

Раиса так и замерла со вторым бокалом у губ. Губы у нее тоже сохранились — полные, четко очерченные.

— Ты что, рехнулся? — спросила она наконец. — Сначала меня опозорил, унизил, а потом о ребенке? А ты знаешь, что я на ребенка соглашусь только от настоящего мужа, со штампом в паспорте, понял?

— Ты меня как бы не так поняла, — сказал Анатолий. — Трахать я тебя не буду, еще заразишься чем-нибудь. Рожай без меня.

— И кто же жених? — спросила Раиса, решив, что больше обижаться не будет. Разговор намечался серьезный, и она могла что-то с него поиметь.

— Вообще-то могу обойтись без тебя, но так надежнее.

Раиса отхлебнула мартини. Разговор шел серьезный, и этот бывший замухрышка тоже не шутил. Что-то ему от нее нужно, но главное тут — не продешевить. Уж слишком часто Раиса в жизни спешила схватить золотую птицу счастливой судьбы и все промахивалась — утром проснешься, а птичка уже в небе порхает.

— Рассказывай, Толик. — Раиса старалась говорить мягко, горловым голосом, который стольких сводил с ума. Как хотелось, не вышло, уж очень она прокурила и пропила этот голос.

— Закурить не найдется? — спросила она.

— Курить тоже завязываем, — сообщил Анатолий.

— Перебор, — сказала Раиса. — Курить не завязывасм. Рака легких не опасаемся.

— Курить ты бросишь, когда узнаешь, что стоит на карте.

— Тогда говори, что стоит на карте.

— Может, ты догадывалась, что я к тебе неровно дышу, — начал Анатолий. — Со времен средней школы.

— Почти забыла, — призналась Раиса, — растаяло как дым отечества.

— Не кривляйся, — укорил ее Анатолий. — Тебе это не идет.

— А ну, уберем из общения этот учительский тон, — сказала Раиса, которая за свою жизнь научилась поддерживать беседу в любом обществе. Она легко схватывала слова и понятия, даже начатки языков. Она в Турции могла лучше любого челнока объясниться. А про Польшу и не говорим.

— Я советовался с докторами наук, — сказал он, — пришлось вложить большие бабки. Они мне как бы надавали советов. Ты слушаешь? Значит, я теперь знаю, как сделать. Бабки у меня как бы есть. Начнем хоть завтра. Я уже договорился с роддомом и консультацией — возражений не имеется. Но конечно, абсолютно как бы тайна.

— Слушай, Толик, не мути. Чего тебе от меня надо? А то я уж бояться начала. У тебя в глазах оголтелость.

— Мне ты нужна, неужели не поняла?

— Если я, тогда к твоим услугам, только потраченная молью.

— Мне ты нужна молодая, как я любил. Ты что, не понимаешь, что у меня к тебе как бы чувство было?

— Обратного пути история, прости, Толик, не знает.

— Теперь знает! Мы берем твою клетку, мы ее, прости, оплодотворяем, и ты выращиваешь. Кто рождается?

— Ты охренел, Толик?

— Спокойно. Я пока терплю. У меня жизненная ставка.

Раиса трясла головой, старалась понять, что происходит. Происходило что-то опасное и даже постыдное для нее. А до конца она не понимала.

Анатолий тоже не мог ей втолковать, чего он хочет — не снаружи, в действительности, а чего он хочет в душе. Что им движет.

Ну как объяснишь этой тумбе, что ты прожил свою жизнь именно так, как случилось, из-за нее! И может, даже ради нее. А потом узнал, что она его подло обманула. Когда он завоевал половину мира и пришел, чтобы кинуть к твоим ногам, оказалось, что твои ноги — единственное, что от тебя осталось. Остальное необратимо исчезло. И тут-то оказалось, что жизнь прожита зазря. И некому кидать под ноги половину мира.

Анатолий разочаровался в жизни, но продолжал жить, потому что в голову ему не приходило, что можно с этой жизнью расстаться. Он, можно сказать, собрал в руках вторую половину мира и тогда узнал, что клонирование возможно.

И озарение пришло к нему почти сразу.

Никто до этого не додумался. Ни один академик или народный артист. Оказывается, теперь можно возвратить в мир утерянную красоту. Нет, не какую-то там Нефертити или Клеопатру в исполнении Элизабет Тейлор — кому это нужно? Можно вернуть в мир самую великую из всех красавиц СНГ и дальнего зарубежья, Раису.

Вот все это он и попытался изложить в беседе с Раисой. Раиса высосала всю бутылку мартини и к концу бутылки поняла, что за дело на нее надвигается.

С одной стороны, операция показалась ей противной и отталкивающей.

С другой стороны, она была польщена. Ведь это было как бы победой на конкурсе мисс Вселенная, это было свидание с человеком, который ради тебя — ведь это я такой была? — готов пойти на все.

— Ну вот она родится, — спросила Раиса, — ты что же, двадцать лет ждать будешь?

— Ты раньше созрела, — сказала Анатолий.

— Ну уж нет! — воскликнула Раиса. — Не получишь ты, развратник грязный, мою доченьку! Хрен тебе! Иди во Францию, негритянок там... это самое. Но мою дочку — нет!

— Это не твоя дочка, — упрямо сказал Анатолий-Анаконда, — это ты сама. И ты уже в шестнадцать в раздевалке стадиона физкультурнику давала.

— В семнадцать, — поправила, смутившись, Раиса. Хотя была не права.

— Вот я на тебе и женюсь.

— Нет, и не мечтай! Исключено! Я тебя и в школе не замечала, а сейчас тем более не замечу. Ты знаешь, старый козел, сколько тебе лет будет через двадцать лет?

— Сколько?

— Сколько и мне. Шестьдесят без двух месяцев. Тебе на пенсию надо, а не на дочке моей жениться.

— Не на дочке, а на тебе.

— Да не пойду я за тебя! — кричала Раиса, потом кинула бутылку из-под мартини в Анатолия, промахнулась и попала в голову Адику Турецкому, который сунулся было на шум.

Пришел Харитон, унес Адика, а беседа с Раисой продолжалась.

Анатолий стал спокоен. Недаром его Анакондой звали. Он стал стягивать кольца на теле обнаженной жертвы.

— Ты сколько сейчас в месяц получаешь? — спросил он.

— Не важно.

— Важно. Дай Бог, всей семьей пятьсот баксов.

— А вот больше!

— Ну как бы шестьсот.

— А зачем тебе?

— Единовременно получаешь три тысячи баксов, квартиру в новом доме, переезд в Москву, пенсию и звание моей тещи.

— И не мечтай.

— Другой вариант: как только ты ее рожаешь, сразу уходишь в отставку, я нанимаю кормилиц, поилиц и другую обслугу, выписываю из Швейцарии, а может, увожу тебя до совершеннолетия в пансион в городе Цюрих, как бы на родину Ильича.

— Кого?

— А наш вождь там как бы скрывался от клевретов царской охранки. Не читала?

— Я тебе в последний раз говорю: не получишь ты мою дочку.

— А тебя?

— Чего — меня?

— Опять двадцать пять! Сколько тебе за штамп в паспорте?

— Не пойду я за старика.

— В шестьдесят я еще таким орлом буду! Ты и не представляешь. В моем распоряжении все достижения зарубежной медицины. Тебе тоже поможем. Глаз сделаем — ни одна гадюка как бы не отличит.

— Дурак ты! — сказала Раиса, но в ее голосе уже не было первоначального возмущения.

Пока в женской консультации при роддоме готовилась палата и ее уже занимали специалисты, выписан-

ные Анатолием из Южно-Африканской Республики, Раиса нередко встречалась с Анатолием и даже во многом смирилась. Она не могла счесть будущего ребеночка самой собой, внутренне называла дочкой. Но в то же время ей было любопытно, как и любой женщине на ее месте, что же получится? Неужели она сможет наблюдать за тем, как она сама будет снова расти, ходить, произносить первые слова и даже пойдет в школу? И это любопытство оказалось сильнее опасений, тем более что с опасениями Раиса покончила быстро: как и обычный русский человек, она отложила опасения на будущее. Там будь что будет. «Все равно ему дочку не отдам. В случае чего передам дело в суд — он у меня попляшет. Он же отцовство доказать не сможет! Нет в моем ребеночке его отцовства. Только я и Господь Бог». Тут ей в голову пришла крамольная, но оригинальная мысль: а непорочное зачатие — это, наверное, и было первое в мире клонирование. Как бы в Богородицу внедрили Божью клетку. Ведь всюду говорят и даже пишут, что Христос — сын Божий, но нигде не говорится, что он сын Богородицы. И она ему не мать — а только донорша.

С этим открытием Раиса пришла к Анатолию. Он устроил в домике у реки свою резиденцию, кабинет, факсы и компьютеры на каждом шагу. Никто из его персонала не мог понять, что взбрело шефу в голову. Но и не спорили — только те спорили, кто не хотел переезжать или гонять в Веревкин. Ну те потеряли работу. Ясное дело.

Конкуренты суетились, подсылали шпионов. Харитон шпионов разоблачал и скармливал им ложную информацию о находке под Веревкиным месторождения самородной ртути. Так что на биржах Европы зашевелились некоторые акции.

В женской консультации при веревкинском родильном доме жизнь текла внешне как прежде, без событий. Ходили туда будущие мамы, сдавали анализы, проходили обследования. Но к заднему входу был пристроен бункер, туда тоже подъезжали машины, заходили люди замкнутого вида, некоторые с переводчиками. Заходили люди со стороны. Включая будущих матерей. Официально было объявлено, что там обследуют некоторые генетические осложнения, которых раньше в Веревкине не было, а теперь появились.

Конечно, первой среди равных пациенток была Раиса.

За ней заезжал домой «мерседес», хотя идти от ее дома до консультации пять минут.

Раиса, когда окончательно опомнилась и смирилась, поставила перед Анатолием ряд условий. И он их принял.

Новый дом в экологически чистом районе, на холме над излучиной речки — два этажа, четыре комнаты с ванной и колодцем — выполнено.

Автомобиль «нива» белого цвета для папы — выполнено.

Шесть тысяч баксов наличными — получено две с половиной тысячи.

Для извлечения из организма Раисы нужной для потомства клетки и для последующего внедрения в ее организм пришлось Раисе полежать в родильном доме. У нее была своя палата с телевизором, на окнах решетки, питание четырехразовое.

Сначала Раиса думала, что все сказанное Анатолием, да и действия врачей над ее организмом — это какая-то афера. Одно дело — читать в газетах или видеть по телевизору. Другое — если это происходит с тобой: жила-жила, а стала овечкой Долли.

Но вдруг, довольно скоро, Раиса поняла — у нее задержка.

Задержка? А ведь никаких совокуплений с мужчинами у нее не было, довольно давно не было. Значит, в ней... это!

И стало страшно. Да, конечно, Анатолий все объяснял, доктор Перруджини тоже все объяснял, все она понимает... но тут в тебе что-то начинает расти. В твоем организме. Но раз это не занесено во время акта любви, как положено у людей, значит, это наведено научным способом. А где гарантия, что это будет в самом деле девочка? Твоя копия? Кто их, таких девочек, видел? А вдруг это, как в русской сказке сказывается, неведомый зверюшка?

Раиса похудела, потеряла аппетит, хотя ее откармливали в роддоме диетическим питанием.

Приезжал Анатолий. Был радостен, ходил по палате, потом предложил погулять в саду. Деревья уже распускались, весна была в полном разгаре. Сад был обнесен высокой изгородью. Анатолий говорил о любви, о том, как, оказывается, всю жизнь страдал от чувства к Раисе. Раиса пыталась отшутиться, говорила: «Если так любишь, значит, тебе недостатки моей сегодняшней внешности не так уж и важны? Женись на мне как я есть». «Я лучше уже нашел», — отвечал Анатолий, показывая на ее живот.

Раиса тоже смотрела на свой живот, ей казалось, что он на глазах раздувается, как в американском фильме ужасов, где в утробе героини таится «чужой», чудовище. Но пока признаков не находила.

Раиса беспокоилась, дома мать начала расспросы, Раиса отбрехивалась, потом сказала:

— Да, беременная я, а от кого, не важно, может, от того турецкого шофера, помнишь, нас подвозил из Трабзонда?

Мать помнила и старалась не верить такому позору.

— Я тебя в детстве по ошибке не убил, — сказал отец, — но если родишь, то убью наверняка.

Так что когда доктор Перруджини, который уже немного освоил русский язык, предложил с пятого месяца переехать в стационар, Раиса согласилась. Не нужны ей косые взгляды и семейные свары. Лучше потерпеть, пока не родится... неведомый зверушка.

Она гуляла по распустившемуся, богатому саду за роддомом, за высоким забором. Но спокойствия не было. Мучила интоксикация организма, жить не хотелось.

В стационаре на сохранении она была не одна. Сначала там были еще три женщины, молодые, куда ее моложе, молчаливые, из местных, но незнакомые. Потом появилась Верка Синицина, с Аксаковского переулка, они давно были знакомы. И про нее Раиса знала, что никакого мужика у Верки нет и не было по причине непривлекательности и бедности. И тут — беременная!

— Ты чего мне раньше не сказала? — накинулась на Верку Раиса.

— Я про тебя тоже не знала, — ответила Верка.

Они стали гулять вместе, даже немного загорали. Как-то сблизились. Верка все приставала, а кто отец ребенка? Раиса спросила доктора, можно ли рассказать Верке, что она клонируется, но Перруджини ответил, что ни в коем случае, может случиться выкидыш.

Они еще несколько дней таились, но потом Верка сама проговорилась.

Они курили в кустах у забора — курить им было категорически нельзя, но санитарка Зарема, беженка, с приплатой носила сигареты. Верка сказала:

- Я тебе тайну должна раскрыть.

-- Что за тайна?

— Нет у меня мужика, — сказала Верка. — И не было.

— Случается, — ответила Раиса, которая сама откровенничать не собиралась.

— Ты не понимаешь, — сказала Верка, — я без мужика рожать буду.

— Кого же ты рожать будешь, если без мужика? — спросила Раиса, а сама вся напряглась. Ужасная тайна готова была раскрыться.

— Ты не поверишь!

— Поверю.

— Ты побожись, что никому не скажешь.

— Ей-богу под салютом всех вождей, — так божилась еще мама.

— И доктору Перруджини не скажешь?

— Уж ему-то ни в коем случае.

— Я собственную копию буду рожать, — призналась Верка, — из меня клетку взяли, и из нее я девочку рожу, точно как я в детстве.

— Врешь!

— И знаешь, кто меня на это соблазнил?

— Нет, не знаю.

— Такой у нас Толька учился, Толька Смольный, не помнишь?

— Что-то не помню.

— Он, оказывается, был в меня влюблен, — призналась Верка. — Он как прочел про клонирование... ты слыхала про клонирование? — то сразу ко мне: прошу, говорит, тебя, Вера, вернуться ко мне в юном облике.

— А ты?

— А он мне пенсию обещал на ребенка, поклялся признать ее дочкой и тысячу баксов в месяц.

— Зачем ему дочка?

— Детей у него нет. Бог не дал. Хочет удочерить.

— Этот? Удочерить? А вдруг у него другие планы? Он, говорят, за соблазнение малолетних привлекался.

Конечно, этого говорить не следовало, после таких слов Верка полностью потеряла покой и все ждала, когда приедет Анатолий, чтобы ему выложить правду, но и Раису можно понять — она все это сделала от душевного волнения и, можно сказать, шока. Ты думаешь, что ты и есть центр мира, ты идешь на сомнительное мероприятие из-за того, что тебя любят неземной любовью... а оказывается, не только тебя любят. И кого? Верку? Да у Верки в школе никаких поклонников не было — с ее-то длинным носом! Извращенец! Честное слово, извращенец!

Раиска начала уговаривать Верку, чтобы та молчала — если ты устроишь скандал, то только бабки потеряешь и ничего хорошего...

Вроде бы Вера поддавалась; но на нее было мало надежды — проговорится, обязательно проговорится. Ее ведь распирает.

Но пока Анатолий не приезжал, а Вера держалась, закусив губу, Раиса, полная подозрительности, обратила внимание на молодых товарок, которые гуляли по садику — тоже были на сохранении.

Первая же, по имени Прохорова Дарья, беженка, без жилплощади, через час беседы призналась, что мужа не имеет, любовника тоже — иначе бы не пошла на такое унижение за деньги: родить ребенка без отца и даже без любви. Ей, по ее словам, этого зародыша «вспрыснули», обещали за это пенсию и алименты, а также отдельную комнату в доме на Ленинской. Прохорова Дарья не знала имени своего благодетеля, беседовала с доктором, но при том присутствовал наблюдатель... и Прохорова описала Анатолия.

Ситуация становилась все более загадочной и неприятной. Анатолий оказался лжецом, но смысл его лжи оставался непонятным и пугающим.

Раиса таилась, переживала, но продолжала свой детективный поиск.

Следующими жертвами стали две подружки — Аля и Галя. Совершенно непохожие. Аля мужеподобная, здоровенная баба, ей бы женской штангой заниматься. Галя — воздушное создание, все жмется к Але. Раисе с ее жизненным опытом не надо было долго разбираться — она поняла, что девицы, хоть и молоденькие, чистой воды лесбиянки, и даже не из самого Веревкина, а из поселка Силикаты в шестнадцати километрах. Их дружба, переросшая в любовь, развивалась еще в общежитии тамошнего кирпичного завода. А теперь, как объяснила Галочка, сбывается мечта их любви — одни добрые и щедрые люди им предложили родить по детенышу без помощи этих грубых, жестоких, вонючих существ по имени мужчины. Их клеточки объединили — наука теперь на это способна, — и теперь они родят девочек, во всем похожих на Алечку и Галочку.

Раиса уже была готова убить Анатолия, но тот, словно зная об этом, все не приезжал.

Тем временем Раиса свела знакомство с только что поступившими новыми пациентками роддома. И все восемь девушек оказались такими же, как и она, жертвами жестокого обмана этого сексуального маньяка и развратника Анатолия Смольного, тюрьма по нему плачет.

Вот об этом она и сказала Анатолию при первой же встрече, которая произошла в начале сентября.

Пошел седьмой месяц беременности, животы у всех девиц и женщин стали очевидными, Анатолий сначала погулял по садику, ни к кому не подходил, ни с кем не разговаривал. Любовался плодами своей инициативы. За ним шел доктор Перруджини, охранник Харитон и всякая местная мелочь.

По окончании осмотра территории Анатолий выбрал из группы гуляющих и взволнованных его появлением женщин Раису и спросил ее интимно:

— Вижу, что ты как бы хочешь со мной поговорить.

— Еще как хочу, — сказала Раиса с угрозой. Анатолий увел свою бывшую пассию из садика, уединился с ней в кабинете главврача. Из столовой пахло вкусной пищей, санитарки звенели посудой, накрывали на стол.

— В чем проблемы, Райка? — спросил Анаконда.

— В твоей подлости, Толик, — ответила Раиса.

— Конкретнее можешь?

— А конкретнее — ты зачем мне лапшу на уши вешал, а сам по другим девкам бегал?

Анатолий сидел в кресле, разглядывал носок своего ботинка, блестящий, словно он гулял по Парижу, а не по Веревкину.

— Узнала, значит, — вздохнул он.

— Еще бы не узнать! Но ты отвечай, отвечай!

— А то что?

— А то я тебя на весь мир разоблачу!

— И как же ты разоблачишь?

— Тут же еду в Тулу, в газету, а может быть, в Москву — «Совершенно секретно» знаешь? Они таких, как ты, сразу в саунах разоблачают.

— Попробуй, — сказал Анатолий, не двигаясь с места.

— И попробую.

Раиса встала, вышла из кабинета. В пустом коридоре стоял Харитон.

— И далеко собралась? — спросил он.

И так спросил, что Раиса, битая жизнью и чуявшая опасность за версту, сразу же возвратилась к Анатолию и с порога спросила:

— Но зачем ты это сделал? Тебе что, на улицах молодых телок мало?

— Узнаешь, — сказал он усталым голосом. — Ты не представляешь, каких денег это мне стоит... каких денег...

Он встал и ушел.

А Раиса осталась оплеванной. Она же думала, что он станет ругаться, объясняться, оправдываться. А он выслушал и ушел.

Ну зачем, скажите, зачем нужен целый детский сад разных дочек от разных баб и даже молоденьких девчат? Ведь Раиса подсчитала за последующие дни, что всего в спецотделении роддома на сохранении этих самых «неведомых зверушек» состояло девятнадцать «доноров» — так будущих матерей называл с приятным акцентом доктор Перруджини.

В декабре Раиса родила. Родила, находясь в состоянии постоянного ужаса, как и некоторые другие пациентки. Она ждала, что из нее появится чудовище. Доктор Перруджини переубедить ее не смог.

Рожала она под наркозом, по современной технологии.

Когда наркоз уже давали, вошел Анатолий. Он был в голубом халате, как все в операционной, глаза печальные, тревожные — несмотря на ужас своего положения, Раиса успела ему посочувствовать.

Сквозь наркоз она слышала слова акушеров и даже в бессознательном состоянии ожидала услышать что-то страшное. Но ничего страшного не услышала.

Потом очнулась на койке в палате.

Там же лежала еще одна роженица, оказывается, она прибыла в палату за двадцать минут, а может, за полчаса

до Раисы. Это была Галочка, из лесбиянок. Она уже получила своего ребеночка — девочку привезли на каталочке, она была раскрытая, голенькая, розовенькая, и Галочка просто зашлась от восторга и все спрашивала медсестру:

— Но до нее ни один мужской ген не касался? Ну дайте мне слово!

— Не касался, не касался...

— А как мой... подруга? Аля?

— Твоя подруга на подходе, — сказала медсестра.

— Я так за нее переживаю! Больше чем за себя, — сказала Галочка.

— А мне привезут? — спросила Раиса.

Ей уже не было так страшно. За окном сыпал пушистый снег, синело, в палате горел уютный свет, в коридоре слышались мирные голоса, где-то заплакал ребеночек, Галя чуть подвинулась, и медсестра положила младенца рядом с ней на постельку и сказала:

— А теперь, мамаша, будем учиться кормить дите.

— А где мой ребенок? — спросила Раиса.

— Везут, — ответила медсестра, — скоро будет.

И в самом деле через несколько минут дверь в палату открылась и привезли ребеночка Раисы.

Ребеночек сразу заплакал, но потом смирился с существованием на белом свете и оказался никаким не уродцем и не зверенышем — это была очаровательная девочка.

Вечером, совсем поздно, когда последняя из девушек разродилась девочкой, Анатолий разложил на столе в кабинете главврача веер только что сделанных фотографий.

Все девятнадцать девочек оказались совершенно одинаковыми.

* * *

Подозревая Анатолия в дьявольских планах и опасаясь страшного подвоха, Раиса не нашла самого простого и логичного объяснения: Анатолий хотел подстраховаться. Он не желал поручить задачу выведения идеальной женщины одной Раиске с ее сомнительными привычками и продвинутым возрастом.

Когда доктор Перруджини получил исходный генетический материал, а в Веревкине была готова научная и практическая база для эксперимента, Анатолий разными способами — от подкупа до увещеваний — привлек к делу еще восемнадцать одиноких женщин и девушек, и в них, так же как и в Раису, внедрили клеточки... такие маленькие клеточки.

И одновременно в организмах матерей-доноров началось развитие одинаковых зародышей, которые постепенно превращались в одинаковых человечков. И вот, почти одновременно, девятнадцать матерей разродились. И на свет появились девятнадцать маленьких Раис.

...Доктор Перруджини вошел в кабинет. Он устал, он работал круглые сутки.

— Я поздравляю вас, синьор Смольний, с успехом нашего эксперимента. Если все сделать как надо — Нобелевская премия есть!

— А вот ты, синьор-помидор, — ответил Анатолий-Анаконда, — получи в кассе что тебе причитается и премиальные из расчета трех процентов оклада и собирай чемоданчик.

— Как так? Как так? — удивился доктор. — Это же труд моей жизни!

— За мои баксы сделаешь еще один труд.

— Но масштаб! Где я найду такой масштаб, блин поганий! — Доктор многому научился в России.

— Поезжай в Китай, — посоветовал Анатолий.

Он раскладывал фотографии на столе и любовался фантастическим сходством девчушек.

Наутро он продал еще два супермакета и заложил замок в Швейцарии. Ему были нужны наличные. Над его будущими женами и их мамами должно быть постоянное наблюдение.

Харитон, который за последние годы многое узнал о шефе, спросил, заглянув в кабинет:

— Перруджини отпускаем?

— Конечно, отпускаем, — сказал Анатолий. — И с благодарностью.

В то же время он показал большим пальцем вниз.

Харитон кивнул и пошел на улицу организовывать автомобильную катастрофу на пути к тульскому аэродрому.

Анатолий, что бывало нечасто, заговорил сам с собой:

— Хорошо раньше было — один сорт колбасы на всю область, и все в очереди стоят. А теперь что — двадцать сортов и все без гороха. Которая из них моя? Ну скажи, зеркальце?

Фотографии молчали.

Анатолий уронил голову на руки и заснул так вот, сидя за столом.

Он спал четыре часа, чуть улыбаясь во сне.

Под утро его разбудил Харитон.

— Прости, шеф, — сказал он, — что беспокою. Но случилось несчастье.

— Говори, говори сразу! — воскликнул Анатолий. — Что с моими девочками?

— С девочками все путем, — сказал Харитон. — Только вот твой итальянский доктор приказал долго жить. Его такси выехало на встречную полосу — и лоб в лоб с «КамАЗом»!

— Надо же такое невезение, — вздохнул Анатолий. — А я думал, что он еще не раз побывает в нашем городе.

С этого момента моего рассказа в него вторгается фантастический элемент, которого, как понимаете, я старался избегать. Но если осеменение девятнадцати женщин в Веревкине имело место в наши дни, то все последующее повествование, каким бы кратким оно ни было, переносится в будущее, которого еще не случилось, и из реалистического становится лишь допустимым.

Так что читатель волен поверить мне, а может, если пожелает, закончить чтение повести на этом месте и возвратиться к своим делам. Додумав финал по собственному разумению.

На самом же деле в первые пять или шесть лет, как ни странно, ничего не произошло. Анатолий контролировал эксперимент ненавязчиво, осторожно, ничем не показывая себя. И если с кем и встречался, то с Раисой, которая жила пристойно, почти не пила, в челночные рейсы не ездила, хотя ее родители этого ремесла не оставили. Теперь она уже поверила Анатолию и клонированию, тем более что в начале XXI века оно, несмотря на противоречивое к нему отношение, уже получило в мире широкое распространение. Появились различные клонированные животные, но главное, что оно дало возможность производить органы для трансплантации, которые наверняка приживались, потому что принадлежали именно самому больному. Но это стало возможно после того, как весь мир охватила сеть отлично организованных мафиозных структур, а медики научились настолько энергично стимулировать рост клонированных младенцев, что они достигали нужного возраста в течение нескольких месяцев.

Пока что в Веревкине всякое клонирование познавали с телеэкрана. И никто не подозревал, что девятнадцать клонированных девочек растут по разным домам. Нет, Раиса подозревала.

А остальные не видели.

Как так? Разве это возможно? Неужели, если на улице Ленина растет пятилетняя девочка, а ее абсолютная близняшка обитает в Демократическом переулке, кому-то придет в голову догадаться об их удивительном сходстве? Так они одеты по-разному, причесаны иначе, одна недокормлена, а другая перекормлена, — не может же Анатолий собрать всех своих будущих невест в общежитие и кормить одинаково? А ему и не нужно. Он же будет выбирать. Подойдет время — будет выбирать. Лучшую из лучших. Раису из Раис.

Раиса не спеша ходила по городу, проверяла своих товарок, выслеживала их и уже в 2002 году догадалась, что Анатолий обманул всех остальных доноршь. Не нужны они ему были. И дети их не нужны — ему нужна только Раиса.

И тогда Раисе пришла в голову страшная мысль: не из любви к ней Анатолий все это замыслил. А наоборот. Он будет торговать девочками. Он будет сдавать их в иностранные публичные дома. Самых красивых, самых дорогих.

Когда она пришла к этому выводу, то озверела настолько, что кинулась в Москву, выследила Анатолия и даже смогла прорваться к нему, когда он выходил под охраной из своего банка. Охранники приготовились отшвырнуть ее с пути президента, но главный, Харитон, узнал Райку. Не чужой ведь.

И Анатолию пришлось перекинуться с Раисой несколькими словами.

— Я знаю тебя, блин, — прошипела Раиса, еще более раздавшаяся и неопрятная. Даже глаз не починила, хотя средства ей на это были выделены. — Ты будешь моей девочкой торговать. И всеми будешь торговать. А я тебя убью.

Никто, кроме Харитона, не понял смысла этих слов. Только охранники крепче сжали в карманах свои пистолеты.

Анатолий, от которого ожидали, что он придушит на ходу эту халду, повел себя неожиданно. Он остановился и сказал тихим, разумным голосом:

— Знаешь, я ведь так и решил. Одну оставлю себе. Ну максимум двух. Остальных сдам. Хорошим людям на воспитание.

— И я тебя убью.

— Чужих сдам, твою не трону, — сказал Анатолий. — Тебя куда подвезти?

Толстая женщина повернулась и пошла прочь. Она шаталась, как пьяная, и утирала слезы тыльной стороной ладони. Потом напилась и приехала домой последней электричкой.

В 2009 году кое-кто стал замечать, что в Веревкине рождаются девочки-красотки. Пятерых взяли в студию художественной гимнастики. Тренерше показалась удачной эта шутка природы. А когда она выводила команду, публика сначала замирала, а потом разражалась аплодисментами.

А девочки тоже тянулись друг к дружке, как будто чувствовали, что они родные.

Раиса переживала. Хотела даже переехать в другой город.

Но тут заявился Анатолий.

Дом приемов у реки уже снесли, там построили шестиэтажный ангар для личных самолетов и вертолетов.

Адик Турецкий уехал в Турцию, он думал, что его там примут как родного. Его там вообще не приняли, он и сгинул. Анатолий остановился в отеле «Рай земной». Отель принадлежал ему и назван был так сами понимаете почему.

Он опустился на крышу отеля в своем вертолете.

Затем вызвал соглядатаев. Они же были оставлены в городе — как без них?

Ему доложили о каждой девочке. На каждую было видеодосье.

Анатолий взял бутыль виски и уселся смотреть. Он сильно раздался, деньги его уже не интересовали. Женщины тоже. Но он надеялся, что вот-вот подрастет его суженая и тогда свершится новая молодость.

Он был поражен тем, какие одинаковые и в то же время какие разные получились его будущие жены.

Он просматривал пленку, откладывал направо тех, кто нравился больше, налево тех, кто понравился меньше. Но не был уверен в своем выборе. А когда потом проверил по фамилиям и адресам девочек, оказалось, что отложил в брак дочку Раисы. Ему стало страшно и стыдно.

Он уже принял решение. Он дает невестам расти самостоятельно еще три года, до возраста в пятнадцать лет.

Потом отбирает двух. Основного космонавта и дублера.

И увозит их из Веревкина.

В особое место на Адриатическом море. Там он купил для этой цели небольшой остров.

Раисе он, конечно, об этом не сказал.

Уехал он удовлетворенным. Три года — небольшой срок, это можно потерпеть.

В размеренную жизнь вторгаются случайности. В событиях 2012 года Анатолий оказался среди жертв. Сна-

чала он бежал на Украину, но украинцы на границе выставили кордоны и передавали беглецов нашим пограничникам. У Анатолия не было документов. Всех, кто без документов, тогда, как вы будете знать, расстреливали. Они отсиживались в кустах — сзади враги и спереди смерть. Анатолий застрелил Харитона, взял его документы и выкинул оружие.

Чего обо всем этом рассказывать — сами узнаете.

Возвратился на родину Анатолий в сентябре 2014 года. И поехал в Веревкин, там доживала свой век его мама.

Мама узнала сына, стала ругать, что неправильно устроил свою жизнь. Она все забывала, но трудилась в огороде.

В первый же день, к вечеру, Анатолий пошел к дому Раисы. Раисы не было. В доме жили чужие люди, Анатолий не посмел их допрашивать.

У него была записная книжечка, в ней адреса всех его невест. Они уже созрели и ждали его. Анатолий закопал во дворе маминого дома жестянку с золотыми монетами царского чекана и камешками. Жестянка лежала на месте, он мог не бояться помереть с голоду. При любой власти нужны деньги.

Вечером, совсем поздно, Анатолий пошел по улице, где жили со своими дочками подружки Аля и Галя.

Дом был неосвещен. Он разговорился со стариком, который прогуливал собаку. Анатолия он не испугался, потому что он был совсем седой и хромал. Старик сказал, что девочки убежали из города вместе с командой по художественной гимнастике, но под Тулой попались бандитам. Галя и Аля поехали искать дочек и сгинули.

На следующее утро Анатолий пошел к Верке.

Он позвонил. Открыла его невеста, уже созревшая, красивая до умопомрачения. В одном халатике.

Анатолий попросил маму.

— Мама на рынке.

Девушке не понравился Анатолий, он ее испугал, но не настолько, чтобы спрятаться в доме.

— Тогда я у вас подожду, — сказал Анатолий. — Я твой дядя.

— Николай! — позвала девушка.

Вышел здоровый молодой парень, в лучшие времена Анатолий взял бы его в телохранители.

— Разберись, — сказала девушка. Она была такой же холодной, как ее истинная мама. Для нее существовал только ее самец и жизненные блага. Но, конечно, самец был важнее.

— Простите, — сказал Анатолий, — я опоздал. Я ухожу.

Девушка встала на цыпочки, прижалась к Николаю, стала кусать его ухо и ластиться к нему.

— Пошел, пошел, — велел парень.

«Я еще вернусь, — подумал Анатолий. — Еще не все потеряно».

К обеду он отыскал еще одну свою невесту. Она работала официанткой.

Анатолий уселся за стол в кафе, в меню которого были капуста с сосисками и чай. Заказал пиво. Пиво нашлось. Он стал спрашивать девушку, кто ее мама. Тоже назвал себя дальним родственником, который знал маму в детстве.

Девушка даже не старалась быть вежливой.

— Погодите, — сказал Анатолий. — Вы не имеете права меня игнорировать. Я вам докажу...

Он нервничал.

Официантка позвала повара.

Повар был не простым поваром, а местным бандитом. У Анатолия был на таких наметан глаз. Девушка была его любовницей. Впрочем, с такой иначе нельзя.

Повар выбросил Анатолия из кафе. Хорошо, что не побил.

Анатолий пошел к Виктории, бывшей подруге Раиски. Виктория долго не могла узнать Анатолия, так он изменился и поизносился.

— Ты к ней не лезь, — сказала Виктория. — Она живет у Маринииного хахаля. Они круто живут.

— Кто такая Марина? — спросил Анатолий и уже догадался — его невеста.

Он не выдержал.

— Не для них я все это сделал!

Виктория не поняла. Но адрес дала.

Они в самом деле жили в солидном доме, Анатолий не решился звонить. Он долго ждал на той стороне улицы, пока не показалась Раиса.

Грузная старуха, с палкой, в другой руке тащила сумку с овощами. Страшная как смертный грех.

Анатолий окликнул ее.

Раиса сразу его узнала.

— Не смог приехать, как хотел? Где твой боевой конь, господин маршал?

— Это временно, — сказал Анатолий, — то есть я нарочно, чтобы не узнали. Провожу инспекцию.

— И лучше ничего не придумал?

— Мне не надо придумывать.

— А я рада, что ты приполз ко мне, как прибитый пес, — сказала Раиса. — Я тебя боялась, ой как боялась. А теперь можно не бояться. И ты больше не будешь мне сниться, как с охраной приезжаешь и увозишь мою девочку.

— Я приеду.

— Нет, — сказала Раиса. — И уходи отсюда, а то увидят тебя — я не буду защищать или врать. Я хочу, чтобы тебя убили.

— Но я подарил тебе дочь!

— Ты отнял у меня все остальное.

Анатолий пожал плечами. Своей вины перед Раисой он не видел.

— Как она... Марина? — спросил он.

— Пока верна своему Эдику. Только пока. Она далеко пойдет. Она шлюха почище меня, но моих ошибок не допустит.

— А ты?

— Мне и на кухне хорошо. Жизнь ведь недобрая штука.

— Я хочу посмотреть на Марину.

— Я тебя предупредила.

Марина вышла из-за угла. Они и не заметили.

— Вот ты какой, Анатолий, — сказала она. — Мать мне про тебя все рассказала.

— Как ты могла! — возмутился Анатолий.

— Я от тебя защищалась.

— Так я тебя предупреждаю, работорговец, — сказала Марина, звук голоса которой казался Анатолию зовом флейты, — чтобы ты близко ко мне не подходил. И к моим, так сказать, сестренкам, сколько их осталось, — не приближался. Мы вместе соберемся и яйца тебе отрежем!

— Я думаю, что это уже не актуально, — сказала Раиса.

Они пошли к дому, от дома Марина обернулась и сказала:

— Кыш отсюда. Линяй.

Анатолий отыскал еще двух невест. До одной не смог добраться — она уехала отдыхать со своим хахалем. А последнюю отыскал.

Случайно.

Она шла по улице, в платье на просвет — вся фигура видна. Он побежал за ней, тяжело дыша.

Его невеста остановилась и ждала его.

И неясно, может, она уже поговорила с Мариной, а может быть, бредовая теория о том, что клоны могут унаследовать память своей матери-донора, что-то значит... Не знаю. Не скажу. Я описываю только то, что будет.

Она остановилась и ждала его.

А когда он подошел и неуверенно поздоровался, шаря глазами вокруг — не появится ли молодой битюг, она вдруг сказала:

— Толик, утри нос, в соплях запутаешься.

Давным-давно Анатолий слышал эти слова. Из записных книжек Ильфа и Петрова.

— Прости, — сказал Анатолий, — я хотел только напомнить, что я пошел на это ради высокого чувства любви.

— И больше не возникай, старикашка вонючий.

— А если бы я вернулся... если бы я весь ваш городишко купил, с потрохами?

— Купи. Тогда посмотрим.

— Я это сделаю.

— Никогда не сделаешь. Но если бы и сделал, все равно бы ты никого из нас не купил. Мы все, весь клон, — потаскухи, давалки, изменщицы, ради мужика готовые на все... но покупают нас не деньгами. С самого начала надо было понимать.

— А чем? — спросил Анатолий.

Девушка засмеялась.

— Погоди. — Анатолий полез в карман, вытащил горсточку алмазов в газетке. — Вот возьми, это стоит больше вашего города Веревкина.

Но девушка уже уходила прочь, а догнать ее Анатолий не мог, одышка.

Он хотел утопиться, но не решился, потом пошел на станцию, чтобы броситься под поезд, но поезда долго не было.

Его забрали омоновцы. Избили. И он умер в камере, под утро.

Там его нашла Раиса, которая чуяла недоброе.

Она взяла у зятя денег. Его похоронили в Веревкине. На похороны привезли его мать, но она так и не сообразила, кого хоронят.

Девушки, а их в городе осталось шесть или семь, на похороны не пришли, да и не пустили бы их — не такое время, чтобы красивые девушки разгуливали по городу без охраны.

ЧУМА НА ВАШЕ ПОЛЕ !

Махонький муравей волочит сосновую иголку, для него эта ноша солиднее, чем бревно для участников субботника.

Неизмеримы возможности и достижения.

За подвигом должно стоять страстное желание его совершить.

В 1998 году чемпионом мира по футболу стала сборная Франции, которая разгромила в финале великих и непобедимых бразильцев. За спинами французов маячили Фермопилы. Поэтому поражение, столь очевидное для всего трезвого мира, оказалось немыслимым.

Миллионы русских людей, просадившие свои ворованные или заработанные доллары в нелегальных ставках на Бразилию и оставшиеся в дураках, принялись сетовать на то, что бразильцы куплены, а великого Рональдо отравили французские повара.

В аморальной России, где недорого покупается министр юстиции и любая футбольная команда, умоляют: «Купите нас, мы недорого стоим!», никто не верит, что муравей дотащит до дома неподъемную иголку, потому что в этом его муравьиный долг. Ведь мы знаем, что Ильич только подставлял плечо, а бревно на субботнике волокли сытые сотрудники Чрезвычайной комиссии.

Однако всеобщая продажность еще не значит, что в России вовсе нет людей, готовых к подвигу. Был бы стимул.

Так случилось в городе Веревкине, где жила Елена Валентиновна Сидорова, преподавательница физкультуры в школе №2.

Если бы кто-то еще в прошлом году сказал этой скромной миловидной женщине, матери-одиночке, что она своими руками изменит судьбу Земли, она бы первой засмеялась.

Слышали, как Лена смеется? Тихо-тихо, как надтреснутый серебряный колокольчик.

...Но обстоятельства оказались сильнее ее.

Борису, сыну Елены Валентиновны, семнадцать лет. Неизвестно, где он заработал гепатит. Его положили в инфекционную больницу в Туле, и Елена Валентиновна после школы ездила туда на электричке.

Иногда вместе с ней в Тулу ездила Оксана, девочка Бориса, она учится с ним в одном классе. Оксана происходит из бедной семьи армянских беженцев. Беженцы приехали из Чечни.

Чтобы ехать вместе, Елена Валентиновна встречалась с Оксаной у третьего вагона с конца. Между ними не было дружбы и даже теплоты, но Елена Валентиновна отдавала должное Оксане. Ведь в ее возрасте тащиться на электричке в Тулу, привозить скромные дары — Боря сидит на строгой диете, — ждать, пока нянечка вынесет записку с крупно написанными несколькими словами, и снова спешить на вокзал — своего рода подвиг. И наверное, на самом деле Оксана лишь старается казаться грубой, циничной, чуть ли не развратной девушкой.

Два раза Оксана проникала на строго охраняемую территорию. Шепталась о чем-то с охранником и шмыгала в дверцу за его спиной. Она даже предложила Елене Валентиновне присоединиться к ней. Но та, хоть и хотелось посмотреть на Борю, не посмела нарушить порядок и осталась снаружи, сердясь на Оксану, которую не беспокоили морально-этические проблемы.

— Ты ему платишь деньги? — спросила Елена, когда Оксана возвратилась с пластиковым пакетом белья, которое надо постирать, и прочитанными книжками. Все это должно было остаться внутри и сгореть, но Оксану проблемы вирусов не волновали.

Оксана ответила не сразу. Потом сказала, глядя в пол:

— Я ему услуги оказываю.

Лена подумала, что у Оксаны чудесные волосы, жаль только, что она их так жестоко завивает и подкрашивает безумным оранжевым тоном. Она была стройной, крепкой, ладной, чуть более крутобедрой, чем следует в семнадцать лет. Вскоре она раздобреет. Но Боря, конечно, об этом не подозревает.

— Какие услуги? — осторожно спросила Елена.

— Не бойтесь, Елена Валентиновна, не сексуальные, — хрипло ответила девица. — Мне этот козел по фигу.

— Я и не думала, — быстро сказала Елена, и получилось, что она будто только об этом и думала. Лучше было бы промолчать.

Когда они возвращались в электричке, Оксана рассказала Елене, что в заразном отделении всегда требуются наркотики. Их приносят с воли. Но далеко не всегда прямо в отделение, можно попасть под шмон, горя не оберешься. Лучше сговориться с ментом, передать ему дозу, а он тебя пустит. Остальное на себе пронесешь. Некоторые заключенные, в смысле больные, тоже выходят. Но это стоит дороже. Ментам подставляться ни к чему. Такое халявное место где еще найдешь?

— И Боря об этом знает? — спросила Елена.

Она искренне расстраивалась, как тяжко складывается жизнь этой девчушки, которая вынуждена ради Бориса идти на подлые сделки.

— Еще бы, — ответила Оксана.

Тут бы Елене догадаться, но она тщательно заткнула уши и глаза. Она не допускала мысли о том, что ее чис-

тый, домашний мальчик Боря может оказаться одним из этих...

Лена молчала, глядя в окно электрички, и считала пробегающие за окном дачи.

Оксана тоже не спешила продолжить разговор.

Когда поезд уже подъезжал к Веревкину, Елена все-таки задала проклятый вопрос. Вернее, он сам задался:

— А ты... или Боря, вы эту гадость не пробовали?

— Что вы несете, Елена Валентиновна, — сказала девушка. — Ваш Боря уж полгода на игле.

— Ага, — согласилась Елена. — А ты?

— Он и меня посадил. Я знаете чего боюсь? По-честному? Я боюсь, что я уже бациллоноситель и скоро туда же загремлю. Ведь гепатит половым путем передается. Вы знаете?

— Ты думаешь, что это связано?

— Вы про меня не ответили.

— А что я могу ответить? — сказала Елена и быстро, не попрощавшись, поспешила домой. Убежала.

Она хотела обернуться, но не обернулась, потому что была уверена, что Оксана стоит и глядит ей в спину, как матери наркомана... Мать наркомана.

Елена шла к дому, и в ней по очереди возникали слова Оксаны, которые теперь, на расстоянии, приобретали новый, куда более угрожающий смысл.

«Половым путем передается»... Значит, эта девочка совратила Бориса? Уложила его в постель? И они теперь, как говорится в плохих переводах с американского, «занимаются любовью»? Немыслимо! Какая грязь!

«Боря уж полгода на игле»... Она эти слова тоже слышала. В кино. Это означает, что ее сын наркоман. И вернее всего, эта девица не врет. Она его затянула в эту компанию, она приучила его к наркотикам, она заразила его гепатитом — страшной прилипчивой болезнью...

Надо будет посоветоваться с врачом, раз больше не с кем советоваться.

Елена пришла домой, рухнула на диван, словно весь день таскала кирпичи, и забылась — организм таинственным образом сам находил способ погасить беду. Если не погасить, то хотя бы отсрочить. Даже если уже поздно.

Она проспала до заката.

Врач был под боком. Николай.

Николай — бывший муж Елены и отец ребенка, то есть Бориса.

Работает он не врачом, а сотрудником на станции защиты растений. В свое время, несколько лет назад, у него был выбор остаться участковым врачом или заняться квазинаучной работой. Он и занялся.

С тех пор поднялся до заведующего станцией, получает гроши, но счастлив.

На станции есть лаборатория, невесть какая, денег на оборудование не дают, но Николай чего-то выбивает, у него хорошие отношения в области. Когда специалисты разбегаются, начинаешь ценить оставшихся. Благо Николай не стар и даже талантлив. У него есть двадцать с лишним статей в центральных журналах.

В принципе он неплохой человек, но слабый и лишенный самолюбия. Он никогда не защитится и не станет богатым или знаменитым.

Елена Валентиновна разочаровалась в муже на третий год после свадьбы, как раз когда родился Боря. Но, конечно, старалась ничем не показать — терпела. А у Николая были романы с лаборантками и агрономшами в совхозах. Когда Боре было шесть лет, он пришел домой поздно, Елена согрела суп, а Николай, быстро и жадно глотая ложку за ложкой, хвалил суп, а потом признался, что пришел прямо из объятий Верочки, о которой Елена раньше и не слышала. Что он вынужден теперь как чест-

ный человек жениться на Верочке, потому что он обещал это сделать в порыве влюбленности.

Елена собрала в чемодан вещи Николая, у него и не было особенных вещей. Одежда, шахматы с потерянным белым конем, выходные ботинки... Николай молчал, потом стал связывать в стопку самые нужные книги и бумаги. Сказал, что за остальными заедет потом.

Он ушел, и Елена стала себя уговаривать, что все случившееся — к лучшему, так как она давно не любит этого человека. Но было горько.

Недели через две Николай позвонил ей на работу, но не посмел прийти домой. Он сказал, что готов вернуться, потому что ошибся. Елена спросила, правда ли, что Верочка отказала ему. Николай сказал, что жизнь, оказывается, куда более сложная штука, чем представляется ее участникам.

Елена засмеялась, она чувствовала превосходство над мужем и попросила его больше не приходить.

— А как же Боря? — спросил Николай. — Ты лишаешь меня права общаться с сыном? Моя мама этого не переживет.

— Как ты банален! — воскликнула Елена. — Ты когда придешь за остальными книгами и бумагами? А то я замыслила ремонт, давно пора!..

С тех пор прошло десять лет. Они жили рядом. Николай вернулся в квартиру своей мамы. Свекровь приходила посидеть с Борей и помочь, если надо, она была рыхлой, равнодушной, но разговорчивой женщиной. Она обсуждала с Еленой планы, как бы выгодно женить Николая, не понимая, что Елене эти разговоры неприятны. С Николаем они виделись часто, несколько раз на неделе — ведь городок Веревкин невелик, а главная улица, Советская, по которой все ходят, пересекает его, деля пополам.

Два дня после поездки в Тулу Елена провела в таком глубоком упадке сил, в таком нежелании мыслить и

двигаться, что даже не подходила к телефону, хотя ей звонили из школы, да и приятельницы беспокоились, не случилось ли чего плохого с Борей.

На третий день Елена пошла к Николаю.

Он был в одиночестве — все разъехались по отпускам, тем более что платить им было нечем. Даже верной лаборантки не осталось.

Николай оторвался от микроскопа. Он был согнутым, но гибким и, если нужно, вытягивался в струнку. Волосы отросли с весны вдвое и делали его похожим на папуасского вождя — хотелось в эту туго заверченную массу волос сунуть гребень и бедренную кость козленка.

Он узнал Елену по легкой, музыкальной, как кастаньеты, походке и спросил:

— Ты не помнишь, куда я завалил очки? С утра ищу.

— Не лги, мой ангел, — ответила Елена. — Они у тебя в верхнем кармане.

— Садись, — сказал Николай. — Чаю все равно нет.

Елена могла бы ответить достойно, но придумывать остроумный ответ не хотелось.

— Борис попал в больницу, — сказала она.

— Знаю. Мама говорила, — признался Николай. — Я обязательно к нему съезжу. Только вот с деньгами полный зарез. Ему нужны фрукты?

— Ты хоть знаешь, чем он болен? — спросила Елена.

— Да, кстати... — Тут Николай смутился. Запустил пальцы в волосы и стал искать в них козлиную кость. Неловко отцу быть столь нелюбопытным.

— У Бори гепатит, — сообщила Елена голосом прокурора. — Но не в этом дело.

И рассказала о наркомании.

Николай елозил на стуле, словно ждал обвинений: «Как ты мог так игнорировать собственного ребенка, как ты мог упустить его?» Но Елена вдруг заплакала, что ей было не свойственно. Николай впервые увидел, что быв-

шая жена плачет. Он подумал, какая красивая женщина Елена. Она склонила голову, а волосы у нее темно-медного цвета и даже на шее веснушки. И почему она так коротко стрижется? Разве физкультурнице положено носить мальчиковую прическу? Все годы, пока они жили вместе, Николай мечтал о том, чтобы у Лены отросли пышные медные волосы, чтобы можно было гладить их и нюхать. Может, поэтому Николай, обретя одиночество, отпустил такую гриву.

Николай преодолел острое желание обнять Елену и утешить ее поцелуями, потому что понимал — сейчас она все это поймет неверно и решит, что он совсем уж бессердечный сексуальный маньяк.

— Наркомания и гепатит тесно связаны, — сказал он. — Мне приходилось об этом читать.

— Где?

— В газете, где же еще?

— И что же ты предлагаешь?

— А разве я должен что-то предлагать?

— Не могу же я одна с этим справиться.

— Возможно, это не очень серьезно — попробовал и все. С подростками это бывает. Если хочешь, я с ним серьезно поговорю.

Николаю еще ни разу не удавалось серьезно поговорить с Борисом. Борис не считал его настоящим родителем, имеющим право наказывать.

— Узнай, пожалуйста, какие есть от этого лекарства, — попросила Елена. — У тебя же есть связи среди медиков. Наверняка появились новые средства. Может быть, импортные.

— А ты уверена, что Боренька? — спросил Николай вместо того, чтобы ответить на вопрос.

— Чем ты можешь помочь? — спросила Елена.

За немытым окном лаборатории торчали покосившиеся после урагана тополя.

— Я сам с ним поговорю, — сказал Николай.

— Тебя не пустят. Это инфекционное отделение.

— У меня в области каждый второй врач знакомый.

— Тогда достань лекарства.

— Но их же нет, — разумно сказал Николай. — Наркомания лечится усердием близких, силой воли больного, разумным медицинским уходом, а в медикаментозные средства я, прости, Алена, не верю.

— Коля, у тебя же хорошая голова. Придумай что-нибудь.

— Хорошо-хорошо, завтра я еду в Тулу.

Елена ждала на скамейке в больничном саду. Ехали они раздельно. Николай в Туле ночевал — он остановился у своего институтского друга, чтобы уже с вечера обзванивать знакомых. Елена приехала ранней, набитой народом электричкой.

Николай сразу прошел внутрь, а о Елене не подумал. Она и не обижалась, но страшно хотела хотя бы поглядеть на Борю.

Два парня подозрительного вида стояли за кустами, у анатомички. К ним подошел милиционер. Елена ненавидела их. Она знала, что дозы, которые переходят к охранникам, предназначены и ее мальчику.

Раньше она никогда бы не посмела, да и не позволила себе вмешаться. Но сейчас она защищала сына.

Она поднялась со скамейки и пошла к троице.

При виде приближающейся женщины собеседники прервали разговор. Обернулись к Елене. Как оборачивается стадо гиен, когда посторонний прерывает пир у трупа. Милиционер был туп и грузен, один из курьеров (она называла их для себя по-газетному, курьерами) — просто громила со скошенным подбородком и симметрично скошенным черепом. Третий был куда значительнее, может, даже привлекателен, если бы не рыжие глаза. Злые

глаза. Тигриные глаза. А остальное из плохого американского фильма — выправка, плечи, обтянутые футболкой, чтобы окружающие бабы могли полюбоваться мышцами, узкие бедра, обтянутые джинсами. Наверное, голубой, подумала Елена.

— Ты чего? — спросил мент.

— У меня там лежит мальчик, — сказала Елена. Она не хотела ничего говорить, даже подходить к ним, разумеется, не хотела. Но все происходило помимо ее желания. Нервы разыгрались.

— Ну и лежит, — сказал мент.

— Он наркоман, — сказала Елена. — И я знаю, что туда приносят наркотики. И если вы с этим связаны, то должны понять, насколько это бесчеловечно.

— И что? — спросил милиционер. — Что?

— Я надеюсь, что вы к этому не причастны. Но если это не так...

— Гражданка, шли бы вы отсюда, — сказал милиционер.

— Психованная, — сказал Скошенный подбородок.

— В конце концов, должна же быть на вас управа, — сказала Елена. — Не может быть, чтобы вас не запретили.

Тигриный глаз чуть сощурился. Был он опасен. Но не рычал и кинуться не собирался. Пока.

Елена почувствовала свою беззащитность. Никого близко, будешь кричать — никто не обратит внимания. Теперь многие кричат вслух.

Мент присвистнул и пошел прочь, размахивая дубинкой.

— Что здесь происходит? — Николай окликнул издали, почуяв неладное.

Елена кинула на него взгляд, а когда обернулась вновь к тигроглазому бандиту, тот уже уходил. Он шел впереди, спина у него была прямая, как у балетного мальчика,

Скошенный подбородок ковылял сзади, он был так широк, что скрывал товарища.

— Что они говорили? — спросил Николай. — Ты зачем к ним подошла? Или они к тебе подошли?

— Ничего, ничего, я уже забыла, — сказала Елена. И в самом деле уже забыла. — Что с Борей, ты его видел?

— Я его видел, — ответил Николай. — Пошли, сядем на скамеечку.

У него была манера давать предметам уменьшительные названия.

— Тебе постричься надо. — Елена не выдержала долгой паузы.

— Не понравился мне Боречка, похудел, понимаешь, — сказал Николай. — Но в целом держится. Ослаб, конечно, но держится.

— Когда его выпустят?

— Пока не сказали.

— Но что о перспективах?

— Подлечат. Сначала подлечат, а потом сдадут тебе. Тогда придется нелегко.

— Ты знаешь, что в отделение проникают наркотики?

— Не может быть!

— Разве твои знакомые врачи не знают?

— Знают, — проговорился Николай.

— Я вот с ними сейчас разговаривала.

— Нет, там был милиционер, я видел.

— Кто-то должен передавать.

Николай дернул себя за тугой локон.

— По крайней мере, — сказал он, — будут получше ухаживать. Получше... что бы они мне ни обещали, я понимаю: у них нет возможностей лечить Борю отдельно от других. Ну какие, скажи, у них возможности?

— А что с лекарствами?

— Я спишусь кое с кем. Спишусь. Завтра же.

Они ехали обратно в пустой электричке. К сожалению, верхние, опускающиеся половинки окон были сломаны, заклинились, и воздух в вагон не попадал, зато его сильно накаляло солнце.

Николай рассказывал о том, как болеет его мамочка. Потом вдруг спросил, положив пальцы на ее кисть, не лучше ли теперь, когда так трудно, когда такая беда с Борей, не лучше ли снова объединиться. Вместе жить лучше. Тем более когда Боря...

— Это шантаж, — сказала Лена.

— Это потому что мне без тебя скучно, — сказал Николай.

— Сначала надо поставить на ноги Бориса.

— А потом поговорим?

— Ты как ребенок, Николай.

— Может быть. Сегодня же займусь маком.

— Почему маком?

— Героин — производное от макового сока. Есть цепочка: мак — опиум — героин. Я плохой химик, но стал неплохим ботаником.

— Конечно, — согласилась Елена, которой хотелось верить в возможности бывшего мужа. — Не исключено, что есть лекарства, просто никто не задумывался.

— Должны быть.

— Как гомеопатия, правда? Ты берешь капельку героина и потом выбиваешь ею болезнь.

— Даже самая маленькая капелька героина работает как наркотик, — возразил Николай. — Боюсь, что твой путь бесперспективен.

— Но еще важнее, — сказала Лена, — найти какие-то зарубежные лекарства.

— Я постараюсь.

Лене стало легче. Значительно легче. Теперь она была не одна. Можно кому-то поплакать в жилетку, не стыдясь того, что произошло в семье. Правда же, в семье?

Николай проводил Лену до дома. Потянулся поцеловать в щеку, Лена отстранилась. Ей показалось, что кто-то может заметить.

Николай вел себя достойно. Съездил в Москву, поговорил с какими-то людьми, сказал по приезде, что сам будет лечить ребенка. Лене хотелось верить, что теперь все образуется.

Бориса выписали из больницы под честное слово родителей. Он был слабый, вялый, даже физически так ослаб, что не смог нарубить дров, когда его попросила соседка с первого этажа. Елена накинулась на соседку, чуть не кричала: ребенок только что после заболевания, такого тяжелого, что некоторые умирают, — ему нельзя напрягаться.

Соседка хоть и стерва, смешалась, забормотала, даже кончик носа покраснел.

Оксана пришла на второй день, они с Борисом долго сидели на диване перед телевизором и о чем-то шептались. Елена была полна подозрений, ей казалось, что девушка пытается незаметно подсунуть Борису какое-то зелье.

Вечером кто-то звал с улицы, из кустов, чтобы Боря вышел.

— Кто это? — спросила Елена.

— Я им бабки должен, — сказал равнодушно Борис. — Они меня достают.

Елена сразу догадалась, что бабки — это деньги, она была к этому готова. Она знала, что наркомафия именно так затягивает в свои сети простаков. Сначала — бесплатно, а потом все глубже и глубже ты тонешь в долгах.

— И сколько ты им должен?

— Не знаю.

— Ты не можешь не знать.

— Честно, мам, не знаю.

— Но приблизительно?

— Они все равно давали.

— А теперь?

— Оксана с ними поговорит.

— Ты не боишься за свою девушку?

— Чего за нее бояться? Ты не знаешь, кто ее брат!

— Кто же?

— Так я тебе и сказал.

— Ты дурак, Борька, — сказала Лена. — Ведь мне все равно придется самой за тебя расплачиваться.

— Я пойду работать, — сказал Борис. — Меня звали. Охранником.

— И кого же ты будешь охранять?

— Кого надо.

— А если тебя ветром сдует?

— Помолчи, ма, ты все равно не понимаешь.

— Куда уж мне.

Борис лег, свернулся калачиком, носом к стене. Его колотила дрожь.

Лена была на кухне, готовила ему диетическую кашу, когда сын постарался незаметно уйти из дома. Она оттащила его за рукав от двери — она стала куда сильнее его и страх за мальчика удваивал ее силы. Не рассчитав усилия, она так дернула его, что Борис потерял равновесие и ударился спиной о вешалку. И заныл, что было ему не свойственно.

— Ты чего? Размахалась!

Лена его не стала жалеть, даже не помогла подняться — была зла.

— Физкультурник, — сказала она, — метр восемьдесят в высоту! Вы на него посмотрите!

У них с сыном был свой, легкий, подчеркнуто ироничный, игривый тон общения, так бывает у одинокой матери с единственным сыном. Мать как бы играет в старшую сестру, а то и в отца-братишку. Дружит с приятелями, усиленно и даже настырно влезает в их дела,

особенно в сексуальные. Но матери не очевидно то, что понятно подросткам: она чужая на их пиру.

И вдруг в одночасье этот тон исчез — он больше не был нужен. Пришла пора выяснить отношения и определить, кто вожак, а кто хроменький аутсайдер.

Той ночью он убежал из дома — со второго этажа выпрыгнул, хорошо еще ногу не сломал. А вот обратно под утро попросился — не лезть же наверх.

Лена сидела у окна и видела, как Борька возвращается домой — уверенно, как здоровый.

Но она знала, что это не Борька, это его болезнь, это нажравшийся наркотиками зверь, который сидит в сыне и грызет его. И пока не сожрет, не успокоится. Или пока не кончатся все наркотики на Земле.

Она открыла дверь — он сжался, думал, будет бить.

А Елена спросила с интересом, будто всю ночь ждала задать именно этот вопрос:

— А ты чем колешься?

— Тш-ш-ш, — испугался Борис. На лестничную клетку выходили еще две квартиры. Борис охранял честь дома.

— Заходи, — сказала Лена. — Сейчас горячего чайку выпьем, а то я уже спать расхотела, пока тебя ждала.

— Я не хочу чаю, — сказал Борис.

— И не думай — ночь какая холодная! Тебе еще не хватало воспаления легких! Тогда ты точно загнешься.

Елена надеялась, что на рассвете, когда ты с сыном совсем одна во всем мире, он будет открыт для нее, искренен. Ей не справиться с чудовищем, если Боренька не поможет.

Но Борька сказал, что хочет спать. Признался, что колется героином, но потом заскучал, стал заговариваться и ушел. Это очень страшно — видеть, как бормочет твой сыночек, уходя в свой закрытый, больной мир непонятных образов.

На следующую ночь Боренька снова убежал.

Елена видела, как он это сделал, но не стала его останавливать. Она решила выследить его. Заранее надела кроссовки и джинсы.

Боря шел не оглядываясь, он не боялся погони. Он мерз, переходил порой на трусцу, но ему было тяжело бежать, и он снова шел, согнувшись и прижимая кулачки к груди.

Он дошел до кафе «Свежий ветер» — «Открыто круглосуточно 24 часа».

Он прошел внутрь, сонный мужик у входа знал его — впрочем, не так много встретишь незнакомцев в Веревкине.

Окна в кафе были зашторены, Лена подошла к двери.

— Тебе куда? — спросил мужик. Было темно, мужик, видно, принял ее за девицу, из приезжих. Порой на каникулы сюда присылают детей из больших городов к бабушкам. Воздух в Веревкине пока еще деревенский.

— Я в кафе, — сказала Елена.

Мужик перекрыл дверь длинной рукой. В полумраке видно было, как блестит золото его зубов.

— Я сказал же, — ответил мужик лениво. Он не желал ей вреда, но пускать незнакомую бабу не хотел.

— Пропустите, — сказала Елена настойчиво.

Он так ее и не узнал, а Елена его узнала — он учился в ее школе, два раза приходил в секцию по самбо, которую она вела когда-то в районном Доме пионеров. Только Лена забыла, как его зовут — он оказался неспособным, ленивым и боялся падать. В спорте мало перспектив у тех, кто боится падать.

Елена протянула руку, чтобы отстранить его, и страж ворот схватил ее за руку, чтобы отбросить, забыв, что у спортсмена — две руки. И две ноги.

Страж грохнулся о землю. Тяжело грохнулся, тем более что владельцы кафе для красоты выложили квадрат перед дверью керамической плиткой.

Елена вошла в кафе.

И тут же увидела Борю.

Он сидел за столом. Напротив — тот, Скошенный, которого Лена видела в Туле. Скошенный как раз двинул ладонью какой-то белый пакетик.

Лена шагнула к столику и тут же увидела старшего, с тигриными глазами. Он стоял у бара и смотрел на нее.

Она шла сюда, чтобы поговорить с теми, кто снабжает Борю отравой, поговорить, может, убедить их в чем-то, может, откупиться.

Но неожиданно для себя она не совладала с рефлексом защиты ребенка.

Она кинулась к столику.

От соседних столов, утопавших в полутьме, оборачивались к ней бледные круги лиц.

Прежде чем Боря и его спутник ее увидели, Лена сбросила пакетик на пол.

Боря кинулся под стол и пропал — он ползал там, в темноте, разыскивая драгоценный пакетик.

— Ну ты... — зарычал Скошенный подбородок. — Да я тебя...

Он был настолько страшен, что Лена отступила и почувствовала угрозу сзади. Сделала шаг в сторону, кинула взгляд назад — там стоял обиженный ею охранник, что сторожил вход.

Бессмысленно было взывать к рыцарским чувствам: сейчас им все равно — бабушка ты, мужик или цветочек. Растопчут.

Но нельзя уходить без Бори.

Решения не было. Выхода не было.

И тут пришел Тигриный глаз.

— Бери своего мальчишку, — сказал он.

Лена хотела сказать спасибо, но поняла — не место и не время. Тигриный глаз не хочет опасного для заведения скандала. А вдруг ее прибьют?

Это она все поняла и продумала потом, когда шла домой.

А сейчас послушалась бандита — благо Боря как раз вылез из-под стола и старался выпрямиться. Она тащила его за сжатый кулак — в кулаке был пакетик.

Тигриный глаз шел сзади.

Оркестр молчал, в зале царил шорох голосов.

Она опомнилась на улице. Тигриный глаз сказал:

— Уходи. А то я не ручаюсь.

Они с Борей быстро пошли прочь. Она выцарапывала на ходу пакет с наркотиком. Боря выдергивал руку — словно он был малышом, а в руке — конфетка.

— Разве ты не понимаешь, что я хочу тебя спасти? — Она пыталась достучаться до его заледеневшего сердца. Как звали того мальчика у Андерсена? Снежная королева остудила его сердце. Господи, какая это была страшная сказка. Лена так и не дочитала ее до счастливого конца. Она не поверила в торжество добра и справедливости.

— А может, я хочу откинуть копыта? — кричал Боря. — Что ты понимаешь? Всю жизнь прожила как положено, от сих до сих, спать, жрать, с отцом трахаться... вот и вытрахала меня!

— Борис, как ты смеешь так говорить?

— Смею. Я за чертой, — сказал сын. — Я там, а ты среди благовоспитанных... вы тоже наркоманы, вы все наркоманы обыкновенной жизни!

— Это не твои слова. Это тебе сказали.

— Мало ли чьи слова?

— Если с тобой что-нибудь случится, я их всех убью. Ты понял — я их убью.

— Ну и что? Встанут новые бойцы. Ты в школе училась? У нас историчка — коммуняка. Она говорит, что Ильич пошел другим путем. А почему, знаешь?

— Почему? — глупо спросила Лена.

— Потому что индивидуальный террор, который так любил его братик Саша, ни к чему не вел. Ты убьешь плохого губернатора, пришлют другого губернатора, еще похуже прежнего.

— По крайней мере у тебя голова еще работает, — сказала Лена.

— Некоторое время... — Боря попытался улыбнуться. На улице было совсем темно, многие фонари разбиты, они шли так, как будто просто припозднились из гостей. Дул несильный прохладный ветер. Лето кончилось. Ночью Боре было плохо. Это была не ломка — он принял дозу недавно, просто организм отказывался от ядов, которые в нем накопились.

Лена почти не спала.

Утром пришел бодрый, пышущий здоровьем Николай.

Вместо того чтобы поздороваться, он с порога сообщил:

— Я нашел Мирошниченко, Сашеньку. Ты его не помнишь?

— Заходи.

Утро было туманным, серым, влага вползала в открытую дверь. Николай был без пиджака, в одной ковбойке. Он не признавал перемен в погоде.

— Боря спит? — спросил Николай.

Он прошел на кухню, сел за стол и стал водить ладонью по клеенке. Когда-то, тысячу лет назад, он сам купил эту клеенку дикой расцветки.

— Значит, так, — сказал Николай. — Они работают септорией каннабина. Я потому и вспомнил, что читал ссылки на его статью.

— Тебе чаю поставить?

— Нет, я пил. Но от кофе не откажусь.

— Кофе нет. Не купила.

— Нет проблем. Значит, Саша работает над септорией, а американцы узнали — у них тоже проблемы, а у нас

финансирования не хватает. Они ему долларов подкинули. Мне бы на сорняки подкинули, а?

— Не шуми, Борю разбудишь.

— В его возрасте я спал, невзирая на шумы. А помнишь, как моя мама отца колотила?

— И что же стал делать твой друг Саша?

— Они теперь перешли на другой грибок. Перспективы умопомрачительные!

— Николай!

— Перехожу к переводу на язык толпы. — Николай засмеялся собственной шутке. — Потерпи, мой Леночек, все поймешь, несмотря на твое физкультурное образование. Итак, септории могут угнетать отдельные виды растений. Мы заражаем грибком плантации, и растения определенного вида теряют способность к фотосинтезу. Они угнетены, они погибают.

— То есть если посыпать этим грибком наркотики, они погибнут?

— Ты не совсем поняла. Мы должны отыскать посевы опиумного мака, внедрить там культуру грибка...

Из своей комнатки вышел Боря, он не удивился, что блудный отец сидит с утра на кухне и мирно беседует с мамой, его мутило, он прошел в туалет.

— Он плохо выглядит, — сообщил Николай Елене.

— Ты прав, — сказала Елена, но Николай не уловил иронии.

— Ему надо больше заниматься спортом... или хотя бы быть на свежем воздухе. Ты совсем не потрясена моим рассказом.

— Не потрясена.

— Это же принципиальный прорыв. Мы покончим со всей этой заразой!

— Мы?

— Сашка сказал, что я могу перейти к нему в лабораторию фитопатологии. Понимаешь, мы с ним в одной системе. Мне дадут койку в общаге...

— Ты уедешь из Веревкина?

— Это настоящее дело! Мы не будем бегать за каждым наркоманом в отдельности...

Каждый наркоман в отдельности в лице его сына Бори стоял в дверях кухни, был он зеленоватого цвета и чуть шатался.

— Пустое дело, — сказал он. — Ты не представляешь, как они организованы. У них все схвачено, даже в правительстве свои люди.

Николай удивился:

— Ты откуда знаешь?

— Странно, что ты не знаешь, — вмешалась в разговор Лена. — Открой любую газету.

— Ох уж эта пресса, — сказал Николай, хотя никакого вреда от прессы не испытывал. Как мама считала, так он и озвучивал.

— Лучше что-то делать, чем ждать. — Лена перешла на сторону мужа.

— Возьмитесь за руки, друзья, — сказал Борис и поплелся к себе.

Николай попрощался, радостный. Даже сказал:

— Пожалуй, нам с тобой лучше жить вместе, мы подходим друг другу.

— Тебе многие подходят, — возразила Лена.

Когда она вышла в магазин, на десять минут, Борис сбежал.

Лена знала, где его искать. Она схватила зонтик — на улице разошелся холодный мелкий дождик — и побежала к кафе «Свежий ветер». Название звучало саркастически. На этот раз охранник ее узнал.

— Елена Валентиновна, — сказал он, завидя ее, — нечего вам у нас делать.

— Ты же знаешь, Буреев, — ответила Лена.

— Сейчас многие на это попадаются, — сказал Буреев.

— Так хорошо учился, — сказала Лена. — Даже жалко. — Не помнила она, как учился Буреев. Вернее всего плохо.

— Это вы меня заразили, — сказал Буреев, который даже маленьким мальчиком был серьезен. — Привили любовь к спорту. Теперь так и живу: сила есть, ума не надо.

— А то бы уже кандидатскую защищал, — съязвила Лена.

— Вы не заходите, я вам его выведу, — сказал Буреев.

Лена подчинилась. Да и страшно было заходить. Она боялась Скошенного подбородка и еще более боялась Тигриного глаза.

Боря вышел не один. За ним, в двух шагах, шагал мужчина с тигриными глазами, главный подлец.

— Здравствуйте, Елена Валентиновна, — сказал он, — мне жаль, что так получилось. Но я не могу быть нянькой вашему парню. Другие в его возрасте деньги зарабатывают, а он у вас паразит.

«Наверное, он хочет, чтобы я устроила здесь сцену, все будут смотреть и издеваться».

— Пойдем, мама. — Боря потянул ее за рукав.

— Я обещаю, что буду гнать его, — сказал Тигриный глаз.

Он смотрел на Лену странно, если бы не предмет беседы, она бы решила, что нежно. Что он хочет ей понравиться.

— Но такие лезут в окно, если их гонят в дверь.

— Ма, ну пошли. — Боря вел себя как капризный ребенок.

Они пошли прочь. Буреев вежливо попрощался, но Лена не услышала.

— Я тебя увезу, — сказала она.

— Что ты, мама. — Боря успокаивал ее. — Куда ты меня увезешь? Они же везде. И я их буду искать. Мне больше ничего не надо.

— Но так быть не может! Ты же разумный человек! Я тебя воспитывала.

— Не в твоем воспитании дело, — сказал Борис. — Если хочешь, можешь меня убить, но тебе не будет легче, я тебе обещаю.

Лена невольно улыбнулась.

Они пили чай, Лена понимала, что ей надо возвращаться в школу. Но если она вернется, то Борис останется без присмотра — для него это смерть. Но и не выходить на работу нельзя — дома нет никаких сбережений. Она нарочно не заглядывала в свою маленькую шкатулку, где были все ее драгоценности — обручальное кольцо, которое она не носила, расставшись с Николаем, мамины колечки, подарок Николая — брошка из янтаря, в ней-то и золота — кот наплакал. И наследства ей не досталось. Никакого наследства.

Пришел Николай. Оказывается, он и в самом деле уезжал в Москву.

Лена расстроилась. Сама вроде подтолкнула Николая к этому шагу. Но до этого у нее был хотя бы один, хотя бы бестолковый, но союзник. А теперь она осталась совсем одна.

Николай принес фотографии.

Фотографии были крупные, двадцать на пятнадцать, цветные.

На четных — посевы наркотиков до обработки грибком, на нечетных отпечатках — результаты деятельности грибка.

На первых фотографиях были зеленые поля, обрызганные алой кровью — мелкими капельками крови. Это были, как догадалась Лена, цветы мака.

Растительность на нечетных снимках была бурой, выгоревшей, но не вся. Трава, которая росла в междурядьях, осталась зеленой.

Николай все не верил, что Борис с Леной до конца прониклись важностью открытия.

— А он не боится? — спросил Борис.

— Чего ему бояться?

— Ты не представляешь, папа, какие у них связи. В наши дни человека заказать — как поле перейти — бирюльки... А что такое бирюльки, папа?

— Не знаю, — сказал Николай. — Но нас не запугаешь.

— Вас никто не пугает, — сказал Борис.

И ушел спать. Он был слабеньким, и начиналась ломка. Хоть бы заснул.

Николай ушел, оставил фотографии Лене, наверное, чтобы смотрела и радовалась. Она смотрела. На обороте фотографий было написано, когда и где сняты. Лена дочитала географический атлас, стала искать по списку населенных пунктов, но, видно, это были небольшие населенные пункты, и она ничего не нашла.

Она долго не спала, ей все казалось, что Боря тихонько поднялся и уходит из дома, но потом она поняла, что сейчас, ночью, он никого не найдет, и стала думать, как прожить без работы — так ведь с голоду помрешь. Жаль, что в Веревкине нет панели. Вышла бы на панель улицы Советской или площади Ленина — сразу не переименовали, теперь только попробуй! И мужики будут ходить мимо и говорить: «А это наша учительница физкультуры, у нее мой младшенький учится гимнастике. Может, скинемся на двоих?» Мысли показались самой такими грязными, что она заснула, только чтобы не думать.

Утром проспала. Ни Бори, ни фотографий.

Боря скоро пришел, глаза больные, насосался.

— Ты зачем фотографии взял? Они же отцу нужны!

— Мам, мне же никто в долг не дает, — признался Боря. — Я подумал, а вдруг за фотки дозу заколочу?

— Идиот! Они нужны отцу для работы! Для того чтобы всю эту гадость истребить.

— Мама, это же не гадость, это радость жизни. — Он был разговорчив, сел на кухне, пить-есть не стал, стал рассуждать о том, как окончит школу и пойдет сразу в бизнес.

Пора заниматься делом.

Он верил чепухе, которую нес.

— Кому ты отдал?

— Аскольд взял, сказал, ему интересно.

— Кто такой Аскольд?

У Бори голубые глаза, а теперь они потеряли яркость и стали цвета неба с молоком. Он никак не может сфокусировать взгляд.

— Аскольд? — Боря с трудом вспоминает. — Таинственный человек, не из Веревкина, отдыхает у нас, отсиживается. Авторитет.

— Для кого он авторитет? — Лена уже догадалась, что Боря имеет в виду Тигриного человека.

— Ты не понимаешь, мама. — Боря пытался улыбнуться, но щеки его не послушались, словно у него во рту заморозка после зубного врача. — Авторитет — это значит в законе. Вор в законе.

— Он вор?

— Не обязательно вор. Авторитет может быть разный...

— И торговец наркотиками?

— И торговец, я спать пойду.

Все, из Бори выпустили воздух.

Вряд ли эти фотографии кому нужны. Но зачем этот Тигриный глаз привязался к Боре?

Днем она все-таки вышла в магазин, нельзя же совсем без продуктов сидеть. В гастрономе встретила Буреева. Вне кафе он был благообразен.

Лена спросила его, кто такой Аскольд.

— Один из этих, — ответил Буреев. — А что?

— Я его знаю?

— У него вид уголовный. Глаза — как у моего Васьки. — Буреев засмеялся.

Значит, это Тигриный глаз.

Николай зашел во второй половине дня. Попрощаться. Он принес пятьдесят долларов. Больше у него не было. И на том спасибо. Он сказал, что сразу позвонит и, как что узнает, сообщит. Потом сказал:

— Погляди в окно, только занавеску не двигай. — За окном, разговаривая и вроде бы не глядя на дом, стояли Скошенный подбородок и еще один, молодой парнишка.

— Что им от меня нужно? — спросил Николай.

— Это опасные люди, — сказала Лена.

— Преступник. Я читал, профессиональный преступник, авторитет в уголовном мире.

Лена хотела сказать о фотографиях, но испугалась, что Николай рассердится. И за дело. А так пропали фотографии — и пропали.

Потом пожалела.

— Наверное, они за Борисом следят, — сказала она. — Но ты осторожно ходи по улице. И сразу мне позвони, хорошо?

Николай уехал.

Вечером позвонил из Москвы, что доехал нормально. Устроился, начинает работать. Завтра.

— А этих... этих не видел?

— Не знаю, — сказал Николай. — Может быть, я их видел, а может, и нет. Я, честно говоря, забыл.

* * *

Деньги разлетелись за два дня. Наступил учебный год.

Лена пошла к директору школы и попросила месяц за свой счет.

— Ты с ума сошла! — завопил директор. — Где я в сентябре нового физкультурника возьму? Кто за такие гроши будет вкалывать? Может, ты другое место нашла? Но учти, я все равно прибавить не могу.

— Я не нашла другого места, у меня мальчик гепатитом болен, нужна диетическая пища, я его кормлю. Он слабый.

— Ах, эти матери-одиночки, — сказал директор. — Ничего с твоим оболтусом не случится.

Он дал в конце концов этот месяц. Даже предложил одолжить немного, из своих. Лена отказалась и чуть не заплакала. Не ожидала хорошего, тем более сейчас, когда готова была к обидам и несправедливости — ведь мир уже был к ней несправедлив: растить одной мальчика, во всем себе отказывать, и теперь мальчик обречен... *не смей так говорить, даже думать не смей!*

Она теперь куда меньше встречалась и говорила с людьми, даже делала вид, что не заметила того или иного человека. А это нелегко в небольшом городе, особенно если ты несколько лет проработала в школе. Но вскоре люди и сами перестали подходить к Лене — может, они знают, что Борис наркоман? В этом нет ничего удивительного. Кафе «Свежий ветер» для всех известный притон. *Только ты, Елена, этого не замечала.*

Она уже понимала, что потерпела поражение. Не вытянуть ей Борю. Если она будет вот так гоняться за ним, выслеживать, станет посмешищем в городе, а мальчика не спасет.

Она снова пошла в «Свежий ветер», попросила Буреева вызвать Аскольда.

— Аскольд, — сказала она, когда тот вышел, на ее маленькую радость — быстро, не заставил ждать на ветру, на улице, где могли пройти мимо знакомые.

— У нас проблемы? — спросил Аскольд. Он всегда улыбался, как будто издевался над собеседником.

— Мне больше не к кому обратиться, — сказала она.

— Вы обращались к бывшему мужу, — ответил Аскольд. Он завел ее в комнату администратора. Там было душно и тесно, толстый человек, которого Лене приходилось встречать на улице, тут же вышел.

— Но это как бы в перспективе, — сказала Лена. — Вы же понимаете, что те исследования Боре не помогут.

— А вот разбрасывать такие документы не следует — Боря отдал их чужому человеку. Они прошли мимо меня, — ответил Аскольд. — Пить будете?

Он открыл ящик колченого письменного стола и вытащил из него плоскую бутылку джина. Когда Лена была еще совсем молоденькой, она с юношеской сборной летала в Белград на первенство Европы. Тогда по самолету ездила тележка, и в ней были валютные товары. В том числе вот такие бутылки. Лене тогда больше хотелось духов, но у нее не было валюты, хоть у тренеров и руководителей делегации была валюта и у некоторых спортсменов, которые не в первый раз, тоже была — они вывозили наши товары, икру, например, и в гостинице продавали. Лена дальше юношеской сборной не пошла — надо было начинать всерьез принимать гормоны, а мать взъерепенилась: не хочу дочку делать уродом! Лена получила мастера, но выше не поднялась. И не пускали, и конкуренция была жесткая, а ее тянуло в многоборье, у нее были международные результаты. А кончила она школьной учительницей, правда, с дипломом Московского института физкультуры.

— Задумались? — спросил Аскольд.

Он разлил джин в высокие бокалы, подвинул по столу бокал Лене.

— У нас без церемоний, — сказал он, — льда и тоника не предлагаю.

— Спасибо, не надо.

— Уже нолито, — сказал Аскольд.

Елена выпила вместе с этим бандитом. Куда денешься? Он — последняя надежда. По крайней мере он может больше, чем муж Николай.

— Вы надеетесь, что я возьму вашего сынка и вытяну за уши, — сказал Аскольд, отпивая джин маленькими глотками — какая гадость!

Елена кивнула. «Надеюсь».

— Если я вытяну его сегодня, то завтра его затянут другие, потому что он сам не хочет завязывать. И не мотайте головой — я с ним разговаривал. Он уже — тряпка, он уже кончился. Вам трудно к этому привыкнуть, вам невозможно с этим смириться. — Аскольд говорил правильно, даже книжно, но слишком сухо и казенно. Как очень образованный робот. Хотя Лене не приходилось разговаривать с образованным роботом. — Я теряю на вас время, которое мне никто не возместит, — продолжал Аскольд, не глядя на Лену, словно ее и не было уже. — Потому что вы мне нравитесь. Я хотел бы... в общем, хотел бы спать с вами. Да не вскакивайте. Я не сказал ничего оскорбительного. Одинокой женщине должно льстить внимание мужчины.

— Но уж не такого, как вы! — Лена поднялась и пошла прочь. Аскольд не окликнул ее, хотя уже через десять шагов она раскаивалась в своем поступке, но не могла остановиться и вернуться, потому что этим признавалась бы в правоте Аскольда и в том, что она в душе панельная девка, потому что ночами изводится от желания быть с мужчиной, и вернее всего с таким, как этот Аскольд.

Теперь не на кого было надеяться.

Но в жизни бывает так: ты стремишься, борешься, добиваешься, а следует выждать. Чаще всего следует выждать, потому что события сами находят свой единственно возможный путь — суетись ты или нет. Мудрецы тем и отличались от обычных людей, что умели терпеть. Терпеть и ждать, когда хочется броситься вприпрыжку.

После неприятного разговора с Аскольдом Елена старалась не выходить вечером на улицу, а с Борисом она стала излишне строга и резка и даже однажды его ударила. Не пощечину отвесила, как делают в драматических кинофильмах, а сильно ткнула кулаком в лицо, расквасила нос, и Борис плакал, потому что был слабее ее и слабее того демона, что сидел внутри него и требовал отравы.

Так прошло три полуголодных, несчастных, безвыходных дня.

А потом пришла телеграмма от Николая. В телеграмме тот коротко написал:

> Блестящие результаты. Трепещите наркобароны. Терпи. Немало времени пройдет пока получим разрешения и так далее. Пока заначка. Воскресенье буду жди. Николай. Нобелевская премия кармане.

Телеграмма была бестолковой, как сам Николай, но Лену она не обрадовала. Чему радоваться? Где-то придумали средство уничтожать маковые посевы. Через пять лет первый самолет поднимется в воздух над опытным хозяйством. А Бори уже не будет. Она знала, что Бори уже не будет.

Конечно, можно утешать себя, что какие-то другие матери будут счастливы. А может, и не останется уже счастливых матерей.

Телеграмму она спрятала от Бори — мало ли кому он ее отдаст за дозу? Лена не представляла себе, как некто

злобный сможет использовать слова Николая, но если Аскольд об этом говорил, лучше подстраховаться.

Лена заглянула в Борину комнату. Сын спал. Свернулся калачиком. Спрятался. Даже во сне.

Лена взяла с собой оставшееся от мамы кольцо с аквамарином. Берегла как семейную реликвию. Положено было передать кольцо по наследству невесте после Бориной свадьбы. Теперь самое время наступило кольцу принести пользу. Лена знала, кому отдаст кольцо — ее бывшая соученица его уже много лет выпрашивала, за любые деньги. А теперь она разбогатела, замужем за хозяином веревкинской бензоколонки.

Она прошла всего сто метров, как увидела почтальоншу Александру Ивановну. Александра Ивановна была глупой женщиной без возраста, которая страшно гордилась тем, что исполняет важную работу. Наверное, она единственная во всем городке гордилась своей работой.

— Елена, стой! — сказала она с самоуверенностью идиотки. — Тебя сегодня посланиями завалили. Я прочла, удивилась. Тебя окружают эти самые, правильно?

— Правильно, — тихо ответила Елена.

— Наркобароны! — вспомнила Александра Ивановна. По другой стороне шел директор школы — ну зачем ему ходить по улицам в такое время?

— А ты не беги, не беги, — сказала почтальонша. — Продолжение следует. Распишись-подвинься.

Елена расписалаоь в растрепанной книжке. Директор, кивая, отправился дальше. Конечно, он все знает про Борю, наверное, в городе уже все знают.

Почтальонша стояла рядом и ждала, когда Елена прочтет телеграмму, но Елена медлила.

— Ты читай, читай, — сказала почтальонша. — Я все равно уже прочла. И на почте, сама понимаешь, тоже люди. Все читали.

— «Приезжай немедленно, — прочла вслух Елена. — Случилась беда. Тамара».

— Ну вот, видишь, — сказала Александра Ивановна. — Что значит связываться с ними.

— С кем?

— Откуда телеграмма? Из того же отделения, что и первая, — мне Алла сказала, она все сечет.

— А кто такая Тамара? — спросила Елена.

— Ну вот, и не знает, — сказала почтальонша. — Полюбовница наша.

— Наша?

— Николая твоего, значит, наша, — сказала Александра Ивановна и быстро пошла прочь, словно заглянула в глаза Елене и испугалась.

А Елена поняла: Тамара — это не любовница, а жена Колиного коллеги, к которому он уехал работать. Они когда-то встречались, даже ходили вместе в поход на байдарках. Тамара...

Лена быстро пошла дальше. Надо вести себя так, чтобы никто не подумал. Хотя все подумают. Все.

К счастью, Клава была дома, лелеяла свои ногти. Смотрела в них, как в зеркало, хотя с ее данными — что смотри, что нет, лучше не станет. Но чем-то она пленяла крепких глупых мужиков. Клава открыла дверь, не выпуская из руки пилки, и сразу поспешила обратно в гостиную, густо уставленную полированными предметами. Она не предложила Лене сесть, а сказала:

— Показывай кольцо.

— А ты как догадалась? — спросила Лена.

— Еще бы не догадаться. Без крайней нужды разве бы ты опустилась до моего ничтожества?

— Зачем ты так...

— Плох Борис? Знаю, что плох. Все знают, только ты зря от близких людей скрываешь. Тебе за излишнюю гордость, Ленка, наказание от Бога.

— Клава...

— Я теперь стала крайне религиозна. В этом есть душевное спасение. Я всегда за моего молюсь — он на разборке, а я молюсь. Помогает. Хочешь, за твоего помолюсь?

— Спасибо. — Словно неловко отказаться.

— Показывай кольцо. То же самое?

— У меня другого и не было.

— Знаешь, Ленка, времена изменились, как сама жизнь. Вот когда мы с тобой девчонками были — это кольцо для меня было мечтой, я думала — надену и стану такая красивая, что все отпадут. А теперь мой Гоша может из Парижа выписать, от Кардена, и будет дешевле, чем в нашем Замухранске.

— Ну тогда покупай в Париже.

— Вот вся ты! Только бы нагадить в душу.

Клава взяла кольцо и пошла в другую комнату. Она изменилась за какие-то несколько месяцев — исчезли все кости и углы, — помоечная кошка, черная, кареглазая, дикая, зубастая, округлилась и уже не помоечная, а домашняя, научилась мурлыкать.

— Я в лупу смотрю, — сообщила Клава из той комнаты. — Кольца, Ленка, надо мыть. На будущее знай. Сколько ты за него хочешь?

— Я не знаю.

Лена и в самом деле забыла подумать об этом, оценить, у кого-то спросить.

— Вот и дура, — спокойно отозвалась Клава. — Теперь я тебя обдурю. Будь спокойна. Сто зеленых тебя устроит?

— Нет, — сказала Лена, мысленно переводя доллары в рубли. — Нет, наверное, золото там дороже стоит, а еще и камень... — Она словно просила прощения у Клавы.

— Кто в двадцать дурак, тот до смерти дурак, — сказала Клава. Она возвратилась в гостиную и кинула кольцо на стол. Камень полыхнул голубыми искрами.

— Ты хоть знаешь, что за камешек? — спросила Клава.

— Мама говорила, что аквамарин, — ответила Лена. — Мне бы долларов двести, а потом я достану...

И вдруг Клава разревелась. Ни с того ни с сего. Стояла, издевалась над Леной, а потом как пузырь лопнула. Упала на диван, спрятала лицо в кулаки, черные волосы вздрагивали, как змеи Горгоны Медузы, ключица, натянув кожу, торчала наружу. Клава захлебывалась слезами, Лена испугалась и стала уговаривать ее:

— Не надо, пожалуйста, Клавочка. Не бери ты этот камень.

Она кинулась на кухню, еле нашла чистую чашку, а когда вернулась в комнату, Клава сидела на диване, по щекам тянулись вертикальные черные полосы потекшей туши. Она протянула руку и взяла чашку. Она стала пить и закашлялась. Жадно пила.

Лена непроизвольно посмотрела на стол — испугалась, а вдруг это хитрость? В школе у Клавки была цыганская привычка — цап что-нибудь, потом убей, не сознается. Но кольцо лежало на столе.

— Значит, так. — Клава отдышалась. — Слушай сюда, мое сокровище. Про Борьку весь город знает, не надо объяснять, вот и почтальонша у меня только что побывала. А ты, дура, у меня двести баксов просишь. Ну какая же дура!

Клава громко всхлипнула, проглотила слезы, шагнула к стоявшему в углу письменному столу с компьютером, покрытым кружевной салфеткой, вытащила из-за него черный бумажник. Не глядя, вытащила оттуда пачку долларов — все, что там было, и не стала передавать доллары Лене, опасаясь, что та откажется, а грубо заткнула их ей за лифчик, чуть не оборвав пуговку на блузе.

— Здесь тысячи две-три баксов, — сказала она. — Дома посчитаешь. Это аванс. Завтра мой свозит кольцо в Москву, к специалисту. Разницу заплатим тебе потом. Поняла?

— Клава, ну что... мне столько и не нужно...

— Уходи, Ленка, пока я тебя не придушила! — закричала Клава. — Видеть тебя не могу!

Она ее буквально вытолкала на улицу. И крикнула вслед:

— Лети самолетом. Или такси возьми! Не жалей денег, понимаешь? И своему Борьке ничего не оставляй. Я его покормлю, если надо. Главное, не жалей денег, это все дерьмо.

И Елена отнеслась к этому дару как к проявлению природных сил. И нельзя было бы сказать, что она глубоко растрогана поступком Клавы. Просто дождь перестал и выглянуло солнце — но оно же снова закатится. Сначала она зашла в магазин и купила продуктов — всяких диетических дорогих вещей, чтобы порадовать Борю. Затем с сумками она пришла к своей свекрови, которая сидела у приемника и слушала «Свободу». Это делало ее интеллигентнее.

— Вам придется переехать к нам, — сказала Лена. — На два-три дня.

— Ты с ума сошла! — возмутилась Евдокия Давидовна. — Еще этого не хватало.

— Борису надо давать только диетическую пищу. У него гепатит.

— Это же заразно! Почему он не в больнице?

— Потому что в больнице он умрет.

Евдокия Давидовна принялась отмахиваться от Лены толстыми белыми руками. Она всегда отмахивалась от нее.

— И не мечтай думать о загранпоездках! — кричала она.

— Что-то случилось с Колей, — сказала Лена. — Я скоро вернусь.

— Ничего с ним не случилось. Неужели ты думаешь, что мое материнское сердце не подсказало бы мне?

Ей не хотелось брать внука. Или тем более ехать к нему. Ей никогда этого не хотелось.

— Я тут принесла продукты, — сказала Лена. — И двести долларов. Это вам с Борисом на еду. Но Борис ни в коем случае не должен знать, что у вас есть эти деньги.

— Ну вот, теперь ты устраиваешь тайны! А откуда у тебя деньги?

Клюнула, поняла Лена. Теперь я тебя, голубушка, добью. У меня нет другого выхода.

— Борис принимает наркотики, — сказала Лена. — Он сейчас тяжело болен. И психически в том числе. Деньги для него — это доза.

— Безумная! — закричала ей вслед Евдокия. — Он же меня убьет.

— Это ваш единственный внук, — сказала Лена с порога. — А я еду к вашему единственному сыну. Вы можете меня ненавидеть, но вам никуда не деться.

В Москве Елена лишь приблизительно помнила, где находится институт. И названия его не знала. Вернее всего что-нибудь связанное с ветеринарией. Метро «Тульская», а там красное пятиэтажное здание.

Нашла его она легко. Он назывался вызывающе: «НИИ генетической фармакологии».

На входе сидел вахтер. Лена боялась, что в таком институте строгие нравы. И лицо у вахтера было грубое, квадратное.

— Мне нужно видеть Александра... забыла отчество! — Мирошниченко.

— Александра Саввича? А он сегодня и не приходил.

— Почему? — строго спросила Лена. Строгость происходила от испуга. Ты ждешь, что тебя будут гнать, а с тобой разговаривают, как в сапожной мастерской.

— А теперь многие не приходят. Зачем приходить? Зарплату все равно не выдают. Только мне с директором и наскребают.

Вахтер начал смеяться, приглашая Лену разделить его шутку, но она шутки не поняла.

— Они работали вдвоем...

— Конечно, вдвоем, — согласился вахтер. — С Колей, Колей, Николаем Сидоровым.

— А где они? — спросила Лена.

— А ты кто ему будешь? — Вахтеру не нравился требовательный тон Лены, и он начал меняться — на глазах становился официален и даже груб.

— Я жена Николая, — сказала Лена. — Бывшая жена.

— А он с тобой развелся? А мне не сказал. А как вашего сына звать?

— Борисом.

— Все правильно. Давай тогда им позвоним.

— А можно?

— Почему же нельзя? У нас в Москве телефоны даже по карманам лежат.

Он набрал номер. Лена ждала. Она даже успела успокоиться, потому что вахтер был спокоен.

Было позднее утро, но никто не проходил мимо, будто забыли, что надо ходить на работу. Сверху доносилась музыка. Издалека. Пол был грязный, давно не мытый.

— Никто не подходит, — сказал вахтер. — Видно, за водкой пошли. Шучу, шучу... непьющие они в разумных пределах.

— Дайте мне адрес, — сказала Лена.

— Невозможно, — ответил вахтер. — Совершенно недопустимо.

— Я вам свой паспорт в залог оставлю.

— Паспорт? А там штамп есть?

— Новый паспорт.

— Плохо. Надо было им велеть, чтобы штамп поставили. Давай паспорт. Я тебе адрес на бумажке напишу. Там и подождешь.

Он медленно писал адрес. Списывал его с большой конторской книги, которую вытащил из ящика. Лена покорно ждала. Пожилая женщина с хозяйственной сумкой прошла внутрь здания, не обратив внимания на вахтера.

Вахтер вложил бумажку с адресом в паспорт и протянул Лене.

— Пойдешь направо, — сказал он. — Там останавливается автобус.

Елена стояла на остановке, никого, кроме нее, не было. Она стала думать, как все это странно: телеграмму ей прислала Тамара, а в институте ничего не знают. Впрочем, может, и не хотят знать.

Оказалось, она не права. В институте знали.

Подъехала машина, обыкновенная, «москвич», вышли два человека и пошли к ней. Лена даже испугаться не успела.

— Сидорова? — спросил молодой человек с розовым гладким лицом и маленькой сережкой в ухе.

Поймали! Выследили!

— Пожалуйста, попрошу в машину. Нам надо поговорить.

— Кто вы такие? — спросила Лена.

— Алексей, покажи документы, — сказал розовый своему напарнику.

Тот не удивился. Вынул книжечку, закатанную в целлофан. Книжечка была красной.

— Теперь у всех красные книжёчки.

— А на нашей написано ФСБ, — сказал розовый.

Они начали допрашивать ее уже в машине. Лена хотела верить, что это не наркоманы, а обычные чекисты. Пускай чекисты.

Они взяли паспорт Лены, изучали его и спрашивали — в каких она отношениях с потерпевшим, давно ли они виделись и, главное, что ее заставило приехать.

Лена вытащила телеграмму. От Тамары. Телеграмма разочаровала сыщиков, Лена поняла, что они надеялись поймать злодеев, а теперь шансы упали.

И тогда она решилась спросить — что же с Николаем. Она ведь до сих пор не знала и знать не хотела, а теперь пора было сдаться и узнать.

— Он убит, — сказал розовый сыщик, глядя перед собой. — Разве вам не сказала ваша подруга?

— Нет, — сказала Лена. — Мне никто ничего не сказал.

— А чего поехали?

— Вы бы тоже поехали.

— А вы знаете, чем занимался здесь ваш бывший муж?

— Работал в лаборатории, — ответила Лена, которая испугалась, что если они узнают про наркотики, то вцепятся в нее со всей силой. Ведь ясное дело — если бы просто преступление, то занималась бы милиция, а если чекисты, значит, особенное преступление.

Они хотели везти ее на опознание, но Елена отказалась. На нее обрушилась такая тупость, что она не опознала бы и саму себя.

Чекисты пожалели ее — сказали, что встретятся завтра. Их интерес к ней уменьшился.

Они не знали, куда ее отвезти, но она сказала, что лучше об этом узнать у Тамары. Они позвонили Тамаре по мобиле, и Тамара сказала, чтобы они везли Лену к ней.

Они нехотя согласились. Но паспорт не отдали. Чекисты, что с них возьмешь.

Тамара встретила ее как родную. Она не плакала, а все говорила.

— Я с другими не могу говорить, как с тобой.

— Ты расскажи, как все произошло, — осторожно попросила Лена. У нее оставалась маленькая надежда на то, что Николай не умер. Будто бы Саша Мирошниченко умер, а Коля остался живым. Чекисты ошиблись...

— Никто не знает, как это произошло. Милиция считает, что ограбление. Но какое может быть ограбление? Они же доклад готовили на конференцию. Саша говорил — подождем, еще не все доделано. Саша у меня такой обстоятельный, ты не представляешь.

Говоря так, большая, теплая, мягкая Тамара поставила чайник, достала из холодильника всякую обильную еду — она словно была рада, что нашелся желающий. И ее жизнь обрела какую-то видимость смысла.

— Они были здесь?

— Нет, в институте, чего им здесь делать.

Ах ты, вахтер, партизан!

— И что дальше?

— Ты пей чай. Ты поможешь мне на поминки все собрать?

— Что дальше?

— Не кричи на меня. А то я плакать буду. Дальше — дальше их убили.

— Обоих?

— Ты сумасшедшая, да? С чего ты решила, что одного убили? Моего?

— Извини.

— И ты меня извини, я тоже сумасшедшая стала. Мы же купили путевки в Анталию. Ты была в Анталии?

— И как это случилось?

— Никто не знает. Утром они не вернулись. Я проснулась, стала звонить. Охрана института ничего не заметила. Спали, наверное... Ленка, а вдруг это сами охранники?

— Нет, — сказала Лена. — А как их убили?

— Из пистолета. Смерть была мгновенной. Мне сказали, что мгновенной.

— И что взяли?

— Чепуху взяли. Хулиганы, наверное. Все побили, поломали, записки сожгли, исходные материалы — и те уничтожили. Ты представляешь, какое варварство. Убить людей из-за наручных часов и обручального кольца.

— Нет, — сказала Лена. — Дело не в часах, а в их работе.

— Ну ты как следователь Сергеев, — сказала Тамара. — Он меня достал. А кто из знакомых был в курсе их работы? Даже директора тягали, представляешь?

— Представляю, — сказала Лена.

— Пойдем тогда в морг, — сказала Тамара.

— Зачем?

— Меня пустят, я там всех знаю. Надо же с ними побыть. Раньше мертвец дома лежал, свечки горели, батюшка молитву читал, так все по-настоящему. А они у нас голые лежат, замороженные. Ты представляешь?

Тут наконец Тамара расплакалась, и они обе поплакали. Напряжение спало, но в морг Лена не поехала — все равно завтра ехать.

Ночью она спала на диване, на котором, оказывается, последние месяцы спал Николай. Диван был теплый и вроде бы сохранял его запах. Лена давно отвыкла от Николая, от его запаха, от его тела, а сейчас стала тосковать, понимая, что больше у нее никогда не будет своего мужчины, который может проснуться ночью и разбудить ее, потому что в нем возникло желание.

Утром она проснулась и не сразу сообразила, почему она здесь.

Тамара громыхала посудой на кухне — Лена поняла, что ей хочется разбудить квартирантку.

Но Лена лежала, не открывая глаз, — ее мучило что-то. Какая-то деталь.

Ее сумка стояла на стуле, возле дивана. Чекисты взяли паспорт, телеграмму от Тамары, но не взяли телеграмму Николая, потому что Лена о ней не сказала.

Лена тихонько открыла сумку, вынула телеграмму и перечитала ее:

Блестящие результаты. Трепещите наркобароны. Терпи. Немало времени пройдет пока получим разрешения и так далее. Пока заначка. Воскресенье буду жди. Николай. Нобелевская премия кармане.

Все в телеграмме было понятно — за нее бы чекисты полцарства отдали. Но одна фраза была непонятна. Для всех, кроме Елены.

«Пока заначка».

Глупая фраза.

Когда они были совсем молодыми и денег не хватало, у них был обычай заводить заначку. Получили какие-нибудь маленькие денежки, клали в заначку, как белка в голодное летнее время в опасении еще более голодной зимы.

Она встала, умылась, поела через силу, чтобы угодить Тамаре, потом позвонили чекисты — пора ехать на опознание, словно можно подменить Николая. Потом поехала в морг, это было хуже всего — там пахло смертью и с ней разговаривали как с убийцей. Или ей показалось, что с ней так разговаривали.

Николай был совершенно чужой, это был не Николай, а тело Николая, она никогда его не обнимала. Она

смотрела на Николая и думала, что он хотел сказать про заначку? Потом она вспомнила — заначка всегда лежала во внутреннем кармане Колиного пиджака.

Она вернулась домой, потерпела, пока Тамара наговорится и уйдет к себе плакать, спросила, остались ли от Николая вещи?

Тамара не удивилась и не оскорбилась. Она сказала, что все вещи Николая в чемодане, а чемодан в шкафу. Его чекисты обнюхивали.

Лена сразу увидела старый пиджак — он висел. Его забыли положить в чемодан.

Лена сунула пальцы во внутренний карман.

Там лежал небольшой толстый конверт.

Она вытащила его. На конверте было написано «заначка».

Лена даже улыбнулась. Так это слово прозвучало странно.

Тамара затаилась у себя.

Лена открыла конверт.

Там и в самом деле лежала заначка — сто долларов. Настоящая заначка, достойная мужчины. Но там еще было письмо Лене и пластиковый прозрачный пакет с желтоватым порошком.

Лена сразу положила конверт в сумку, а письмо прочла.

Леночка, дорогая! Я тебя люблю, но это не имеет отношения. Нам удалось сделать больше, чем мы рассчитывали. Я придумал смешное слово «поппифаг». Поппи — это мак по-английски. Правда смешно? Если ты найдешь эту заначку, значит, меня нет в живых или что-нибудь еще случилось. Неприятное для меня. Ты уже не смеешься — ведь случилось, да? Я вообще-то большой трус. Даже палец боюсь обрезать. Наверное, потому, что был единственным ребенком у сволочной мамы. Надеюсь, она этих

слов не увидит. Мы еще не проводили толком полевых испытаний — не вылезали из лаборатории. Сашка хочет сначала доклад, но и с докладом нельзя спешить. Мне кажется, что нас с ним пасут. Он вчера чуть под машину не попал. Нет, это даже смешно — таких, как мы, не убивают. Мы же никому не нужны, правда? Суть дела в том, что зараженные поппифагом растения становятся сами источниками заразы — смерть мака явление лавинообразное, понимаешь? Лучше всего распылять. Дальше природа сама позаботится. Мы пошли работать, готовить доклад. Я все время встречаю человека лет сорока с желтыми глазами, как у кота. И с ним амбал. Они меня пугают. Хотя ничем не выказывают ко мне интереса — просто пасут или сами пасутся по соседству. Не знаю, что ты будешь делать с порошком, но за нас не беспокойся — мы оставили формулы и технологию в институтском сейфе, и об этом никто не знает. По крайней мере если что, то в институте продолжат. А тебе я оставлю полученную нами дозу, если что-нибудь со мной случится, я тебя прошу — проникни к ним и зарази. Или найди человека, который этим займется.

Твой любящий и глупый бывший муж Николай.
Прощай, моя дорогая.

В конверте был еще листок. С инструкциями. Из глаз Лены лились безудержные, тихие слезы — она не плакала, нет, просто лились слезы. Потом она немного поспала. Проснувшись, она позвонила свекрови. Свекровь была недовольна.

— Лена, я буквально требую твоего немедленного возвращения! Я не нянька Борису!

— Где он?

— Он нагло ушел из дома, даже не спросил разрешения.

— Где он? Давно ушел?

— Еще утром — я ему не нянька, о чем официально тебя предупреждаю!

— Скоро приеду.

— Кстати, ты мне не говоришь, что с Николаем?

Лена не смогла ответить сразу. Она так надеялась, что свекровь забудет об этом спросить — о самом главном. А она не забыла. Насколько Лене было бы удобнее иметь совершенно бесчувственную свекровь... она такой ее и считала — почти.

— Николай умер, — сказала она, не заметив долгой паузы.

— Так я и думала, — сказала свекровь, словно Лена убила бывшего мужа.

Надо было спросить еще о Борисе, но язык не поворачивался. Она замерла у телефона — хоть бы линия сломалась!

— Под машину попал? — спросила свекровь. — Я всегда этого боялась. Ты уж займись похоронами, я тебе компенсирую расходы.

— Я сегодня приеду, — сказала Лена.

— Лучше оставайся с Колей, — возразила свекровь. — Он больше нуждается в твоей помощи, чем я.

— Нужно найти Бориса, — сказала Лена.

— Ничего с ним не случится.

— Но вы же знаете!

— В этот скорбный момент мы должны все думать о Коле, — сообщила свекровь.

Прости, Коля, сказала Лена мужу. Она с ним говорила долго, ей казалось, что он отвечал ей и даже иногда спорил. Но Коля был с ней согласен: сейчас важнее всего — Борис.

Лена просидела в комнате, пока Тамара не ушла в морг — в ней жила необоримая тяга к моргу, — она там

была ближе к своему Сашеньке. Как будто он еще не совсем умер.

Потом она осмотрела пакет.

Пластиковый пакет, скользкий, порошок кажется тяжелым, словно это золотой песок. Лена никогда не держала в руке пакета с золотым песком, но в свое время читала Джека Лондона.

Поверху пакет был оклеен скотчем. Лене захотелось понюхать порошок. Что с ним делать? Отдать директору? А что, если он тоже на содержании у мафии? Она слышала, что теперь даже научные институты имеют крышу — люберецкую или тульскую, — все делятся.

Может, директор и организовал это убийство? Лена была уверена, что убили друзей наркоманы или наркодельцы. Испугались и убили. А виновата в этом она — ведь это она толкнула Колю на то, чтобы он занялся поппифагом. И она не проследила — первые бумаги попали к Аскольду. Вот и теория. Можно идти в милицию. При условии, что милиция не находится на иждивении у Аскольда. Появилась цепочка: директор — Аскольд — милиция — мафия... Бред какой-то.

Никому она порошок не отдаст. Наверное, сама решит или обстоятельства за нее решат.

Она не посмела положить пакет в сумку. Ей уже начали мерещиться убийцы. Она даже подошла к окну, как делают в американских криминальных фильмах.

За окном был двор. В нем росли тополя, вдали была площадка, на которой сидели мамаши и возились в песочке дети, пользуясь передышкой в дождях. Недалеко от подъезда стояла машина — джип, из тех перегруженных металлом сверкающих монстров, которых и допускать до честной фирмы не хочется.

Вот эта машина моя, подумала Лена.

Теперь надо было выйти из дома черным ходом и пробежать на соседнюю улицу. Но в доме нет черного

хода. Товарищ Хрущев не позаботился о черных ходах, наверное, гебисты не велели.

А куда предусмотрительная женщина прячет пакеты с порошком, из-за которого убили ее бывшего мужа? Потребовалось минут пять, прежде чем она отыскала решение.

Спрятала.

И вышла на улицу.

Никто не обратил на нее внимания.

В джипе никого не было. Проходя мимо, Лена дотронулась до радиатора, радиатор был холодный.

Лена дошла до автобусной остановки. На остановке не было ни одного человека. Машины не проезжали. Она дождалась автобуса. Народу в нем было немного. Водитель открыл двери. Лена взялась за дверь и поднялась внутрь — тут же оттолкнулась от автобуса и подняла руку.

— Передумала! — крикнула она, чтобы водитель услышал. Водитель, может, и услышал, а может, нет. Автобус уехал. Лена пошла обратно, но не прямо к дому, а к детской площадке, где села на скамеечку и просидела минут десять рядом с дремлющей бабкой. Порой ребеночек подбегал к ней, дергал за рукав. Не открывая глаз, бабушка доставала из кармана плаща конфету и совала ребенку, тот бежал к песочнице. Однажды он решил схитрить, а может, его друг проявил инициативу. К бабке подбежал другой мальчик. Дернул ее за рукав и получил конфетку — где-то она читала об этом. Кажется, муравей несет что-то сладкое, другой муравей щекочет несуна усиками, и тот отрыгивает сладкую добычу.

Подбежал настоящий внук, дернул бабку, но конфеты не получил.

— Нельзя так часто, — сказала бабка, — вредно для здоровья.

Малыш тут же открыл рот, чтобы заплакать, и получил свою конфету.

Никто не следил за Леной. Это точно.

Лена вернулась в подъезд, поднялась на третий этаж и на лестничной клетке вытащила из-за батареи пакетик с поппифагом.

Сунула его в лифчик, то есть за корсаж, как делали героини Дюма.

Теперь уж пришлось ждать автобуса полчаса, и он пришел, набитый людьми. Поезда ждала долго, и он тоже был полон. Домой приехала вечером, нервно усталая — она уже не ждала ничего хорошего.

Дом был пуст и холоден. Свекровь даже не приходила сюда — потому что посуда, вымытая Леной перед отъездом, стояла на тех же местах, если не считать стакана, наполовину полного чаем, — это завтракал Боря.

Лена спрятала пакетик и пошла в кафе — ну куда ей еще идти? У дверей стоял Буреев. Был десятый час, изнутри доносилась музыка.

Буреев не поздоровался. Отвернулся.

— Вы что? — спросила Лена. — Почему вы не хотите разговаривать? Что-нибудь случилось?

Буреев все равно не ответил. Не замечал. Лене и без того было плохо, а сейчас она поняла — Борю убили. Или посадили в тюрьму. А в тюрьму ему нельзя, потому что ему нужна диета, у него живот разболится. Разве они не понимают, что человек болен гепатитом?

Она вбежала в кафе. Там было тесно. На махонькой эстраде, похожей больше на стол для пинг-понга, не своим голосом кричал в микрофон случайный певец. Когда подошел Аскольд, она спросила:

— Это называется караоке?

Ничего глупее она в жизни не говорила — наверное, от страха.

Но Аскольд понял, спрятал свои желтые глаза.

— Вы давно приехали? — спросил он.

— Только что с поезда.

— Мужа похоронили?

— Нет, его будут хоронить позже. Там вскрытие... — Она набралась смелости. Аскольд говорил обыденно — все еще могло обойтись. — А что с Борей?

— Никого у вас дома нет?

— Нет. И его нет. Я свекровь просила, но вы же знаете...

— Не имею чести. И вы прямо сюда?

— Куда же еще?

— Тогда поезжайте в больницу, — сказал Аскольд. — Может, успеете.

— Что успею?

— Он без сознания. В коме.

— Ну да, конечно...

— Я не уследил. Он принял слишком большую дозу, а для его организма это смертельно. Для другого, понимаете, еще не так трагично. А для него смертельно.

— Нет! — закричала Лена, и Аскольд потащил ее наружу, ему помогал Буреев, она не понимала, что происходит и куда ее ведут, она кричала: — Я больше не могу!

Аскольд, единственный там, понимал, что она потеряла сразу мужа и сына подряд и этого вытерпеть невозможно. А для Лены все концентрировалось в образе морга — она не могла снова идти в морг, она о себе думала, хотя и этого не понимала. Боря еще был жив, и она шла к нему в больницу, хотя ее к нему и не подпустят, но она уже думала о морге.

Через неделю Аскольд, которого звали Иваном Тимофеевичем, хотя и это не настоящее его имя, докладывал своему начальству о ситуации в городе Веревкине, одном из незаметных, но важных центров всемирной торговли наркотиками. То, что в том городе жил Нико-

лай, что ему, Аскольду, очень нравилась сухая, быстрая и несчастная Елена, учительница физкультуры во второй школе, начальству знать не полагалось, и знало ли оно об этом на самом деле, Аскольд не догадывался. Дело в том, что порой начальство тоже предпочитает не раскрывать пределов своих знаний — идет соревнование обманщиков. Но что такое разведка? Это и есть соревнование обманщиков.

— Что вы думаете, Иван Тимофеевич, — мягко спросило начальство, — о судьбе опытов Николая... как его там?

Аскольд не стал запираться — он догадался, о каком Николае идет речь, и начальство знало, что он догадался.

— Лаборатория уничтожена, образцов вещества не найдено. Но главное — опыты прерваны. Документация изъята из сейфа и изучается.

— Подозреваемых нет?

— Этим занимается милиция, — сказал Аскольд, и начальство кивнуло, потому что знало об этом раньше Аскольда и лучше Аскольда.

— Несчастная женщина, — сказал Аскольд. — Как человек и чекист я не могу ее не жалеть. Такой букет несчастий.

— Я всегда выступал и выступаю против разводов. Ребенок, лишившись в детстве отца, растет психически неполноценным. Три четверти подростков-наркоманов — плоды неудачных браков, Иван Тимофеевич.

— Но в чем вина этой женщины?

— В том, товарищ полковник, что ни один здравомыслящий мужчина не покинет свою семью без уважительных причин. Эта причина, — начальство взяло с полированного стола остро заточенный карандаш и направило его конец в глаз Аскольду, — может заключаться в личной нечистоплотности супруги, в отсутствии

правильного питания и распорядка дня. Да что вам говорить, вы же сами, полковник, разведены... к сожалению.

— У меня другое дело.

— Знаю, знаю... и знаю притом, что других дел не бывает. Вот так-то, голубчик.

Стороны остались на своих позициях.

В заключение беседы Ивану Тимофеевичу приказали продолжать контролировать мафию в Веревкине и Тульской области, а также не спускать глаз с Елены, потому что она находится в тревожном и нервном состоянии, и никто не знает, успел ли ее бывший муж чем-либо поделиться с бывшей женой. Как сказало начальство на прощание? «В нашем деле самое опасное — дилетанты, то есть любители».

Через две недели после похорон к Елене пришел директор. У Лены не было к нему претензий, потому что школа оплатила похороны, все пришли на кладбище, но поминок Лена устраивать не стала. Впрочем, некоторые ее понимали, а другие осуждали, потому что надо соблюдать народные традиции.

Директор пришел и сказал:

— Пора за работу приниматься. Не может больше школа без физкультурника.

— Я думала, что вы уже нашли.

— Где у нас найдешь за такую зарплату. Поработай...

— Я хочу уехать из Веревкина.

— До каникул, до Нового года поработаешь, и я тебя отпущу.

— Может, не дотерплю.

— Да ты выйди, нельзя дома сидеть. Помрешь с тоски.

Директор ушел, добившись от нее обещания заглянуть в школу. Лена пришла, все делали вид, что она болела ангиной, потому пропустила несколько уроков. Даже в

зале дети делали вид, что ничего не случилось. Странно, почему вдруг распространяется такой гуманизм... тактичность? Откуда это?

Лене было приятно осознать, что она помнит учеников по именам.

Недели в школе как раз выпали на период ожидания.

Лена сдала анкету и фотографии — она хотела получить иностранный паспорт. К счастью, в Веревкине нет ОВИРа и ездить надо было в Тулу. А то бы в городе все уже знали, что, не успев похоронить близких, эта женщина собралась в круиз!

К тому же надо было заказать билет. И не просто билет, а сделать это через туристическое агентство. Ведь если она прилетит в Таиланд, то она даже не знает, в какую гостиницу ехать.

Вечерами Лена занималась английским языком — сама, с пластинками, которые остались от попытки сделать из Бори джентльмена. И конечно же, она изучала географию. На уровне университета. Географию Юго-Восточной Азии. Так называемого Золотого треугольника.

Это местность, расположенная рядом с Бирмой, которую правящие там генералы велят всем называть Мьянмой, что могло бы быть даже смешно. Представляете, что англичане вдруг заставят нас именовать их страну «Грейт Бритн». Иначе разорвем с вами всякие отношения!

С Бирмой граничит страна Лаос, которая было построила социализм, но вроде потом отказалась и теперь живет мирно и прилично. Наконец, к этому треугольнику примыкает и Таиланд. Там, на стыке трех стран, лежат горы, где нет государственной власти, а правят только местные вожди и бандиты. Они контролируют все посадки опиумного мака и его переработку в опиум. Есть у них и настоящие фабрики, где опиум переплавляют в

героин, потому что героин настолько концентрированный наркотик, что его можно привезти в кармане и погубить сотню таких мальчиков, как Боря.

Вот туда Лена и собралась.

Она не стала оставлять в ОВиРе открытку, боялась, что перехватит Александра Ивановна или кто еще из любопытных почтарей. Раз в неделю она звонила туда, и невежливая девочка сначала отказывалась смотреть, не поступило ли ее дело, но потом соглашалась и говорила, что не поступило. Когда же она сказала, что документы пришли, Лена так удивилась, что стала переспрашивать. Девочка сказала что-то обидное и бросила трубку.

После уроков Лена поехала в Тулу, еле успела до закрытия и вымолила у девочки, оказавшейся некрасивой и очкастой, свой паспорт, хотя другим она отказала.

На следующий день Лена сказалась больной, ей не терпелось, она с первым же поездом поехала в Москву.

На вокзале в Москве ей почудилось, что за ней следят.

Она не стала рисковать, а села в такси, которое в Москве очень дорого стоит, и велела ехать в Библиотеку иностранной литературы. На ходу придумала.

Возле библиотеки, скучного здания между улицей и набережной Яузы, она увидела скверик, совсем пустой, на холме. Она велела таксисту остановиться возле него, забралась туда, села на пустую лавочку и стала смотреть на высотку на Котельнической и кинотеатр «Иллюзион».

Оказалось, что на этот раз предчувствия ее не обманули.

Через две минуты возле библиотеки остановилось такси — из него вышел парень со скошенным подбородком. Здравствуйте-пожалуйте, давно не виделись!

Как же он выследил ее? Неужели они в нее вкололи какой-нибудь препарат или маячок? При современной науке это вполне возможно.

Ее выследили по номеру такси. Такси было с радиотелефоном, и Скошенный подбородок заметил, как она садится в машину. Из другого радиотакси за десяток долларов узнали, куда повезли клиентку — к Библиотеке иностранной литературы.

В библиотеке Лену не нашли. Скошенный подбородок вызвал подмогу, обыскали «Иллюзион» и окрестные дворы, проехали по набережной Яузы.

Когда Скошенный подбородок вошел в библиотеку, Лена выбралась из скверика и через дворы старинной больницы на улице Радищева выбралась в тихий переулок. Потом поехала в агентство. Агентство она отыскала через газету, там продавали дешевые билеты и индивидуальные путевки. Дама с волосами цвета красного дерева была любезна, но равнодушна.

Домой Лена возвратилась к вечеру.

Она не скрывалась, и они ее подхватили на вокзале. Там дежурили сотрудники. Они вели ее до дома в Веревкине. Но это уже не играло роли. Ни для нее, ни для ФСБ.

Лена подготовила версию: ездила в Москву заниматься английским языком в библиотеке. С детства она увлекается иностранными языками, а теперь подумывает изменить Родине.

Аскольд пришел к ней на следующий день, в четыре, после уроков.

Было еще совсем светло, и поэтому Лена открыла дверь, не спросив, кто там. Она думала, что соседка или почта.

Оказалось — главный бандит.

Конечно же, Лена не подозревала, что Аскольд, он же Иван Тимофеевич, — полковник госбезопасности, успешно внедренный в наркомафию Веревкина, волею

судеб попавшего в самое сердце мировой сети продажи и транспортировки наркотиков. Лена думала, что он бандит, и относилась к нему как к бандиту. И сейчас, когда увидела его перед дверью, испугалась его как бандита, хотя, может быть, она бы испугалась еще больше, если бы догадалась, что он чекист.

— Только не закрывайте дверь, вы можете прищемить мне нос, — пошутил полковник. — Я к вам на минутку. Просто хочу узнать, как живете.

— Я не хочу с вами разговаривать.

— Клянусь вам, что не имею никакого отношения к смерти вашего сына. Я делал все, чтобы его спасти.

— Мне все равно.

— Да вы не бойтесь. — Аскольд как-то ловко отстранил ее и проник внутрь квартиры. Он прошел на кухню, будто знал расположение комнат, бывал здесь раньше, и Лена подумала — он уже меня обыскивал.

Аскольд уселся за покрытый клеенкой стол, за которым уже никогда не будут сидеть ни Николай, ни Боря, и попросил чаю.

Лена даже не сделала никакого движения. Хозяйка всегда автоматически делает движение к плите.

— Не буду навязываться, — усмехнулся Аскольд. Лена никогда не имела возможности рассмотреть своего главного врага на свету и сейчас удивилась тому, что он куда старше, чем ей казался: у него была кожа как скала на ветру — она осыпалась и вся была в трещинках.

— Как вы намереваетесь дальше жить? — спросил Аскольд. — Не может быть, чтобы вы не строили планов.

— Я уеду отсюда, — сказала Лена. — До каникул доработаю, а потом уеду.

— В Москву или к родственникам в Курскую область?

Аскольд показывал, что от него нигде не скроешься.

— В Москву, — сказала Лена.

— Но надеюсь, что никаких глупостей вы не придумали?

— Нет, не придумала.

Она даже не улыбнулась.

— Учтите, я держу вас под контролем.

— Вот спасибо!

— Не иронизируйте. Мне еще не хватало глупостей. Кстати, вы не нашли тогда никаких записей Николая?

— Вы же знаете, что я ничего не нашла. И даже не искала. Мне было не до этого.

— Стараюсь поверить. Но так трудно верить людям. Знаете, кто лучше всего лжет? Те, от кого этого не ждешь.

— Если вы все сказали, то уходите. Мне некогда.

— Сериал смотрите?

— Уходите.

— Только два последних вопроса. Первый — вы разрешите позвать вас в кино? Нет, не сегодня и не здесь. Мне хотелось бы... можно на концерт. Вы не спорьте. Вы мне очень нравитесь.

Лена отвернулась к окну и спросила:

— А второй вопрос?

— Куда вы вчера ездили?

— В Москву.

— Конкретнее.

— Не ваше собачье дело, — сказала Лена.

— Как грубо.

— И если вы сейчас не уйдете, я открою окно и буду кричать, звать на помощь. Вам это нужно?

Аскольд поднялся, посмотрел ей в глаза, поймал взгляд.

— Вы не шутите, — сказал он. — По крайней мере у вас есть характер.

— И какой! — проговорила Лена. Этого не надо было говорить.

— Не удивляйте меня, красавица, — сказал Аскольд.

И он покорно ушел. Лена из окна смотрела, как он пересек двор, как остановился, обернулся и помахал рукой: был уверен, что она смотрит вслед.

Лена даже отпрянула от окна, и ей показалось, что она слышит его смех.

Через неделю она получила билеты — ей дал их в агентстве очень толстый предупредительный молодой человек по фамилии Домашник. Он рассказал ей об опасностях, которые поджидают в Бангкоке молодую привлекательную женщину. Он никак не мог взять в толк, какого черта Лена прется в Таиланд, да еще по индивидуальной путевке, когда есть такие чудесные для отдыха места, как Анталия или Канарские острова. К тому же он уже знал, что Лена — учительница физкультуры из Веревкина Тульской области, следовательно, до каникул ей положено учить детей кульбитам и прыжкам. Странные времена, обрушившиеся на Россию, родили множество странных людей. Их плодили деньги, упадок порядка и анархистские устремления наших сограждан, которым даже во сне не положено было иметь таких устремлений. А так как Саша берег свое место и опасался крашеной наглой бывшей профсоюзной деятельницы командирши агентства Лили, то он и не задавал Лене лишних вопросов, чего она так боялась. Поняв, что вопросов не будет, Лена прониклась к Домашнику симпатией.

К билетам был приложен путеводитель по Бангкоку, небольшой и не очень полезный, если ты не намерена развлекаться и скупать разные вещи. Но Лена за последние два месяца достаточно вспомнила английский, чтобы разобрать книгу о Таиланде на английском языке, которую взяла в Библиотеке иностранной литературы, к тому же она купила и прочла несколько плохо изданных мо-

нографий, созданных сотрудниками Института востоковедения, — о студенческих движениях, о генералах, о королях и сельском хозяйстве той страны.

Как ни странно, она рассчитывала на помощь тайцев. Она смотрела по телевизору английский сериал «Бангкок—Хилтон» о том, как невинную девушку подставил коварный возлюбленный, и ее взяли, когда она вывозила из Таиланда наркотики. Она не поняла в сериале главного: за что девушку собираются казнить, если она ничего плохого в страну не ввезла, а только вывозила. Вроде бы это забота ее собственной страны. Но сериал убедил Лену, что тайские власти по одну с ней сторону баррикады.

Директор школы был расстроен.

— Ну подождала бы до января — съездила бы куда хочешь на каникулы.

— Ничего не могу сделать, — искренне ответила Лена. — Я хотела бы вам помочь, но не могу.

— Так почему же, несчастная душа?

Лена вспомнила старую книгу, «Тиль Уленшпигель», она плакала, когда читала ее в детстве.

— Пепел Клааса, — сказала она, — стучит в моем сердце.

— Ага, — согласился директор. Подчинился тону, а книжку вряд ли вспомнил.

Она нарочно сказала директору, что уезжает на два дня позже, чем собиралась в самом деле. Она понимала, что Аскольд и другие бандиты за ней следят. Чего-то боятся, тем более если это они убили Николая. А следствие по его делу не то чтобы закрыли, но фактически прекратили. Мало ли людей убивают в наши дни? А если он ученый, а не торгаш? У нас и ученые не застрахованы. Может, у него ценные металлы в лаборатории хранились?

Это сказал следователь Сергеев.

— Вы знаете, что их не было, вы наверняка проверили.

— Может, и проверил. Но допускаю, что он их изготавливал.

— С ума сойти! В биологической лаборатории!

— Вы, может, и не знаете, гражданка свидетельница, но ваш бывший муж занимался не больше и не меньше... — тут следователь вперил в нее взгляд незначительных глаз и понизил голос: — ...как наркотиками! Секретными делами. Значит, у него они хранились. А их нет.

— Почему вы думаете, что они хранились?

— По самой простой причине. Если у тебя научная тема по биологической борьбе с посевами наркотических растений, — тут следователь вообще перешел на трагический шепот, — то тебе нужны вещества, с которыми ты борешься. Я же не могу допрашивать свидетелей, если свидетелей не имеется, понимаете?

Он был неумен и потому всех вокруг считал дураками — так ему было легче жить.

У следователя даже не было идеи, что же случилось в лаборатории. А может быть, он работал на двух работах — служил Отечеству и Аскольду. Думая так, Лена, конечно же, не подозревала, как она близка к истине. Ведь будучи чекистом, Аскольд представлял интересы государства. Следователь, даже если полагал иначе, служил тому же вездесущему господину.

Следователь делал вид, что в чем-то Лену подозревает, даже выяснял, что она делала в тот день и кто может это подтвердить. К счастью, она в тот день была в школе, и когда сказала об этом следователю, он расстроился, но отвязался. И хорошо, что отвязался и не узнал, что Боря болен наркоманией. Иначе она стала бы главной подозреваемой.

Лена вышла в шесть часов, к ранней электричке, уверенная в том, что все бандиты еще храпят. На всякий случай в Москве она путала свои следы, а чемодан сдала в камеру хранения, но не на своем вокзале, а на другом.

Часа два она просидела на ветру в парке, в садике, который ей понравился еще в прошлый раз, возле Библиотеки иностранной литературы, в аэропорт «Шереметьево» она приехала заранее, но и там никого подозрительного не заметила.

Самолет был полупустой, туристы, какие-то иностранцы... Чего им у нас делать! Все равно долгов мы не отдадим. Лена читала книжку на английском языке и от волнения ничего не понимала. О, если бы знать, что ей предстоит, она бы наверняка зубрила английский с утра до вечера. Но разве увидишь свое будущее? Она была звездой в школе и даже звездой в юношеской сборной. А теперь кто? Озлобленная, выгоревшая изнутри уродина. Как рыба кета, которая идет на нерест и знает (если у нее в голове может уместиться такая простая мысль), что с нереста она уже не вернется. Ей остается мечтать и молиться, чтобы хоть одна из ее икринок достигла моря и выросла, а потом ушла на нерест.

Она совершенно не представляла себе, каким образом доберется до опиумных плантаций. Но была уверена, что это сделает. Даже не сомневалась.

Летели слишком долго, Лена никогда так долго еще не летала, покормили, потом все поспали. Самолет прилетел к вечеру, и когда открыли дверь, в самолет ворвалась волна внешнего воздуха — совершенно особенного воздуха. Если смотреть в иллюминатор, то все аэродромы кажутся одинаковыми и ты не подозреваешь, что воздух здесь совсем другой.

Он был теплый, вечно теплый, и потому запахи спокойно существовали в нем, раскинув ручки и ножки и

не боясь, что их выкурят морозом или велят убираться. Запахов было много, и они создавали сладкую, даже приторную симфонию. Лена слышала, что некоторые композиторы считают, что звукам соответствуют цвета, и Скрябин даже писал целые симфонии, которые играл, а над роялем зажигались лампочки. Ему бы в Таиланд, он бы нанюхался и не такое написал!

Таможенник улыбнулся и не стал смотреть вещи. Лена немного боялась, не подложили ли ей наркодельцы героина в сумку — с них станется, особенно если они тоже смотрели английский сериал.

Улицы вблизи аэродрома были тесные, набитые машинами, к запахам аэродрома прибавилась вонь большого города, но сладость и пряность не исчезли.

Гостиница снаружи была современной, но ничего особенного, внутри ее встретили поклонами и улыбками, словно она была американской миллионершей. Лена подумала: «Как здорово, что я уговорила Сашу Домашника забронировать мне гостиницу, в которой русские не живут». Лена только по рассказам знала, что русские, как вырвутся на волю, бросаются покупать что подешевле. Правда, это мнение частично устарело, потому что теперь появились русские, которые спешат побольше истратить. Наверное, потом, бедолаги, приносят в себе СПИД-инфекцию и помирают... а разве нам лучше?

Лене еще не приходилось бывать в таком чистом и благоустроенном номере гостиницы. Она вообще, как и положено русскому человеку, в гостиницах не бывала. Да и попробуй устройся в гостиницу в старые времена! Ищешь родственников или знакомых, а им тоже не радость принимать гостей в двухкомнатной хрущобе.

Лена попробовала горячую воду — не может быть, чтобы она шла! Должно быть, отключили на самый жаркий месяц. Ничего подобного, вода шла. Да и в самом

номере было не жарко, кондиционер работал бесшумно, видно, централизованная система.

Лена вымылась — так приятно после дороги! Потом открыла свои справочники — ее основной багаж, если не считать белья. Белья она взяла побольше, неизвестно еще, удастся ли вовремя постирать.

Перед Леной было две возможности: отправиться по городу погулять, посмотреть, как живут эти тайцы, или сразу же искать билеты на север, чтобы не терять ни минуты.

Разумеется, Лена была полна решимости любой ценой выполнить завещанное Николаем и отомстить врагам, безликим, если не считать Аскольда, и потому еще более страшным и всесильным. Но если тебе куда меньше сорока и в иной ситуации ты бы сутками не спала, рассматривала таинственный город, то совсем ничего не увидеть, даже если близка твоя смерть, невозможно.

Лена решилась на компромисс.

Она тихонько спустилась вниз и вышла на улицу. Она отправилась пешком в контору Тайских авиалиний на Праджипатаи, дорогу туда она выучила дома, по плану Бангкока, который, оказалось, соответствовал правде.

Вряд ли кто-нибудь в отеле заметил ее уход, потому что в те минуты в просторный холл ввалилась толпа немецких туристов с такими большими и тяжелыми чемоданами на тележках, что все внимание гостиничных служб было приковано к этим новым гостям.

Лена шла быстро, хотя было жарко, и ей казалось, что она гуляет не спеша. Она только один раз спросила дорогу у пожилой женщины, которая показалась ей доброй. Она читала, что мужчины в Таиланде плохо, то есть неуважительно относятся к одиноким женщинам, даже иностранкам. Раньше они думали, что белые женщины — это как бы существа из другого мира, а теперь поняли,

что белые женщины не отличаются от своих. Тем более женщины из России. Они были доступны и дешево стоили. Некоторые даже стали работать в публичных домах и стриптизах. Так что если хочешь, чтобы местные не распоясывались, веди себя недоступно.

Народу на улице было много, европейцев она не встретила — чужие запахи, чужие слова, как будто люди не говорят, а притворяются людьми. Лена прижимала к груди сумку, в которой были все ее ценности — документы, деньги и разведенный порошок, разлитый в несколько флакончиков из-под валерьянки. Так было надежнее. Там лежала и записка от Николая с инструкциями; конечно, ее давно надо было сжечь и прах развеять по ветру — но Лена не смогла, Николай словно разговаривал с ней оттуда. Стеснялся, что находится в таком виде, в смысле мертвый, но что поделаешь — он же не виноват?

Она почему-то представляла себе, что агентство будет прохладным, солидным, с мягкими креслами и столиками. Но там было, как у нас в областном центре, жарко, под потолком поскрипывали фены, небольшая очередь у окошек, где билеты на внутренние линии. Лена купила билеты туда, но не стала покупать обратный билет, хоть это было дешевле — она же не знала, где и когда она отыщет свои маковые поля. Она взяла билет до Чиангаре, это город на севере, откуда можно добраться до границы. Ей нужны приграничные районы — Золотой треугольник, это место, где сходятся границы Бирмы, Таиланда и Лаоса, самые дикие места, горы, водопады и горные племена. Ну, вы знаете, вы читали. Там правят жизнью местные наркобароны. Они игнорируют местные законные власти. Лена подозревала, что все не так просто, тем более со стороны Таиланда, который борется с наркотиками. Но самой понять можно будет только на месте.

Лена потеряла в кассе около часа и была довольна тем, что сама разобралась в расписании и получила тот билет, который хотела. И у нее еще осталось достаточно долларов, чтобы добраться до границы и оттуда — домой. И еще кое-что купить для Борьки.

Она чуть не заревела, когда поймала себя на такой простой и банальной мысли. На ужасной мысли. Ей показалось, будто Борис жив.

На улице стемнело — быстро неслись грозовые тучи. Стало очень душно и мрачно. Люди поспешили скорее закончить дела и спрятаться от дождя.

Как же так — в это время года дожди уже кончаются. Наверное, это связано с общими изменениями в климате. Вот спросить бы сейчас вон того странного человека в черном костюме и галстуке с маленькими слониками, что он думает по поводу этого дождя, и он ответит — природа совсем с ума сошла. Это все атомные испытания и промышленность. Наверняка у них такие же газеты, как и у нас. И тоже пугают.

Когда Лена вернулась в гостиницу, немцы уже рассосались по номерам и их место заняла одна большая европейская семья; там было столько детей, мужей, жен и любовниц, что казалось — это целый автобус из одного города, все были похожи друг на друга. Говорили они по-французски и могли быть французами.

Лена на всякий случай не оставляла ключа у портье, чтобы не привлекать к себе внимания — в конце концов, ее могли выследить в Москве, если у них на аэродроме были свои информаторы. А почему бы и не быть? Аэропорт — самое удобное и нужное место для наркобаронов. Это их храм.

Лена обошла французскую семью, которая галдела, как возбужденный и даже озлобленный пчелиный рой. Она поднялась на третий этаж на лифте, который как раз стоял внизу с открытыми дверями.

Все складывалось как нельзя лучше.

Но так нельзя думать, особенно если ты находишься в сложном и опасном положении, особенно если ты совсем одна на свете.

В коридоре горел яркий свет, ковер под ногами был мягким, розовым, хорошо очищенным — от него даже пахло шампунем.

Лена стала отпирать дверь, а дверь не отпиралась — почему-то ключ не хотел поворачиваться. Ей бы уйти, а она продолжала упрямо бороться с ключом, злясь на него и на тайцев, которые не умеют делать нормальные ключи.

В конце коридора показались первые из французов, коридор откликнулся на их появление эхом. Лена с горя толкнула дверь, и дверь открылась. В комнате было очень светло — она еще утром подняла жалюзи, и солнце светило, как на веранду. Но окно было закрыто, потому что работал кондиционер.

Лена шагнула внутрь.

Из коридора несся семейный французский гул.

Кто-то толкнул Лену так, что она чудом не упала — а может, не толкнул, а ударил, но, видно, сам был растерян и разозлен французским нашествием и спешил уйти. Этот человек — Лена от неожиданности не успела разглядеть его — дернул за сумку, но она крепко ее держала.

Дверь хлопнула. Лена стояла, опершись о стену спиной, комната была разорена, перевернута, растерзана до ниточки.

Лена совсем не испугалась.

Она была к этому готова, хотя не знала, конечно, в какой форме проявятся ее враги. Но они должны были проявиться.

По крайней мере теперь не на что надеяться.

Надо бежать.

Лена не стала трогать чемодан. Она положила в свою сумку нижнее белье, шампунь, крем, еще какие-то мелочи.

Человек, который искал средство Николая, был уверен в себе, ничего не боялся, и если бы не эти шумные французы, может быть, теперь ее и на свете уже не было. А может, ему не велели ее убивать, а только отыскать поппифаг и бумаги.

А может, это был русский? Тайцу труднее разобраться в наших бумагах.

Лена посмотрела на часы.

Она в номере три минуты. Это правильно. Больше у нее времени нет.

Лена вышла из номера, закрыла за собой дверь и взяла ключ, который, впрочем, никому не был нужен — эти люди умеют входить в номера без ключей.

Она спустилась по лестнице и остановилась на последнем пролете, глядя вниз, в холл.

Впрочем, что она может понять? Разве этот бой в мундирчике не может быть их агентом? Или носильщик постарше, тоже в мундирчике? Или сам портье? Или вон тот турист, который читает газету?

Никакой группы возле стойки не было — но ждать нельзя.

В приключенческих романах героиня пробегает подвалами и через кухню, потом через задний ход... но откуда Лене знать, где здесь задний ход и где кухня?

Ничего не оставалось, как спуститься по лестнице.

Никто не обратил на нее внимания. Если не считать отколовшегося от французской семьи длинного подростка с блудливым взором, который смотрел на ноги Лены. Ноги у нас красивые, пускай смотрит. Вряд ли они купили такую большую семью. Вернее всего — это личный интерес.

Лена даже нашла в себе силы вежливо улыбнуться сорванцу, хотя не была уверена, получилась ли улыбка лучезарной.

Ну что ж, сумка через плечо, босоножки, лучезарная улыбка — мы отправились в музей.

Главное — не задерживаться. И не смотреть, какая машина за тобой двинется по улице.

Для этого надо повернуть налево — тут широкий пешеходный проход, крытый, и сейчас по стеклянной крыше молотит густой дождь. Народу здесь немного, но впереди улица, по которой течет густой поток тайцев.

Только не надо оборачиваться, Елена! Если они за тобой идут, тебе все равно не убежать.

Лена увидела открытую дверь в магазин, который торговал сувенирами. Там были медные фигурки, длинные гнутые металлические курительные трубки, кривые кинжалы и всяческая чепуха, на которую Лена и не посмотрела бы в нормальном состоянии. Хотя, может, кинжал пригодится?

Она попробовала кинжал. Он был или из цинка, или из алюминиевого сплава, даже муху им не убьешь. Изящная женщина, даже в полутьме видно, как она накрашена, чтобы скрыть следы бурной молодости, подошла поближе, как заговорщица. Она посмотрела на Лену и сказала:

— Нет, вам это не подойдет. Вам нужен настоящий крис, чтобы его убить.

Лена поняла шутку и тоже улыбнулась.

Хозяйка отошла на несколько шагов. Она не хотела мешать.

Лена не удержалась и посмотрела сквозь витрину. Никто не заглядывал снаружи.

Это было отвратительно. Ну хоть покажитесь! Я хочу знать, кого мне бояться.

Никто не смотрел на витрину. Преследователи таились где-то поблизости.

— Спасибо, — сказала Лена.

Она вышла наружу. Дождь перестал молотить по стеклу, и небо стало голубым.

Лена пошла на соседнюю улицу. Она встала на краю тротуара, и когда такси притормозило, приглашая ее сесть, она отмахнулась от него. Где-то она читала, что разведчик никогда не садится в первое такси — ни на стоянке, ни на улице.

Второму такси, которое и не собиралось останавливаться, Лена помахала сама и быстро влезла внутрь. Такси было старым, сиденья кожаные, потертые, не совсем чистые, пахнет жареным салом и одеколоном. Толстая спина шофера в футболке покачивалась в ожидании.

— Аэропорт, — сказала Лена. — Дон Маунг. Хау мач?

— Три хандред батс, — сказал шофер.

— Уан хандред, — сказала Лена, хотя ей хотелось согласиться — только бы он помчался. Но согласиться на бессмысленно высокую цену тоже нельзя — потеряешь лицо.

— Но гоинг, — сообщил шофер и сделал вид, что открывает дверь машины, предлагая Лене выйти.

— Уан фифти, — быстро сказала она.

— Ту фифти.

— Ту хандред, — сказала Лена окончательно.

— Ту хандред, — согласился водитель. Он обернулся, лицо было круглым, как спина, только без футболки. Лицо было добрым и красивым. — Ту хандред, — повторил он снова, как бы колдуя и не веря пассажирке.

Лена знала, что больше полутора сотен давать не следовало.

Но она спасла лицо.

Машина ехала ни шатко ни валко — еще не наступил час пик, и только взбираясь на эстакады между беско-

нечными строительными площадками, такси застревало в потоке других машин, автобусов и мини-такси, переделанных из мотороллеров, — тук-тук, так они назывались.

Время от времени Лена оглядывалась. Но разве поймешь, следят за тобой или нет? Сначала ее встревожила красная машина с открытым верхом. Водитель был в черных очках и желтой майке с черным драконом. Но потом машина куда-то свернула. Сзади пристроился автобус.

До аэропорта добрались за час.

Стойку Лена нашла быстро, зарегистрировалась, а потом отошла в тень, издали глядя на других пассажиров. Но ничего не смогла понять.

В самолете она задремала. Самолет был обычный, словно она летела в Симферополь. Небольшой, полный народа, много детей и вещей — обычный самолет.

В Чиангаре на аэродроме ей объяснили, что в Чианг Саен можно полететь завтра с утра. Но лучше ей поехать туда автобусом. А пока можно переночевать — есть отель рядом с аэродромом.

Но Лена уже привыкла делать не то, что ей советовали. Главное — нарушить обычный порядок вещей. Она снова взяла такси — благо было недалеко от города, и отправилась в недолгое путешествие. Таксист спросил:

— В Боонбундан? «Рама» хотел?

— Нет, — сразу ответила Лена.

Таксист был удовлетворен.

— Боонянг, — сказал он. — «Вианг инн», правильно?

И Лена согласилась.

Таксист молчал, Лена смотрела в окно. Дорога шла между зеленых полей, на некоторых урожай был убран. В квадратах, залитых водой, стояли по щиколотку буйволы, на их спинах сидели изящные маленькие белые

цапли, которые с грацией избалованных гурманов время от времени наклонялись, чтобы выклевать из шерсти червячка.

Город был средних размеров — но настоящий город, только куда более спокойный и мирный, чем Бангкок. Приятный город.

Дорога вела по берегу большого озера. Близился закат, солнце опускалось за холмы. Лена увидела высокую пагоду — изящную и женственную. Она была самым экзотическим предметом в Чиангаре.

Никто не обращал внимания на такси, в котором ехала женщина из города Веревкина Тульской области, чтобы нанести удар по наркомафии — бред да и только! Ну кто в это поверит? Впрочем, эта самая наркомафия больше чем поверила. Я правильно делаю, Коля?

— Простите? — сказал таксист.

— Нет, это не вам, — сказала Лена.

Гостиница оказалась обыкновенной, современной, небогатой — и это было хорошо. За окном номера росли высокие пальмы, незнакомая золотистая с хохолком птичка сидела на подоконнике. Окно было открыто, и воздух был куда свежее и чище, чем в Бангкоке. Господи, видела бы меня мамочка!

На мостовой, на посыпанной красным гравием дорожке стояли три женщины в открытых сарафанах и разговаривали по-русски. Разговаривали громко, не стесняясь тайцев, и говорили, конечно же, о покупках, о том, что кожи настоящей здесь нет, а одну из них, Веронику, черненькую, худенькую, обхамил вчера один чернозадый, наверное, принял за проститутку.

Лена поймала себя на том, что замерла у окна, потеряла счет времени и ей интересно, кто что из женщин купил, какой у них паршивый гид, а сама Лина-люкс, видно, хозяйка фирмы, которая командовала поездкой,

наживается бесстыдно на бедных бабах. А второй, толстой, веселой, хамоватой — Лена так и не поняла, как ее зовут, — хотелось поговорить о каком-то Севе, который обращает на нее внимание, но не в том смысле, как ей того бы хотелось, хотя их теперь могут похитить. Обе собеседницы возмутились, но не убедительно, видно, не возражали против похищения.

Значит, в отеле остановилась русская туристическая группа, которой не сиделось в Бангкоке и захотелось настоящей экзотики. И в этом нет ничего удивительного, потому что русские группы теперь шныряют по всему миру. Ничего удивительного, если забыть о погроме, который ее недруги устроили в Бангкоке. Она думала, что убежала от них, но если подумать трезво, а не быть паникующей курицей, то станет ясно, что найти блондинку из России ростом в метр семьдесят шесть сантиметров, худую, гладко причесанную, которая наверняка направляется на север и будет разыскивать плантации опиумного мака, легче легкого. Тем более если ты наркобарон с неограниченными средствами.

Ты можешь даже отправить из России туристическую группу и внедрить в нее своего человека. Зачем одного? Всю группу составить из своих людей!

Лена отпрянула от окна — а вдруг они посмотрят наверх?

И тут же себя осадила.

Она перебарщивает. Такие совпадения бывают только в романах.

Кто мог знать, что Лена отправится именно в эту гостиницу и именно сейчас? А они ведь приехали сюда раньше — туристы как туристы.

Впрочем, лучше всего спуститься вниз и познакомиться с ними.

Хорошо сказать себе это, но труднее в самом деле заставить себя взглянуть на соотечественников, среди которых может оказаться твой будущий убийца.

Может, отыскать автобус? Где останавливаются автобусы к Золотому треугольнику?

Лена знала, что Золотой треугольник — это городок Соб Руак, который лежит в том месте, где речка Мае Сай впадает в великий Меконг. К северу от речки начинаются холмы Бирмы, к востоку лежит Лаос, за спиной — Таиланд. Там правят наркобароны, богатейшие люди планеты, большей частью китайцы или шаны... А она даже не знает, как туда добираться.

Ничего не оставалось, как спуститься вниз.

Спросить об автобусе или такси у портье.

Сейчас уже вторая половина дня, неизвестно, как часто туда ходят автобусы.

Лена хотела бы переодеться, но она смогла лишь вымыться и постирать белье. Она повесила трусики и лифчик на перилах балкона. Русские женщины ушли. По улице шел самый настоящий слон. Ни он, ни прохожие не делали из этого сенсации. Ну слон, ну идет. Что такого? На слоне какая-то сбруя, а на сбруе сидит голый до пояса мужичок и погоняет слона бамбуковой палочкой.

Портье посмотрел на Лену скучными глазами человека, которому известны все тайны мира. Она не успела и рта открыть, как он, не меняя интонации — словно автоответчик в телефоне, — сообщил, что автобус на Соб Руак, куда госпоже, разумеется, хочется попасть, отходит утром, он идет через Чианг Саен, билет стоит тридцать пять бат, дорога занимает два часа, если не попадете в засаду — говорят, что спецчасти ловят какого-то бирманского бандита. А может быть, бирманский бандит сводит счеты со спецчастью — вы же знаете; какие они!

Лена подозревала, какие они. Она послушно кивнула. Ей не понравилось, что портье так быстро сообразил, куда она стремится. Сейчас надо спросить, а далеко ли оттуда до маковых полей, но Лене не хотелось показаться полной идиоткой.

— И много людей ездит в Соб Руак? — спросила Лена.

Портье сделал странный неопределенный знак рукой, и, проследив за движением руки, Лена увидела четверых молодых людей в камуфляже, с рюкзачищами за плечами. Длинные космы спускались до плеч.

— Им, — сказал портье, — нужен героин, представляете?

Лена послушно кивнула.

— А вот этим, — портье показал на стайку американских бабушек с фиолетовыми волосиками, — нужна романтика. А вам?

— Я любопытная, — сказала Лена.

— По крайней мере честно, — ответил портье. — Но уверяю вас, что ничего, кроме сувенирных лавок и бирманских диссидентов, вы там не найдете.

— Не говорите, — вмешался молодой человек комсомольского вида, словно сошедший с плаката, который призывает на стройки коммунизма, а вовсе не в чащу наркотического леса, — не говорите так, я там был в прошлом году и могу гарантировать — впечатления незабываемые.

Он обращался к Лене, и она ничего не успела ответить, лишь сделала неуверенное движение, чтобы отойти в сторону, но от молодого человека так легко не отделаешься. Тем более что говорил он по-русски.

— Вася, — сказал он, — просто Вася. Родители наградили меня крестьянским именем, чтобы я сблизился с народом.

Вася откинул назад длинные волосы. Жест был отрепетированным и привычным. Он себя ценил и любил.

— Лена.

— Путешествуете одна или с супругом?

— Одна.

— И еще не решили, как добраться до Соб Руака? Вы романтик?

— Последний романтик, — сообщила Лена.

— Чудесно. Вы отважная русская девушка. Хотя среди землепроходцев не было дам, я отдаю вам сердце.

Глаза у него были очень светлые. Голубые прозрачные отмытые глаза. С плаката.

— А вы что здесь делаете? — спросила Лена.

— Лично я?

— Я поняла, что здесь целая группа.

— А я ее вождь, — сказал Вася.

Чистая белая футболка хорошо обтягивала его грудь, и видны были все детали его мышц.

— Вы — гид?

— Лицо, приближенное к самой Лине-люкс, вам что-нибудь говорит это имя?

— Ничего не говорит.

— Как насчет чашки кофе или бокала пива? Фирма платит.

И в самом деле не имело смысла стоять у стойки. Подходили люди, отель оказался оживленным — и куда только не забираются люди, чтобы увидеть нечто такое, чего дома им не дают!

Бар, в котором они пили прохладное пиво, был полутемным, под потолком медленно, чуть поскрипывая, кружились громадные белые крылья фена, словно там за потолком скрывался пикирующий бомбардировщик старых времен.

К пиву подали соленые сандвичи, Лена вспомнила, что давно не ела.

Вася был журналистом, но решил повидать мир, пока свобода на Руси не рухнула окончательно. Вот и нанялся

в туристическое бюро к мадам Лине, у которой есть голова на плечах и она знает, что за знания надо платить. Так что ему, Васе, удается посмотреть мир и даже при этом немного заработать. В последние полгода он осел в Таиланде, в Бангкоке, здесь оживленное место, сюда тянет новых русских на секс-туризм, а забота Васи заключается не только в том, чтобы показать Изумрудную пагоду или королевский двор и, уж конечно, не музей — он должен знать все о приличных и неприличных притонах для холостяков и стараться спасти соотечественников от заразы — уж чего-чего, а СПИДа здесь достаточно.

Вася говорил легко, ему нравилась Лена, он не скрывал этого и сразу начал ухаживать за ней, так как был уверен в себе и в том, что любая из туристок, пожелай он, бросится к нему в постель. Лена не стала с ним пока спорить, но у нее отлегло от сердца — весь ее опыт, вся интуиция показывали, что этот человек не следит за ней, что он не имеет никакого отношения к наркобизнесу — он и есть тот, за кого себя выдает. Даже мышцы не настоящие, накачанные насосом. Пустой номер, последыш комсомольского племени.

— Чего одна полетела? — После второго бокала пива он перешел на «ты». — Бабок куры не клюют?

— Я любознательная, — сказала Лена.

Он положил ей на руку пальцы с хорошо остриженными ногтями.

— Ты во всем любознательная?

— Разве угадаешь? — Лена улыбнулась. Она его не боялась.

— Значит, завтра едем вместе, — сказал он уверенно. — Полсотни батов сэкономишь, разве не дело? Камешек купишь. Я тебе скажу, где там покупать.

— А наркотики там продают?

— Непохоже, чтобы ты была на игле.

— А я не на игле. Но начитанная.

— Конечно, можно раздобыть. Но я не советую. Здесь с этим строго. Недавно одну австралийку взяли в аэропорту. Я фотографию видел — чудесная девушка, ей бы мужиков любить, зачем польстилась? Расстреляли. Чтобы другим неповадно было.

— Знаю, — сказала Лена. — По телевизору показывали. Сериал.

— Вот именно. Так что давайте еще по стаканчику пива и отдыхать.

Он совершил неубедительное движение, словно ищет деньги, потом спохватился:

— Черт, кончилась мелочь, а крупные в сейфе. С собой не ношу.

— У меня есть, — быстро сказала Лена. Ей бы раньше догадаться.

Но зато теперь сомнений не оставалось — таких крохоборов ее враги держать не станут. Впрочем, почему она к нему так жестока? Он ее угостил, теперь ее очередь.

Они выпили еще по высокому бокалу, потом в бар пришли две женщины, из туристок, и с ними пьяный старикан, как объяснил Вася, бывший дипкурьер, который решил перед смертью поглядеть наконец на страны, в которых он многократно бывал, да все недосуг оглянуться — надо было денно и нощно беречь мешок с почтой.

Женщины были из тех, кто разговаривал под окном. Они вовсе не удивились появлению Лены — они уже всяких соотечественников нагляделись.

Лена сказалась уставшей, хотя было совсем не поздно, и попрощалась.

Вася туманно сказал:

— Увидимся, — чем Лену несколько встревожил.

Когда она выходила, то увидела, как в самом темном углу бара вспыхнула зажигалка — Лена напряглась, готовая бежать. Огонек осветил тайское лицо — скуластое, смуглое, с большими черными глазами. Человек внимательно смотрел на Лену, не обращая внимания на горящую зажигалку.

Лена не пошла в номер. Если кто-то следил за ней, он ждет, что она окажется одна.

Она заметила выход на веранду — в стороне от главных дверей. И быстро прошла туда. На веранде сидели люди, пили коктейли, в основном тайцы, но среди них было несколько европейцев. Лена старалась понять, следит кто-нибудь за ней или нет. И не поняла.

Вечерняя улица была красива. Солнце отражалось в мягкой невесомой пыли и заполняло красным светом весь этот мир. Белая пагода, что стояла неподалеку, казалась розовым зонтиком, воткнутым ручкой в землю.

Лена прошла к реке.

Она остановилась на покатом берегу — вода в реке была золотой, по ней медленно плыли лодки. Люди в них были неподвижны, словно вырезаны из черной бумаги. Воздух был очень теплым, но нежил, не обжигал.

На том берегу в дымке поднимались лиловые горы — может, это другая страна? И ей предстоит подниматься на одну из гор по узкой тропинке...

И тут как ударило: в сумке драгоценности.

Предчувствие заставило прижать сумку к груди.

И вовремя.

Какой-то парень в майке и черных брюках — лица не успела разглядеть, да и плохо она отличала тайцев друг от друга — так сильно дернул к себе сумку, что Лена потеряла равновесие и чуть не грохнулась на землю.

Грабитель еще раз дернул — сильнее.

Он одолел Лену — сумка выскользнула из ее рук, и в пальцах осталась пустота.

Пока Лена пыталась понять, что случилось, грабитель уже успел отбежать на несколько метров и превратился в силуэт, подсвеченный солнцем. Он несся, как в кинофильме — мелко и часто перебирая ногами.

Ощущение безнадежности охватило Лену — как ударило в сердце.

Сначала Николай, потом Боря... теперь ее очередь.

Лена не бежала, а шла за грабителем, с каждым шагом отставая.

Но некто другой побежал.

Лене хотелось подбодрить помощника — но ведь интеллигентные люди не кричат на улице?

Пускай догонит!

Два силуэта неслись на фоне оранжевого неба. Люди останавливались и смотрели вслед. Но никто, конечно же, не вмешивался.

Преследователь догнал вора. Его силуэт изогнулся над упавшим на землю силуэтом вора. На расстоянии не было видно — а что же с сумкой?

Сейчас он возьмет мою сумку и уйдет, подумала Лена. Она не могла допустить, что эта жуткая история имеет хороший конец.

Но случился хороший конец.

Вася возвращался с сумкой в руке... нет, это не Вася. Это тот человек, который следил за ней в баре.

Он был в черных брюках — здесь очень любили черные брюки — и в рубашке военного вида защитного цвета.

Не молод. Впрочем, и в возрасте Лена не была уверена. Он был ниже ее ростом, но это не ощущалось, потому что таец был строен, широколиц и держался прямо — Лена сразу подумала, что он вернее всего военный.

Он протянул Лене сумку.

Господи, бывает же в жизни везение.

— Ой, спасибо, — сказала она, и голос ее прервался от накопившихся в глотке слез.

— Не расстраивайтесь, — сказал военный. У него был птичий говор, его английский было трудно понимать. — У нас много воров. Но я рад.

— Почему? — Лена держала сумку обеими руками.

— Я рад, что этот инцидент дал мне возможность познакомиться с вами.

Черт знает что — надо его осадить, этих тайцев следует осаживать, иначе они тебя посчитают за проститутку. Но как можно осадить этого сержанта?

— Спасибо, — сказала Лена.

— Вас проводить в гостиницу?

— Мне нравится здесь, — сказала Лена. — Здесь очень красивый закат.

— О да, — согласился сержант, — здесь очень красивые закаты. Вы туристка? Вы едете в Золотой треугольник?

— Как вы догадались?

— Вы из России?

— Да.

— Наши парни в прошлом веке учились в русских военных училищах, — неожиданно сообщил сержант.

— Я читала об этом, — сказала Лена.

— Вы знаете об этом?

— Я учительница в школе.

Она не стала говорить, что преподает физкультуру.

— Я бы не сказал, — сержант улыбнулся — у него были хорошие настоящие зубы. Странно для мужика в сорок лет. — Я бы сказал, что вы фотомодель.

Лена расстроилась. Немного, но расстроилась. Она была обязана этому сержанту спасением своей жизни, а оказывается, он решил ухаживать за ней.

— Я смотрел на вас в баре, — сказал сержант. — Вы отстали от группы?

— Почему вы так думаете?

— Группа приехала вчера. А вы сегодня. Но вы знакомы с мистером Нестеренко.

— Кто это такой?

— Базиль, ваш гид. Я его знаю.

— Нет, я не с этой группой, — призналась Лена. Благо сержант всегда может узнать правду. — Но я завтра поеду с ними на автобусе.

— В Соб Руак? — спросил сержант.

— Конечно. Ведь там Золотой треугольник?

— В Соб Руаке туристы и лавочки сувениров. Это не настоящее место — это Голливуд.

— Голливуд?

— Много декораций. Фанера.

— А есть другое место?

— Есть лучше места. Мае Сай. Я туда еду завтра в семь утра.

— Это далеко?

— Это недалеко, но немного в другую сторону. Если вы хотите, я вам все покажу. Там есть школа слонов. Вы знаете, как долго учат слонов?

— А почему все туристы едут в Соб Руак?

— Там удобства, там сувениры. Разве непонятно? Там можно подвести к речке и показать пальцем — вон страшные военные вожди! Они никого не боятся, они выращивают мак и продают героин.

— А на самом деле?

— Если вы хотите, я вас возьму в Мае Сай, и вы побываете в Бирме.

— А разве можно?

— Если очень попросить, то можно.

Лена опомнилась — они стояли на открытом месте, люди, проходя, смотрели на них. Солнце село, и все вокруг стало синим. Только бесцветное зеркало реки, казалось, источало собственный свет.

— Пора в гостиницу, — сказала Лена.

— Будьте осторожны, — сказал сержант, — здесь очень много воров.

— Как вас зовут? — спросила Лена.

— Наронг, — ответил сержант. — А вас? Елена?

— Вы знаете?

— Я за вами слежу. Вы мне нравитесь, — сказал сержант.

— Спасибо за помощь, — сказала Лена. — Вы меня спасли.

— Я рад, что мог вам помочь. Значит, вы запомнили? Семь часов. У меня джип, ничего особенного. Но доедем быстро.

— Спасибо, — сказала Лена и решила, что ни за что в жизни не воспользуется приглашением сержанта.

Сержант прошел в гостиницу следом за ней и скрылся в баре.

Лена поднялась к себе.

Она положила сумку на кровать. Какая красивая, какая чудесная сумка.

Лена пошла в душ и нежилась там полчаса, не меньше. По крайней мере Вася уверял потом, что стучался и не смог добиться ответа. Сумку Лена повесила на гвоздь в душе, чтобы не спускать с нее глаз.

Вася заявился снова, как только Лена покинула душ. К счастью, у нее был с собой халатик.

Она вышла из душа, вытирая волосы и потому покрытая полотенцем, как греческая плакальщица. Не сразу увидела, что в уютном кресле устроился красавец мужчина.

— Не запахивай халатик! — взмолился он. — Ты хороша под ним сказочно.

Лена кинула в него полотенце, она не хотела, чтобы это получилось игриво.

— Не суетись, — сказал он. — Я приду к тебе позже, а сейчас я хочу пригласить тебя.

— Куда?

— Ты совершенно незнакома с местной ночной жизнью. Мы с тобой пойдем в ночной клуб. Ты танцуешь? Конечно же, ты танцуешь!

— Я не танцую.

— Ну не могу же я сейчас прямо заваливать тебя на койку без красивых слов и объятий!

— Но с чего ты решил, что я этого хочу?

— Не хотела бы, сидела дома, — рассудительно ответил комсомольский вождь.

— Уйди, пожалуйста, — попросила она. — Ей-богу, спать хочется.

— Со мной?

— Без тебя.

— Может, ты нашла мужика получше?

— Что ты имеешь в виду?

— Местного бандита. Я видел, как вы по берегу гуляли. Но я бы на твоем месте был с ним поосторожнее. Мне его морда знакома. Точно знаю — где-то я его видел. Убьет — костей не соберете.

— Он меня не испугал.

— Знаешь, что сказал паук маленькой мушке? Он сказал ей: добро пожаловать в мою спаленку. Это английская поговорка.

— А чем ты лучше? — спросила Лена.

— Я лучше. Я, так сказать, русскоязычный бабник. Я не болен СПИДом.

Руки его никак не могли успокоиться, пальцы ну просто метались над коленками. Он был не уверен в себе.

— Иди в бар или в какой там хочешь ночной клуб. Я сплю.

— Я везу тебя бесплатно на автобусе.

— Я заплачу тебе, зайчик, — сказала Лена.

В ее «зайчике» не было ничего ласкового.

— Хорошо. — Вася попытался сделать хорошую мину. — Я пойду погуляю, только умоляю — не запирай дверь. А то мне придется перебудить всю гостиницу.

— И не надо будить.

Вася был раздражен. Он легко краснел.

Он поднялся.

— Не надо меня обижать, — сказал он высоким голосом. — Родина далеко, Родина не услышит. Подумай, на что ты нарываешься, Елена.

Лена легонько подтолкнула его к двери.

Он показал на замок.

Лена заперла дверь. Конечно, он может завтра отомстить. Не возьмет ее на автобус. Но если за ней здесь следят, то, конечно же, они знают, что она собирается ехать на автобусе. А она... она поедет с сержантом. Если выбирать из двух зол... Впрочем, сержант пока злым себя не показал. Ведь не случайный же воришка напал на нее у реки. А если бы сержант был один из них — какого черта он возвратил ей сумку?

Она рискует? Она рискует здесь все время, каждую секунду. Она ведь не живая. Ей только кажется, что она живая. Она — рыба-кета, которая должна иметь икру, а там — что будет.

Лена все это понимала умом, но ее молодое и вполне жизнеспособное тело категорически возражало.

Она легла спать в трусиках, лифчике и халате. Она не хотела рисковать — хотя разве это помогает?

Окно было открыто — в этой гостинице без кондиционирования можно было и умереть.

Лена осторожно выглянула наружу — выключила свет и выглянула. Узкий балкон примыкал к ее комнате, под ним был обрыв — в три этажа.

Лена легла и думала, что не заснет. Она подумала, что сумке под подушкой быть плохо — сразу догадаются, если придут.

А куда еще положить?

Под шкаф?

На шкаф! На шкаф они полезут потом, когда остальное проверят.

Фен под потолком скрипел как астматик — с придыханием и шумом.

Она не подумала, не догадалась, что узкий балкон, который тянется перед ее номером, продолжается и перед прочими номерами на этом этаже. Надо бы догадаться.

И только задремала — а ведь задремала, — как почувствовала, что в комнате кто-то есть.

Сначала она замерла. Может, показалось?

Но, приоткрыв глаза, увидела, как некто влезает в комнату с балкона. Это был мужчина.

Надо позвонить портье. Или бежать к двери. Но дверь заперта.

Секундное колебание все погубило.

Мужчина, горячий и потный, уже сорвал с нее простынку и попытался навалиться на нее, закрывая губами ее губы, прижимая их, придавливая руки — будто был опытен в насилии... А Лена сдуру возрадовалась, что это всего-навсего насильник, а не убийца и не грабитель.

Он оторвал на секунду губы и зашептал:

— Миленькая, дорогая, только не кричи, только не кричи, ты же будешь рада, ты получишь радость!

— Вася! — Спохватившись и сообразив, она стала сильнее и попыталась повернуться так, чтобы спихнуть его с постели, и ему пришлось все силы кинуть на то, чтобы остаться на кровати, которая отчаянно скрипела и даже визжала, недовольная тем, как обращаются с ее хозяйкой.

— Вася, не смей! Уйди, да уйди же!

Господи, как слабы резервы защиты у женщины, пойманной в кровати!

А он уговаривает! Он грозит. И грозит по делу.

— Ты только не кричи, ты закричишь — все, тебе в этой гостинице не жить. Ты думаешь, кто-нибудь меня обвинит? Да никто! Даже наши, туристы, тебя обсуждать будут. Полный позор, понимаешь?

Он даже перестал ее тискать, так загорелся ораторским порывом.

Она воспользовалась этим, чтобы еще более нарушить равновесие и столкнуть его с кровати.

Он рухнул на пол и грязно выругался. Но при том захихикал, будто они играли и он пропустил мячик в ворота.

Лена спрыгнула с постели и кинулась к двери.

Он недооценил ее. Они все ее недооценивают. Она же профессиональная спортсменка, вице-чемпионка Союза среди девушек по многоборью. Это значит, что она может перебегать, перепрыгать и переплавать подавляющее большинство мужчин на этой планете.

В два прыжка Лена достигла двери, стала поворачивать ключ, но Вася тоже был не из слабеньких — он рванулся за ней, настиг ее и потянул к себе. Он ругался и царапался, все более возбуждаясь от этой борьбы.

— Я тебя... я тебя... — бормотал он. — Я тебя! — объяснял вкратце, что он с ней сделает.

Все же ей удалось открыть дверь, дверь открывалась внутрь, и от этого ей было еще труднее, но, правда, Вася помог, потому что отрывал ее от двери, то есть помогал ее открыть.

Вдруг он сделал очень больно — ударил ее по шее, наверно, ребром ладони: забыл, что он мужчина, а она всего-навсего женщина, которую он полюбил.

Она начала лягаться, стараясь попасть ему пяткой в коленку. Он тянул ее назад и повторял:

— Только не кричи... не кричи, погибнешь, сука!

Она поняла, что ей не выбраться — он затаскивал ее обратно, но тут из яркого света, бьющего из коридора, возник еще один человек.

Он был черный, вернее, темный — силуэт против света.

Он подхватил Лену под мышки и легко приподнял ее вместе с прилепившимся к ней, как рыба-лоцман, Васей, и когда физиономия Васи появилась на свету, человек в дверях коротким и, видно, болезненным ударом своротил Васе челюсть. Вася охнул, совсем по-детски, и упал внутрь комнаты.

Лена встала, прислонилась к стене.

Ее спаситель оказался тайским солдатом, крупным словно европеец, скорее толстым и, главное, очень могучим.

Его мундир был обшит нашивками и увешан значками.

— Вери гуд, — сообщил он Лене.

— Спасибо, — сказала Лена.

Солдат подхватил бесчувственного Васю под мышки и потащил его по коридору. На ходу он сказал ей:

— Спать, спать, спать хорошо, больше не придет. Я буду тут стоять.

Лена подчинилась. Она закрыла дверь. Она поняла, без сомнения, что солдата поставил у ее дверей сержант Наронг. За что ему большое спасибо.

И не будет сержант Наронг нападать на нее по ночам, как пошлый Вася. Здесь встречаются благородные мужчины.

И с такой счастливой мыслью она заснула.

Проснулась почти сразу — так ей показалось.

В комнате было полутемно: горел ночник перед кроватью — она его не выключила или кто-то его включил?

В приоткрытой двери в желтой подсветке маячил силуэт солдата, при всем параде, даже в каске.

— Госпожа, — громко прошептал он. — Время.

Он выговаривал эти слова, словно вызубрил вечером и боится забыть.

Лена посмотрела на часы.

Половина седьмого. Ей надо сделать выбор — на автобусе с соотечественниками в известный всему человечеству «Центр Золотого треугольника» или с иноземным сержантом, тоже, разумеется, небескорыстным, от которого так легко, как от Васи, не отделаешься — у сержанта небось целый взвод под началом.

Но Наронг уже доказал, что способен ее защитить, а Вася не только не доказал, но и не докажет.

Если за ней следят, а за ней следят, то в семь утра они будут спать и не обратят внимания на сержанта. А вот в русский туристический автобус заглянут обязательно.

Видно, подсознательно Лена уже ночью приняла решение, потому что солдат еще не успел закончить свою краткую речь, как она побежала в гулкий, обширный, облицованный розовой плиткой туалет и запустила воду в душе. Когда еще удастся помыться горячей водой!

Лена быстро привела себя в порядок. Со времен спортивного детства она знала, как плохо последней подняться в ожидающий автобус, когда именно на тебя выплеснется утреннее раздражение.

Когда она вернулась в номер, солдат все еще стоял в полуоткрытых дверях, и Лена сразу выставила его в коридор.

Проверив, что дверь закрыта как следует, она сняла со шкафа пластиковый пакет с заветным зельем и записками Николая. Сунула на дно сумки, затем переоделась — третьей смены белья не будет. Надо вечером постирать.

Сумка была тугой — хоть и мало в ней вещей, но ведь чемодана нет. Леня взяла сумку и взглянула на бал-

кон. Ей показалось, что некто, возможно Вася, нет, скорее вчерашний грабитель, метнулся в сторону — значит, подглядывал. А может, показалось? Лучше бы показалось.

Лена вышла в коридор. Солдат улыбнулся ей, как долгожданной приятельнице. Она была чуть выше его ростом.

Солдат показал ей, куда идти, сам пошел сзади.

Но ни у лифта, ни у главной лестницы не остановился, подтолкнул Лену дальше, к винтовой лестнице, служебной, узкой, железной.

Они спустились куда-то в тартарары, по крайней мере у Лены было ощущение бесконечного кружения по серым ступенькам. Кое-где по стенам горели маленькие лампочки, забранные в сетки. Потом они прошли через пустой склад, сквозь строй ящиков и мешков, никто их не окликнул и не заметил.

Летучая мышь сорвалась с потолка и понеслась, суматошно ударяясь о стены, к выходу, будто спеша предупредить там, впереди, что идет Лена.

Они оказались на задворках гостиницы, солдат не закрыл за собой дверь. Он обогнал Лену, будто убедился в том, что она не убежит, и пошел впереди, сквозь непроницаемый в полумраке рассвета строй кустов.

Лена пошла за ним, кусты хватали за платье, за волосы, но через несколько метров кусты кончились, и они оказались на асфальтовой дороге, где стоял открытый джип, не то чтобы военного образца, но довольно старый. Сержант Наронг стоял возле него и курил длинную тонкую сигару. Он был в мундире — куртке и фуражке и форменных брюках, ботинки начищены.

— Вы быстро собрались, — сказал он негромко, как бы поощряя дрессированного медведя конфеткой.

— Я привыкла.

— Тогда поехали, — сказал сержант, показал ей место сзади, сам сел рядом. Солдат, который охранял Лену, сел за руль. Но никуда они не двинулись. И ясно почему — через несколько секунд из кустов выскочил еще один солдат, он нес два термоса и картонную коробку. Он положил добро в багажник, а сам сел рядом с первым солдатом.

Сержант больше ничего не сказал, солдаты и без него знали, куда ехать.

Так как Наронг молчал и солдаты молчали, Лена тоже молчала. И даже хорошо было молчать и чувствовать, что ничего тебе не угрожает, а у солдат есть автоматы.

По сторонам дороги росли кактусы — изгороди·кактусов, за ними бамбук. Сначала дорога была покрыта асфальтом и казалась темно-лиловой, потом джип съехал на грунтовую дорогу, и сзади джипа возникли почти непроницаемые клубы пыли, их пронзали горизонтальные лучи утреннего солнца, и где-то в пыли отчаянно брехали местные собаки — голоса у них были как у наших.

— Надо заехать в одно место, — сказал сержант.

Он дремал, повернув лицо к солнцу, и оно казалось бронзовым. Фуражка лежала на коленях.

Они въехали в деревню или поселок, джип затормозил у длинного одноэтажного дома, скрытого высокими деревьями с кронами, как у рыжиков. Сержант в сопровождении одного из солдат быстро зашагал к тому дому. Он не успел подняться на крыльцо, как из дома выскочили несколько военных в небольших, видно, чинах, которые вытянулись при виде сержанта.

Тот прошел в дом, лишь кивнув им, а военные задержались еще на секунду или две, разглядывая Лену.

И тут Лене пришла в голову мысль, что он нарочно приехал в свою часть, чтобы товарищи по оружию увидели, какая красивая женщина поднимается ради Наронга на рассвете.

— Наронг хороший? — решила она спросить у шофера.

Ее старый знакомый сверкнул зубами и согласился.

Тут солдат показал, как сержант умеет стрелять из автомата, и сам обрадовался, как это у него получилось.

Господин хороший сержант вышел из дома минут через десять.

За ним — военные. Они уже не глядели на Лену, и она подумала, что им за что-то влетело.

Наронг сел на свое место и сообщил:

— Все. Дела закончены. Можно говорить.

Солнце быстро поднималось вверх, запели многочисленные птицы, большие летучие мыши пронеслись прятаться в чащу леса. Справа была видна река, за ней — голубые холмы.

Лена повернулась к сержанту, ожидая, о чем же он будет говорить. Он заговорил об истории.

— Мы, тайцы, — сказал он, — пришли сюда почти тысячу лет назад. До нас здесь жили моны, у них было государство Дваравати. Великое государство Дваравати.

— А где вы жили? — спросила Лена.

— Мы жили в горах, мы жили в Сычуани. Мы покорили эти места. Вы знаете, что мы никогда не были ничьей колонией? Никто нас не смог победить, а наши короли были очень умные, они все обещали всем, а ничего никому не дали.

Тут сержант рассмеялся. И добавил:

— Хорошая женщина тоже должна обещать. И ничего не давать.

Снова пошел асфальт, машину мягко покачивало, Лену стало клонить в сон. Сержант говорил ровным, спокойным голосом, как проповедник, который приезжал в Веревкин, то ли из Москвы, то ли из Нью-Йорка.

Возможно, Лена заснула, но ненадолго. Когда сержант повысил голос, она сразу проснулась.

— Вам скучно? — спросил сержант.

— Нет, мне очень интересно. Только я плохо говорю по-английски и не все понимаю.

— А я учился в Австралии, — сказал сержант. — У нас есть университет, но нет хорошего военного образования. Мне так хотелось получить хорошее образование, и я уехал в Австралию. По обмену. К нам приезжают изучать буддизм, а мы учимся стрелять из пушек.

Сравнение развеселило сержанта.

— А вы учились? — спросил он, отсмеявшись.

— Я вам говорила, что я учительница.

— У вас есть муж?

— Мой муж умер. Погиб.

— На войне? В Афганистане?

— Нет, на работе. На него напали грабители.

— Он был полицейским?

— Нет, ученый.

Сержант не поверил. Но не стал спорить, а принялся рассказывать о том, что раньше русских здесь не было, и он знал только, что они победили Гитлера под Сталинградом, но потом много русских стало сюда приезжать, и у них, русских, свои сложные проблемы, среди них много преступников и даже наркоманов, знает ли Елена об этом?

Елена об этом знала.

Сержант оказался разговорчив, страшно начитан, по утрам читал газеты. Эта мысль Лены получила подтверждение в каком-то городке, который они проезжали через полчаса. Без приказания солдат подрулил к лавке, в которой торговали всем на свете, крикнул в полутьму лавки, и через полминуты оттуда выскочил хозяин, держа в руке тугой рулон газет. Джип тут же рванулся с места, и сержант принялся шуршать газетами.

Стало жарко. Лене еще не приходилось ездить по Таиланду без кондиционера и прочих удобств. Очевид-

но, осенью — не самые жаркие месяцы, но даже быстрая езда не спасала, так как горячий и пыльный воздух высушивал носоглотку, к тому же злые слепни или похожие на них хищники преодолевали поток воздуха, чтобы вонзить свои злобные жала в несчастную женщину.

Не прекращая читать, сержант вдруг спросил:

— У вас здесь враги?

— Почему вы так решили?

— На вас нападали.

— Сегодня ночью?

Сержант не ответил.

— Это мой соотечественник. Я ему понравилась. Он хотел большего, чем я способна была ему предложить.

Лена не была уверена, что правильно выразила свою мысль по-английски, но вроде бы сержант понял — он замолк и снова принялся шуршать газетами.

Лена понимала, что этот разговор не закончен.

Ведь недаром он поставил ночью солдата перед ее дверью.

— Кстати, — сказал сержант, — молодой человек, который напал на вас на берегу...

— Вор?

— Он не вор. Он из окружения генерала Лю.

— Что это значит? — Лена напряглась. И этот сержант тоже охотится за ее секретами?

— У генерала Лю очень большая сила, — сказал сержант. — Он очень важный человек. Большой человек. Он делает героин. Вот я и подумал — приехала одинокая молодая женщина, не хочет ехать к границе вместе со своими друзьями из Москвы. Хочет ехать с моим ничтожеством. На нее нападает сам Маун Джо, приемный сын генерала Лю. Очень много чести для туристки. Как вы думаете?

Лена многое думала об этой ситуации, но не собиралась делиться своими думами с тайским сержантом, который тоже вроде бы знает больше, чем ему положено.

Солдат впереди сказал что-то.

Лена увидела, что холмы разошлись и показался город. Так как дорога сбегала к нему покато, то он открылся зеленой панорамой, очерченной вдали широким простором Меконга — Лена уже узнавала его. Город когда-то был крепостью — был виден ров и остатки стен. Из зелени поднимались белые пальцы пагод, а одна, старая, похожая на пирамиду, встретила их у въезда в город.

— Это Чианг Саен, — сказал сержант. — Здесь мы повернем на запад. Хорошо?

— Отлично.

— У меня тут дела. Подождите меня в гостинице, в «Чианг Саен», на веранде. Попрошу не отлучаться.

Сержант был предусмотрителен, он поговорил с прибежавшим встретить его портье, и тот провел Лену в номер, где она смогла умыться с дороги.

Мужчина должен быть заботлив.

Постираю все вечером, подумала она. Чего сейчас мокрое белье в сумке везти?

Она сидела на веранде, громадные пышные деревья окружали ее, и между стволов был виден Меконг. Было относительно прохладно. Не спросив Лену, ей принесли высокий стакан, до половины набитый льдышками и наполненный подслащенным лимонным соком. Чудесно.

Ждать пришлось долго. Лена изгнала из головы все мысли, просто смотрела на реку. Она была как машина, которую надо включить. Она ждала, когда нажмут на кнопку.

Сержант Наронг пришел через два часа. Он даже не извинился.

— Я вымоюсь, — сказал он, — у нас в номере. Потом мы будем обедать. После обеда поедем дальше.

Шел одиннадцатый час утра. Обедом поздний завтрак можно было назвать лишь с большой натяжкой.

Еду им подали на веранде. Наронг был спокоен и предупредителен.

Лена подумала, он оговорился, сказав — наш номер, или в самом деле снял на несколько часов один номер на всех? И ничего дурного в виду не имел.

Когда обед был в самом разгаре — а он состоял из рыбных блюд (может, в Меконге водились такие крабы и креветки?) — к гостинице подъехал пыльный автобус. Из него вывалились русские туристы. Злые, потные, усталые. Конечно же, пока что они едут по одной дороге.

— Наши пути разойдутся через несколько миль. — Наронг угадал ее мысли.

Лена смотрела на своих без всяких чувств, она даже не сообразила, что они тоже видят.

Вася удивился, посмотрев на веранду. Женщины зашептались.

— Приятная встреча? — спросил сержант.

— Нет, — сказала Лена.

— Они вам не причинят вреда.

— А я их и не боюсь.

— Даже гида?

Вася отвел глаза и быстро прошел в гостиницу.

Конечно, лучше бы их не встречать. Они могут сообщить куда надо.

— Хотите, мы им устроим дорожное происшествие? — спросил сержант. — Ничего страшного, но они никуда сегодня не доедут.

— Разве это что-нибудь изменит?

Сержант посмотрел на нее с искренним сочувствием, она уже была его знакомой, не чужой.

— Ваши дела так плохи? — спросил он. И, не дождавшись ответа, продолжил: — Я осмотрел вашу сумку. И удивился. Ни одного адреса, ни денег — ничего интересного. Где вы храните ваши тайны?

Лена боролась с желанием тут же самой залезть в сумку и посмотреть, все ли на месте. И сержант, который умел угадывать ее мысли, сказал:

— Конечно, я ничего не взял. Это не в моих правилах.

Тогда Лена сказала:

— Может быть, пора ехать дальше?

— Почему?

— Я бы скорее доехала на автобусе.

— Вы бы никуда не доехали на автобусе, — уверенно ответил сержант.

У джипа Лене пришлось подождать своего спутника, который имел обыкновение исчезать без объяснений. Солдаты ждали его безропотно — такая у них служба.

Лена отошла в тень, к кустам, завидев большую оранжевую орхидею, пылающую на фоне темного ствола.

Вася выскочил, будто из-под земли.

— Не убегай, — прошептал он. — Я только хотел тебя предупредить.

Он стоял так, чтобы солдаты возле джипа его не заметили.

— О чем предупредить? — спросила Лена.

— Ты попала в ужасную ловушку.

— А тебе какое дело?

— Я здесь несу ответственность за всех российских граждан, — сказал Вася совершенно серьезно. — Не забывай, что у тебя есть Родина. А то некоторые наши соотечественники быстро об этом забывают, и это плохо кончается.

— Странно это слышать от тебя, — сказала Лена.

Страха не было — два шага, и солдаты увидят ее; да что шагать — достаточно повысить голос. Вася понимал это и продолжал горячо шептать:

— То, что разрешено между нами, русскими, совершенно запрещено с гражданами другой страны. Тем более с такими. Я боюсь за твою жизнь.

— Почему это вдруг?

— Да ты знаешь, с кем ты пьешь пиво и разъезжаешь в машине?

— Ума не приложу. Он какой-то военный. Он мне помог.

— Идиотка! Это сам полковник Наронг! Поняла?

— А я думала, что он сержант.

— Это заместитель начальника разведки Таиланда, который осуществляет контроль над наркотиками.

— Мне повезло.

— Кончай паясничать. Ты погибнешь! Ты не знаешь, какая у него репутация! Это убийца и садист. Нет преступления, которое он бы не совершил.

Сержант, а теперь полковник Наронг, который незаметно подошел совсем близко, спросил:

— Это русский язык? Это очень красивый язык. Я жалею, что не выучил его.

— Я — гид туристической фирмы, — сказал Вася и достал из верхнего кармана рубашки визитную карточку. — Я привез сюда группу.

— Мне все известно, — сказал полковник с мягким акцентом. — Мне известно, какой вы гид и какую должность исполняете в русском посольстве. А сейчас вы, если не ошибаюсь, предупреждали госпожу Лену, что я — изверг. Я угадал?

— Я не говорю о политике, — сказал Вася. — Мне нужно было только узнать, где наша гражданка будет находиться в ближайшие дни. Наше посольство настойчиво требует информации о наших соотечественниках в Таиланде.

— Очень приятно. Я также забочусь о безопасности иностранцев. Пошли, Елена?

Лена пошла за ним, не оглянувшись на Васю. Тот молчал. Она спиной чувствовала его злой взгляд. Ну вот,

теперь Аскольд и его друзья точно будут знать, где ее искать. Впрочем, она ведь не сказала, куда едет. А он не успел спросить.

— Ты не сказала, куда едешь? — спросил Наронг.

— Нет. — Вот и опять он угадал ее мысли.

— Тогда поехали.

Джип рванул с места, и путешествие продолжалось.

Теперь дорога шла по берегу Меконга. Жара разгулялась самая настоящая. Вот они — тропики!

Некоторое время полковник молчал. Вот теперь придется привыкать к тому, что ее милый сержант оказался полковником, садистом и еще начальником какой-то разведки. Впрочем, видно, судьба ее ведет — если кто-то сможет ей помочь, то это, конечно же, Наронг.

— Далеко еще ехать? — спросила она.

— Через час будем на месте.

И в самом деле через час джип подкатил к очередной стайке бунгало, но над ними поднимались лесистые горы и не было привычного Меконга.

Воздух был свежее, пыль пропала, гестхауз назывался «Чад», на этот раз полковник оставил с ней одного из солдат, который и занялся устройством в гостинице.

Лене досталось бунгало — деревянный ящик на невысоких сваях, с собственной верандой. В бунгало было несколько комнат, солдат показал ей ее комнату, еще одна досталась полковнику.

Воздух в Мае Сай был свежее, чем в долине, холмы подступали совсем близко и были затянуты дымкой. Полковник сказал, что там — Бирма. Там еще идет гражданская война, о чем Лена и без него знала.

— У тебя есть деньги? — спросил он.

— Есть.

В английском языке нет разницы между «вы» и «ты», но для себя Лена поняла, что с этого момента полковник с ней на «ты».

— Солдат проводит тебя по лавкам. Это интересно. Через границу не ходи.

Солдат не столько должен был ее охранять, сколько присматривать за ней. Но Лена была на это согласна: пусть пускай будет охрана. Ей надо осмотреться.

Солдата звали Сени. Это он прогнал Васю ночью. Он все время улыбался. Глуповато, конечно, но хотелось думать, что искренне.

Лена попросила времени, чтобы привести себя в порядок. Сени ждал ее на ступеньках коттеджа, по-местному бунгало. Он что-то негромко напевал, и от этого было спокойно.

Лена включила душ, заодно выстирала быстренько белье: ведь что будет дальше — неизвестно, пускай высохнет.

Сени повел ее по улице, в центре покрытой асфальтом, но тротуаров там не было — просто вытоптанные обочины.

Прохожие смотрели на нее с удивлением, даже с опаской — высокая белая женщина, непохожая на туристку, шла под охраной солдата. Значит, что-то неладно.

На центральной улице было множество лавок, большей частью небольших. Владельцы лавок сидели в тени, как в норах, курили, иногда болтали, но прохожих не зазывали.

По улице ходили не только тайцы, но и иностранцы — Лена уже угадывала их. Некоторые были в длинных до земли юбках — оказалось, как объяснил Сени, — это бирманцы, другие были в синих широких штанах, головы обмотаны полотенцами — шаны. Но больше всего было людей в различного рода военной и полувоенной одежде. Здесь пролегала неспокойная граница, и камуфляжные костюмы были самым надежным криком моды.

Сени показал Лене, куда ей надо зайти.

Это был нефритовый магазин. Сотни зеленых, розовых, опаловых фигурок стояли рядами на полках. Это было очень скучно, к тому же Лене не хотелось покупать нефритового слоника.

— Я хочу посмотреть на Бирму, — сказала Лена.

— Господин полковник может сводить вас туда. А я не могу.

— Потому что простой солдат?

Сени вдруг обиделся.

— Я не простой солдат, — сказал он, — я лейтенант. Я адъютант туана полковника.

— Я не хотела тебя обидеть, Сени, — сказала Лена. — Я ничего не понимаю в ваших погонах.

Сени дулся недолго и повел ее к мосту через небольшую быструю речку. По мосту ходили тайцы, бирманцы... У того края моста стояло несколько бирманских пограничников, кое-кого они пропускали не глядя, других начинали расспрашивать.

«Я туда должна попасть», — сказала про себя Лена и посмотрела на речку. Речка была горной и мутной, пожалуй, не переплывешь. «Ничего, осталось два шага, и я их сделаю».

Она запустила руку в сумку — что же так давно не проверяла? — пакет с бутылочками и бумагами лежал там. Полковник и в самом деле проверил, но брать ничего не стал.

Они пошли обратно. Жара стояла дикая, хоть и не такая влажная, как в Бангкоке. Они снова миновали торговую улицу. У одной из лавочек утиным выводком стояли русские туристы. Они повернули головы, следя за Леной, но никто ни слова не сказал. Впрочем, она и не успела обзавестись среди них знакомыми.

Вася выскочил из магазина и, увидев Сени, не посмел погнаться за Леной. Только крикнул вслед:

— Елена, ты сильно рискуешь! Еще не поздно вернуться! В ином случае я снимаю с себя ответственность!

Елена обернулась. Туристки — группа почему-то была женская, Лена только сейчас догадалась, — согласно кивали. Они вспомнили советские времена и предателей Родины. Лена была предательницей Родины.

— Что они говорят? — спросил Сени. Почему-то он решил, что Вася был не одинок в своем осуждении.

— Они советуют мне вернуться. Они за меня боятся, — осторожно ответила Лена.

— Он тебе говорил, что туан полковник — бандит? — И Сени засмеялся, уверенный в том, что Вася именно так и говорил.

— А разве кто-то так думает?

— Разные люди думают, — ответил Сени. — Господин туан очень много может и много знает. Он будет маршалом.

— Мне повезло, что я его встретила.

— Если ты будешь хорошо себя вести, то повезло.

— Разве я могу себя плохо вести?

— Господин туан не знает. Он не знает, чего тебе нужно. И я не знаю тоже. Я бы не стал выбирать себе такую женщину.

— Судьба, — сказала Лена.

— Судьба, — повторил Сени. Каждый из них имел в виду свое.

— Жалко, что ты ничего не купила, — сказал Сени, когда они вернулись в бунгало.

— Почему?

— Туан приказал мне платить за все. Но я сэкономил деньги туана. — Эта мысль окончательно развеселила Сени.

Он сообщил Лене, что вернется через десять минут, и велел никуда не убегать. Лена обещала.

Как только он ушел, Лене стало не по себе.

Казалось бы, день еще не завершился, рядом дорога, по ней проезжают машины, сбоку большая веранда, там звенят ножами и вилками, слышны голоса — накрывают к вечеру столы. Солнце пробивает листву горячими лучами... Все равно страшно. Особенно сейчас, в шаге от цели. Скорее бы приходил Сени, а еще лучше — полковник.

Но пришел Аскольд.

Он вошел с веранды, он был спокоен.

— Здравствуй, Лена, — сказал он, — давно не виделись.

Здесь, в Таиланде, его глаза были к месту — здесь много своих тигров. Аскольд загорел — наверное, был в отпуске. Одет он был легко и элегантно. Видный мужчина.

— Здравствуйте, — сказала Лена.

— У нас немного времени, — холодно произнес Аскольд. — Так что без околичностей. Я прошу тебя отказаться от своей глупой затеи и отправиться домой. Немедленно.

— Садитесь, — сказала Лена. Она старалась показать, что не испугалась, а на самом деле страшно перепугалась. Ведь он может свободно убить ее и тут же уйти — в лес, в горы. Ну кто его найдет, если у него все наркобароны в друзьях?

— Спасибо, я постою, — сказал Аскольд и быстро оглянулся. Значит, не совсем уверен в себе.

— Я ничего не замышляла, — сказала Лена.

— Ты прилетела сюда, чтобы испытать опытный образец поппифага. Видишь, от меня нет секретов. Ты надеешься, что это средство погубит посевы мака и в мире наступит благодать.

— Я так не думаю.

Но он ее не слушал.

— Ты решила, что я связан с наркотиками, — сказал Аскольд. — Я могу дать тебе честное слово офицера и гражданина, что я борюсь с наркотиками, с наркомафией. Это моя работа, это мой долг.

— Тогда почему вы с ними?

— Я понимаю, что тебе хочется отомстить этим подонкам за смерть сына и мужа. Это очень тяжело. Но ты никому не отомстишь, кроме бедных крестьян. А им и без тебя плохо.

Лена продолжала упорствовать.

— Я вас не понимаю.

— Ты меня отлично понимаешь... Представь себе: вдруг — это лишь один процент вероятности — это средство будет работать. И ты, как сеятель со старого червонца, будешь ходить по полям и поливать их из бутылочки, которую таскаешь в сумке, если, конечно, твой новый друг не подменил жидкость.

— Вы кого имеете в виду?

— Полковника Наронга, местного разведчика, тесно связанного с мафией. Его называют черным полковником, даже его сообщники. Это страшная личность.

— Для меня он не страшнее вас, — уверенно ответила Лена.

Воздух неподвижно повис над верандой.

Лена поняла, что надо сделать.

Она подошла к двери и уверенно отстранила Аскольда. И оказалась на веранде. Там она остановилась, оперлась спиной о столб, и Аскольд был вынужден последовать за ней. На веранде было тяжело дышать, потому что воздух был абсолютно неподвижен.

— Допустим, — продолжал Аскольд: он торопился выговориться прежде, чем вернется Сени. — Допустим, что действует. Что произойдет? Крестьяне лишатся куска хлеба, но спрос на наркотики во всем мире вырастет и цены поднимутся тоже. Будет нарушен политический

и экономический строй, порядок, причем во всем мире. Ты понимаешь, что такое баланс сил?

— И вы говорите, что боретесь с наркотиками.

— Конечно, борюсь. Но борюсь разумно. Мы можем сократить поступление наркотиков в страну, мы можем ловить дельцов и перехватывать транспорты. Но мы способны кого-то спасать и кому-то мешать только потому, что существует определенный порядок! Ты его хочешь нарушить? Ты будешь способствовать перемене торговых путей, страшной войне за перераспределение доходов и, главное, — ты толкаешь преступный мир к изобретению и разработке новых наркотиков, химических, куда более страшных, чем несчастный героин, на который ты подняла дамскую ручку.

Ее обидела эта «дамская ручка», и если она склонна была прислушаться к нему и чему-то поверить, то после этого выпада он стал ей противен.

— Я тебя не убедил?

— Нет.

— Если ты отдашь мне поппифаг, то я гарантирую тебе благодарность всей России. Мы будем и дальше бороться...

— И не мечтай...

По дорожке шел Сени, он издали поднял руку, но Аскольда пока не видел.

— Пойми, Лена, я лично ничего против тебя не имею, — быстро сказал Аскольд, — но твое сближение с черным полковником меняет суть дела. Если раньше мы могли быть уверены, что тебе не добраться до маковых полей, то теперь — кто знает... отдай!

— Нет.

— К сожалению, тебя придется убить, — сказал Аскольд.

— Вы?

— Ну что ты! Разве я похож на исполнителя? У каждого в жизни своя роль. До этого с тобой можно было говорить, и говорил я. Теперь разговоры кончились.

Аскольд повернулся и пошел прочь. На ступеньках веранды он встретился с Сени, улыбнулся лейтенанту, и лейтенант улыбнулся Аскольду, а когда поднялся и подошел к Лене, спросил:

— Это еще один твой знакомый?

— Это мой враг, — сказала Лена. — Он хочет меня убить.

— Что ты говоришь! — Сени обернулся к кустам, срывая с плеча автомат. Это была запоздалая демонстрация чувства долга.

Что, видно, ему и сказал возвратившийся полковник. Он не кричал, он был отвратительно строг.

В результате Сени обиделся на Лену. Словно это она нажаловалась начальству.

Полковник закурил свою сладкую сигару, уселся на стул — спина прямая, — сказал:

— Теперь тебе пора сознаться. Для твоего же блага. Я здесь кое-что могу сделать.

— Они убили моего мужа, — сказала Лена. Она предпочла говорить правду, хотя и не всю. — Теперь они нашли меня здесь. Они думают, что у меня есть бумаги и расчеты мужа. Но это не так.

— Он был атомный физик?

— Нет, биолог.

— Ясно, — сказал полковник. — Генетика.

Он опередил ее, поэтому так и не узнал правды, хотя Лена готова была признаться.

— А я уж подумал, — продолжал Наронг, — что ты связана с наркотиками. А это плохо.

— Я не связана с наркотиками.

— Я верю, — сказал полковник, — я понимаю людей. Я знаю, когда они говорят неправду.

Он был самоуверен.

— Но я хотела бы посмотреть, как разводят мак и как делают опиум.

— Зачем это женщине?

— А ты видел?

— Видел, и не раз. Ничего интересного.

— Я любопытная.

— Посмотрим, — сказал полковник. — Это будет зависеть от твоего поведения.

И усмехнулся. Лене не понравилась усмешка. Полковник был хорошим, добрым, щедрым, и в то же время в нем таился и другой человек, хуже первого.

— Пепел Клааса стучит в моем сердце, — произнесла Лена по-русски, как бы заколдовывая себя. В сущности, она была еще нестарой женщиной, и ей хотелось жить, а она себя сделала смертницей. Смертницей или смертником? Интересно, это слово имеет женский род?

— Собирайся, — сказал полковник. — У нас с тобой есть дело.

— Дело?

— Через пять минут мы выходим. Жду в машине.

Он сбежал с веранды — он был легкий и жесткий. Он ей нравился — нравилось смотреть на него.

Лена проверила, хорошо ли выглядит — выглядела она плохо, — и пошла за полковником.

Они ехали недолго. За краем торговой улицы, в дальнем от реки конце, Лена увидела просторное двухэтажное здание, без всяких украшений — как говорится, стекло и бетон. Оно выглядело тяжело и неуютно среди деревянных строений и пальм городка. Перед зданием стояло множество машин — к удивлению, Лена увидела среди них дорогие «мерседесы», «тойоты», даже один «ягуар». Борис с раннего детства увлекался автомобильчиками, с ним было легко: если день рождения — подари новую машинку, и ребенок

счастлив. Поэтому Лена знала все марки автомобилей, хотя ей это совсем не было нужно.

— Ты плачешь? — спросил полковник.

— Нет, это случайно. Плохая мысль... плохое воспоминание... — Она хотела поделиться с полковником своими мыслями и понимала, насколько это пусто и неинтересно для всех, кроме нее.

И неожиданно для себя сказала:

— Мой сын, который умер... он любил автомобильчики.

— А какая машина у него была? — спросил полковник. Он не понял ее и представил себе молодого человека, который любит гонять в автомобилях.

Не дождавшись ответа, полковник пошел внутрь здания. Несколько угрожающего вида охранников стерегли проход в зал, но полковника никто не остановил. Сени тоже прошел с ним.

Во внутреннем зале по стенам шли подсвеченные витрины, в них на бархате лежали различного вида и размера драгоценные камни.

Возле витрин ходили разного вида люди с записными книжками или даже радиотелефонами и изучали камни. Но, видно, большинство уже насмотрелись, и потому они перешли в комнату со стульями, похожую на просмотровый зал в небольшом доме отдыха, там они сидели и ждали — Лена их видела через открытую дверь.

— Здесь, — сказал полковник, — будет аукцион драгоценных камней. Нет женщины, которой это было бы неинтересно.

— Мне не очень интересно, — сказала Лена.

— Не может быть, — ответил полковник и подошел к крайней витрине. — Вот здесь ты видишь рубины, в центре большой камень, каратов в тридцать, из Верхней Бирмы.

Рубин был неинтересен — темный камешек, как галька.

— Некоторые не отшлифованы, — объяснил полковник. — Но некоторые уже прошли гранильную фабрику.

А Лена смотрела на покупателей.

Рядом с ней стояла пара — сошедшая со страниц какой-то светской хроники. Седой, загорелый, подтянутый мужчина был одет в формальный костюм, при галстуке — даже уголок платка торчит из верхнего кармана. И леди при нем тоже не поскупилась на строгий английский костюм. Откуда они?

— Сюда приезжают солидные люди со всего мира, — сказал полковник. — Здесь самые хорошие и дешевые камни. Лучше, чем на Цейлоне. Посмотри на толстого мужчину за нами.

Там стоял толстый пожилой китаец в зеленом камуфляжном костюме без погон или знаков различия. Он навалился животом на край витрины и казалось — вот-вот раздавит ее.

— Это генерал Лю, — сказал полковник. — Он очень любит камешки. Но не выносит меня.

Полковник засмеялся, и толстый генерал услышал смех. Он резко обернулся, как на звук выстрела. Прищурился, разглядывая в полумраке зала источник смеха. Разглядел полковника и поднял толстую, обтянутую тканью руку, приветствуя его.

— Как я рад, — сказал генерал. — Как я рад! Так давно не видел уважаемого туана полковника.

Он говорил по-английски. Негромко, но в благопристойной тишине аукционного зала каждое слово было слышно, как по микрофону.

Легонько оттолкнув джентльмена, генерал подбежал мелкими шажками к полковнику, протягивая ему обе руки.

Полковник поздоровался. Лену генерал не замечал. Он перешел на незнакомый язык — тайский или китайский, Лена не разбиралась в этом. Она стояла, не смея отойти, чтобы не сочли это за невоспитанность. Ведь совершенно неизвестно, что же делать честной русской женщине, которая стоит между двумя восточными владыками.

Разговор между полковником и генералом Лю был недолог. Неожиданно они вновь перешли на английский язык.

— Я хочу представить вам мою знакомую миссис Елену.

Генерал расплылся в улыбке, которая была недоброй и зубастой.

— Я знаю все о миссис Елене, — сказал он. — У нас есть много общих друзей.

Он поклонился — мотнул головой и тут же откатился — жирным шаром — прочь.

— Что он имел в виду? — спросила Лена.

— Наверное, тебе лучше знать... но вернее всего он блефовал. Он готов на все, лишь бы огорчить меня.

Полковник сморщил лицо в плаксивой гримасе. Он шутил.

— Смотри дальше, — сказал он.

Они перешли к следующей витрине. Здесь лежали опалы. Обычные и звездные.

Это полковник сказал ей, что там — звездные опалы. Никогда Лене не приходилось видеть таких камней. Такой красоты.

Она не удержалась и ахнула.

Камней было два. Одинаковых, крупных, как волшебные глаза — только вместо зрачка горела звезда, дрожа ослепительными лучами. Словно в эти камни вложили по маленькому солнышку.

— Нравится? — спросил полковник.

— Очень нравится. Я никогда не видела и не знала, что такие бывают.

Вот тогда он и сказал, что это — звездные сапфиры. Вообще-то камни не очень дорогие, но такого размера, чистоты и сияния теперь встречаются редко.

— Вот у моей бабушки, — продолжал он, — был звездный сапфир с куриное яйцо. Моя бабушка была женой губернатора Чиангара.

Лена не выразила должного почтения. Полковник не стал уточнять, тем более что и сам, может, не знал, с какой целью можно употребить звездный сапфир размером с яйцо.

Цена была указана в батах. Каждый из сапфиров был оценен, если она правильно поняла, в тысячу долларов или чуть меньше. У Лены таких денег уже не оставалось.

— Хочешь посмотреть, как торгуют камнями? — спросил полковник.

— Конечно, хочу, — согласилась Лена. Все равно до темноты еще оставалось время. Она уйдет от него в темноте — надо подняться выше по речке, ей казалось, что там были привязаны лодки. Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от тебя, толстый генерал Лю, который плохо на меня смотрел, я тем более уйду.

Кто-то оставил им два места в первом ряду, но полковник отказался от этих мест — они сели в шестом или седьмом ряду сбоку.

— Я люблю смотреть, как торгуются другие, — сказал полковник, — а впереди все тебя видят, а ты — никого.

— Ты хочешь что-то купить?

— Я люблю красивые камни. Они лучше всего — лучше денег.

Наверное, он был взволнован — кто его поймет. Они здесь как индейцы — каменные лица, никаких эмоций.

Только оскалятся иногда — и догадывайся: улыбка это или угроза. Впрочем, у генерала Лю это была угроза.

Начали для разогрева, как объяснил Наронг, с партии рубинов, мелких, для торговцев в Гонконге и Сингапуре. Крупные дельцы и коллекционеры — их полковник показывал Лене — пока лениво ожидали настоящих боев.

И бой начался на партии крупного жемчуга, выведенного искусственно, в Бенгальском заливе, на японской фирме в Бирме. Видно, в жемчужинах было нечто особенное. Но стороннему и случайному наблюдателю трудно следить за аукционом, потому что аукционер говорит слишком быстро, он угадывает мимолетные, почти незаметные движения рук или голов спорщиков в зале. Кидает взгляд направо и налево и произносит, словно торопится поскорее закончить эту неприятную для себя процедуру:

— Сто пятьдесят пять справа... сто шестьдесят слева, сто семьдесят пять по телефону...

С телефонами стояли маленькие аккуратные тайки. Сам аукционер был, кажется, китайцем. Высокий, статный, с очень белым лицом и тонкими усиками под носом, как у Гитлера.

Потный неопрятный мужчина с белыми волосами, веснушчатым красным лицом, в мятом, некогда белом костюме вдруг завелся, когда объявили следующий лот — несколько очень крупных необработанных опалов.

Полковник объяснил шепотом Лене, что происходит и какие камни сейчас идут на продажу.

Мужчина воевал с кем-то, не видным Лене, и в результате потерпел поражение. Опалы ушли к скуластой махонькой женщине, которая была, как сказал Наронг, любовницей промышленника с голландской фамилией.

Вдруг, а прошло, видно, уже полчаса, оживился и Наронг. Он поднимал указательный палец на уровень

груди, но аукционер видел эти движения и прибавлял по тысяче батов.

Полковник покраснел — вернее, потемнел кожей, черный ежик на голове стал частоколом. Лена мысленно переводила баты в доллары.

На шести тысячах долларов он взял верх над генералом Лю.

— Не думай, — прошептал он, — что мне нужен этот паршивый рубин, но я не мог допустить, чтобы генерал Лю его взял — он здесь не хозяин.

— А если он захочет еще что-нибудь взять? — спросила Лена.

— Если захочет, то я покажу ему, какие у меня острые зубы.

Он показал ей зубы. Зубы и в самом деле были волчьи.

И тут дошла очередь до звездных сапфиров.

Генерал Лю, как назло, тоже их возжелал.

Когда цена поднялась до семи с половиной тысяч долларов, полковник в сердцах сказал:

— Они этого не стоят.

— Может быть, откажешься? — спросила Лена голосом жены. Аукционер крутил головой — то взглянет на Лю, то на полковника. Цена росла.

— Он первый откажется, — сказал полковник. — Он разумный человек. Он очень богат и поэтому считает деньги.

— А ты нет?

— Никогда, — сказал полковник.

Господин, приехавший на «мерседесе», вмешался в схватку, Лю отступил, и пришлось сражаться с парой англичан — бывших плантаторов, как сказал полковник.

Сапфиры достались полковнику за восемь семьсот.

— Приличная цена, — сказал Наронг. Он был доволен, он улыбался как победитель. — Адреналин увеличивается в крови, знаешь про адреналин?

— Конечно, — сказала она, — я же бывшая спортсменка и учительница физкультуры.

— Ах вот как, — сказал полковник, и Лена не могла вспомнить, говорила ли ему уже о своей специальности.

Они посидели немного, у полковника не было настроения сражаться дальше, а может быть, он исполнил свои желания. Генерал Лю вступил в схватку за следующий лот и поглядывал на полковника, но Наронг сидел, прикрыв глаза, отдыхал. И камни доставались генералу дешево, что, видно, его не радовало.

Полковник послал Сени расплатиться. Сени принес пакет с коробочками. Полковник положил пакет в верхний карман куртки и сказал, что пора уходить.

Лю обернулся им вслед. Лена перехватила его колючий взгляд. Конечно же, он все знает. Значит, удивлен, как она попала в компанию к полковнику. Кто ее покровитель?

Когда они вернулись в бунгало, солнце уже клонилось к холмам за речкой. Оно ночевало в Бирме.

Слуга зажег на веранде свет.

Полковника свет не удовлетворил, он приказал принести настольную лампу. Его приказания исполнялись здесь мгновенно.

Он уселся на стул, обхватив ножки стула ногами как мальчишка. Разорвал пакет и стал открывать коробочки. Одну за другой. Камни он осматривал со всех сторон, он наслаждался ими как кот, который играет с мышкой.

Одну из коробочек он подвинул по столу к сидевшей напротив Лене.

Там в вате лежал звездный сапфир.

— Спасибо, я его уже видела, — сказала Лена.

— Он твой, я его тебе дарю.

— Не надо.

— Я купил сапфиры, чтобы они не достались генералу Лю. Теперь один камень останется у меня, второй — у тебя. И мы друг друга всегда узнаем по этим камням.

— Как шпионы?

— Точно! Как шпионы.

— Это слишком дорогой подарок.

— Глупая женщина. У меня есть деньги. — Он вытащил из кармана рулон долларов, схваченный резинкой. — Это честные деньги.

— Я и без того у тебя в долгу.

— Я не прошу ничего взамен.

— Возьми камень и иди спать. — Лена была сердита, она в самом деле не хотела никакого сапфира. Зачем он ей: в могилу нести с собой или подарить свекрови — единственному близкому человеку на свете, если не считать мачехи в Курской области.

— Я возьму, — сказал полковник, — но в таком случае я буду обижен.

— Это твое дело, — сказала Лена. — Я тебе не жена и не любовница.

— А жаль, — сказал полковник.

Он медленно собирал со стола коробки, потом одним движением руки свалил их в пластиковый пакет и поднялся. Но одна осталась лежать на столе.

Лена сказала:

— Ну как хочешь.

Полковник не ответил, а пошел, он всегда быстро ходил, на веранду.

Лена хотела остановить его, но потом гордыня взяла верх.

Шаги полковника скрежетали по гравию дорожки.

Что же она наделала! Она осталась одна!

Лена непроизвольно сделала несколько быстрых шагов следом за полковником, но тут услышала выстрелы.

То есть ей трудно было понять, что следовало за чем.

Она услышала выстрелы. Два или три. Она увидела, как отлетела щепка от столба веранды, а вторая щепка,

которую она не успела увидеть, врезалась ей в предплечье, и стало больно.

Лена пригнулась и кинулась обратно в комнату — наверное, лучше было бы бежать в сад.

Она захлопнула дверь и почти сразу услышала, как на веранду кто-то взбежал. Она навалилась на дверь.

— Это я, мадам, — сказал Сени. — Не бойтесь, мадам.

Лена сразу открыла дверь.

— Я буду рядом, — сказал лейтенант. — Это приказ.

В зарослях и там, дальше, на дорожке, слышны были голоса, а потом выстрелы. Крик, снова голоса и беготня...

Лейтенант был напряжен. Он стоял возле окна, прижав затылок к раме, и выглядывая одним носом. Но за открытым окном была освещенная веранда, так что нос лейтенанта был хорошо виден нападавшим, тогда как он не видел ничего.

Какие дикие мысли скользят в мозгу, когда надо думать о другом — надо упасть на пол, зажать уши и ждать, когда кончится это ужас. Ведь лейтенант Сени стоит здесь и держит автомат только потому, что Аскольд и его нарколюди хотят ее убить. Догнать и убить. Они уже всех убили...

На веранде послышались шаги. Быстрые и четкие.

Это возвращался полковник Наронг.

Лена только тут сообразила, что сидит на кровати, прижав к груди подушку. Она отбросила подушку, подушка шмякнулась на пол, Сени развернулся и направил на подушку свой автомат. Полковник остановился в дверях и спросил:

— Чего вы без света сидите?

Сени воспринял вопрос как приказание.

Загорелась лампа под потолком.

— Все кончилось, — сказал Наронг.

— Спасибо, — поблагодарила Лена.

— Спасибо — это мало. Ты кому-то очень насолила, — сказал Наронг. — Настолько, что они хотели догнать тебя здесь.

— Кто они? — спросила Лена. — Ты их видел?

— Сейчас и ты увидишь, — сказал Наронг. — Пошли.

Лена открыла рот, чтобы попросить его: не веди меня, я не хочу. Если вы поймали кого-то — это ваше дело. Мне нужно только дождаться, когда ты уснешь, и убежать в Бирму. Вот и все.

Наронг потянул ее к двери.

Они пошли через сад, к голосам и шуму, который доносился со стоянки автомобилей, отделенной от бунгало полосой пальм.

Тени от пальм, создаваемые лампами, которые висели на проводах и колебались от легких движений воздуха, медленно двигались по траве и были бесконечны.

На асфальте возле машины с горевшими фарами и заведенным мотором лежали два тела. Возле них стоял шофер полковника, гостиничные слуги и несколько постояльцев.

Один из слуг как раз принес белые скатерти и намеревался закрыть тела ими, как простынями, но полковник остановил его.

— Смотри, — сказал он Лене. — Ты их знаешь?

Вася лежал на спине, раскинув руки. Глаза его были открыты, словно он всматривался в небо. Белая чистая рубашка была заляпана кровью, очень неаккуратно.

Но не он удивил Лену — она, в общем, ожидала, что увидит его, с того момента, когда увидела всю туристическую группу у нефритового магазина на торговой улице. Ведь Вася с туристами намеревался отправиться совсем в другой город, а оказались они здесь. Случайностей такого рода с туристами почти не бывает.

Лену удивила женщина. Кажется, ее звали Вероникой. Одна из тех, кто так беззаботно разговаривал на улице в Чиангаре, из тех, что сидела перед ней в автобусе.

И Лене стало жаль, что она даже не поговорила с этой женщиной. В этом была несправедливость. Ведь ее заставили — как заставляли Лёну. Может, у нее остался ребенок или муж — наверное, она должна была гулять рядом с Васей, делать вид, что они — обычные туристы. А Вася тем временем высматривал, на какой из веранд сидит его жертва. Ему не было ее жалко. А может, он тоже боялся?..

— Я не знаю женщину, — сказала Лена полковнику.

— А этого русского я знаю, — произнес Сени. — Он был в комнате мадам. Вчера ночью.

— Надеюсь, — сказал полковник, — что сегодня ночью на тебя никто не нападет.

— С чего ты так решил? — спросила Лена. — Разве у них больше убийц не осталось?

Она имела в виду Аскольда. Хоть он и отказывается от этого звания, это ничего не значит. Прикажут — выстрелит. Может, он и сам наркоман?

— Ты кого-то подозреваешь? Скажи мне. — Полковник понял ее правильно.

— Даже если я и знаю человека — где его искать?

— Я тебя понял. Сени тебя проводит, а я отдам распоряжения.

— Какие?

— Здесь не так много русских. Скажи только, он в туристической группе?

— Вряд ли. Неужели целая группа охотится за мной?

— Ты права. Вряд ли. Сени тебя проводит.

Слуги накрывали тела скатертями, загудела, сворачивая с улицы, карета «скорой помощи». Заныла вдали полицейская сирена.

— Пойдем, — сказал Сени. — Зачем тебе, мадам, показываться полиции? Они могут удивиться — русские занимаются своими бандитскими делами.

Пока они шли к веранде, Сени допрашивал Лену — а правда ли, что Россией правит мафия и все там куплено бандитами, даже правительство. Но что могла Лена ему ответить — Сени питался газетной и телевизионной пищей.

— Некоторые не куплены, — сказала она. — Пример перед тобой.

— Ты правительственный агент?

— Нет, я сама по себе. Они убили моего мужа и сына.

Сени вздохнул, выражая сочувствие. Он остался снаружи, но не ушел. Лена вошла к себе. Состояние ее было глупым, как будто она отсмотрела страшное кино, но оно не проникло в нее, а лишь запомнилось — картинками, сценами, не имеющими к ней никакого отношения. Бунгало было непрочным и ненадежным — бумажный домик в странном лесу.

Лена не знала, останется ли солдат на ночь снаружи. Может быть, полковник решил, что теперь Лене нечего бояться...

Выстрелы и смерть Васи сбили все ее планы. Гостиница полна полицейских и всякого любопытствующего народа. Сейчас и Аскольд прибежит. Как ей уйти незаметно? Как добраться до реки? Надо ждать.

Закрыть окно невозможно — ночь жаркая, задохнешься. Хоть и крутится под потолком фен. Но все же Лена закрыла занавески на окне, потушила свет. Оставила только ночник. Но все равно любой желающий мог подойти к окну, заглянуть в него и пристрелить Лену — даже удивительно, что они выбрали такой неудачный путь разделаться с ней. Вернее всего были уверены в себе. А может быть... может, если полковник проверит, он узнает, что автобус с туристами ждал за углом и покушение было

устроено таким образом, чтобы добежать до автобуса и не спеша уехать из города — кто заподозрит респектабельных туристов?

Полковник подошел к окну со стороны реки, раздвинул занавеску и прошептал:

— Не бойся меня, хорошо?

Она не успела испугаться.

Она была рада, что он пришел и ведет себя так пристойно.

— Что нового? — спросила она.

— Их ждал автобус с туристами, — сказал Наронг. — Они думали добежать до него, выкинуть оружие, и тогда доказать что-нибудь было бы невозможно. Да и кто бы стал стараться?

— Одной русской туристкой меньше, — согласилась Лена.

— Молодой человек, — продолжал полковник. — Базиль. Мы его называли Базилем, за час до покушения встречался с генералом Лю. Это интересно, правда?

— Интересно. Но я догадывалась.

— Я тоже. Можно я влезу в окно? А то меня москиты заедят.

— Не стоит, — сказала Лена. — Я устала.

Полковник спросил:

— Ты собиралась завтра куда-то?

— В Бирму. Ты обещал.

— Боюсь, что не смогу тебе помочь.

— Что ж, я обойдусь без твоей помощи.

— Это будет неразумно. Ты никуда не попадешь. Но я не стану спорить. У вас, русских, особенное чувство благодарности. Спокойной ночи.

Он задержался у окна, видно, ожидая, что она его позовет, но Лена промолчала. Полковник повернулся и медленно пошел прочь.

...Наверное, этого не следовало делать. Она не думала, что так поступит. Но она страшно испугалась остаться в комнате одна. Тем более что сейчас ее план добраться до пограничной речки казался наивным.

Вот уйдет полковник, единственный человек, который ей здесь помогает и защищает ее. Но он делает это не потому, что он — добрый дедушка из сказки... она ему нравится. Как женщина. Наверное, это лестно. Чего же ты, дура! Ты же собралась умирать! Так добивайся своей цели. Без него ты ничего не сделаешь... Он тебе противен? Ни в коем случае! Ей давно ни один мужчина не нравился так, как этот тайский разведчик.

— Наронг, — позвала она, — не уходи.

— Ты предлагаешь мне провести ночь под твоим окном, как Ромео?

— Ну, положим, Ромео никогда не проводил ночь под окном, — вдруг улыбнулась Лена. — Они встречали рассвет в постели.

Полковник не ответил.

Он медленно, не спуская с Лены глаз, вернулся к окну и перепрыгнул через подоконник — хорошо тренирован.

Он сразу обнял ее и замер.

— Ты только не думай, — начал он по-английски, но потом не справился с чужим языком и закончил фразу по-тайски. Она не поняла слов, но значение их было понятно без перевода.

— Скажи, чтобы солдаты ушли, — попросила она шепотом.

— Не сходи с ума, они только этого и ждут, — ответил шепотом Наронг — Как только Лю узнает, что я здесь с русской женщиной, без охраны... тут нам с тобой и пришел конец.

Он потушил лампу.

Неподалеку все еще шумели голоса, перекликались полицейские или санитары, загудела машина.

Господи, какая я бездушная... я хочу отдаться мужчине, который... по приказу которого убили глупого Васю. И Вася, и еще одна, почти незнакомая женщина лежат на траве...

Взревел мотор? Может, их увозят?

— Ты о чем думаешь? — Полковник оторвал губы от ее шеи — а она и не заметила, что он целует ее... как она могла не заметить, — от его прикосновения к груди по спине пробежали мурашки. И он поцеловал ее по-настоящему... сколько же лет у меня не было мужчины! Это преступление!

Она позволила ему раздеть себя и осталась стоять посреди комнаты, пока он раздевался — быстро и ловко, не кидая одежду на пол, где валялось ее платье и трусики, а вешая на спинку стула — он был виден, потому что свет фонаря проникал сквозь окно.

Она села на край кровати.

Он сел рядом.

— Как странно, — сказал он, — я так к тебе отношусь...

— Я понимаю.

Он сильно и приятно нажал на грудь и заставил ее лечь на кровать. Кровать взвизгнула, и она испугалась, что Сени услышит.

Но потом ей уже было не до Сени, потому что на мгновение ей стало больно — будто он был ее первым мужчиной, но тут же она сама отыскала губами его губы, и губы ее стали мягкими, влажными, жадными, а внутри нее все разрывалось от щекотного счастья, которое требовало встречать его, обнимать, ждать и, главное, не закричать от наслаждения, которого она, оказывается, никогда раньше не испытывала.

Она хотела говорить с ним и рассказать ему все, что с ней случилось, но он почти сразу заснул, прижавшись к ней всем телом, и она, придя в себя, спохватилась, что ей повезло — не надо рассказывать, даже Наронгу. Зачем? Что она о нем знает? Он хотел подарить ей камень... за несколько тысяч долларов. Откуда эти деньги?

Вдруг ей страшно захотелось поглядеть на звездный сапфир. Еще два часа назад она и подумать о нем не могла.

Она осторожно отвела руки Наронга, он уютно забормотал во сне на непонятном, как будто детском языке, но не проснулся.

Камень лежал на столе, в коробочке, как она его принесла, так и оставила, не раскрывая.

В окно светила луна. Этого света оказалось достаточно, чтобы в камне вспыхнула чудесная звездочка.

Она смотрела на камень, чуть поворачивая его, и звездочка плавала внутри, дрожа лучами.

Темная тень закрыла свет...

Лена вздрогнула. И тут же поняла, что под окном прошел солдат.

Ну и пускай себе ходит.

Громко звенели цикады и ворковали ночные птицы... а может, лягушки.

Лена вернулась в постель. Постель была теплой, но не жаркой, у Наронга была прохладная чистая молодая кожа.

Не просыпаясь, он обнял ее крепче, и его губы стали искать ее рот.

— Глупый, я тебя растерзаю, — прошептала Лена по-русски. — Ты не понимаешь.

Он понимал. Или понял потом.

Когда Лена лежала на спине, раскинув руки, она подумала, что ей должно быть стыдно перед солдатом.

— Извини, — сказала она, — что я кричала. Но мне было так хорошо.

— Это хорошо, — промурлыкал Наронг. И сразу заснул. Теперь он забудет провести меня в Бирму, подумала, засыпая, Лена.

Она проснулась утром от того, что полковник Наронг поднялся и, стараясь не шуметь, одевался. Косые лучи солнца били в окно, пронизывая тонкую занавеску, оглушительно пели птицы.

— Чудесное утро, — сказала Лена, — как ты спал?

Наронг подошел к ней, наклонился, поцеловал в глаза, в щеки — нежно целовал ее, и Лена нежилась, как в теплой воде.

— Мне жаль, что надо уходить.

— Дела?

— Конечно, дела, — сказал он. — Если забудешь о них, тебя съедят.

— Ты обещал мне.

— Я никогда не забываю об обещаниях. Ты ночью встала и смотрела на камень. Он тебе нравится?

— Очень.

— Я рад. Одевайся, иди завтракать, я вернусь через час и тогда скажу тебе...

На веранде уже стоял юный слуга, он принес поднос с завтраком и расставлял на столе приборы.

— Может, позавтракаешь? — семейным голосом сказала Лена.

— Я утром пью только холодную воду, — ответил полковник.

Ночью она даже в мыслях не могла бы назвать Наронга полковником. Какое дело ее губам до чина этого человека? А сейчас назвала.

Белье почти высохло, она переоделась, умылась — все еще было не жарко.

Она вспомнила о смерти Васи — ночью не помнила.

И начали возвращаться черные мысли, и начало овладевать ею чувство долга перед Николаем и Борисом.

Неужели он не обманет ее? Но ведь с его точки зрения глупо потакать причудам и капризам иностранки. Тем более если дело явно связано с наркотиками.

Вместо Сени в саду разгуливал другой, незнакомый солдат. Наронг возвратился точно через час, как обещал.

— Здесь недалеко, — сказал он, — но, к сожалению, плантации находятся под контролем Лю, помнишь его?

— Помню.

— Так что ты посмотришь и сразу обратно. Большего я тебе не обещаю. И попрошу тебя не жечь, не вытаптывать, не заливать напалмом поля крестьян.

— Что ты знаешь?

— Когда-то я читал, — сказал образованный полковник, — что сделать великую скульптуру просто — надо взять камень и отсечь от него все лишнее. Так же и в деле разведчика. Я ведь хороший разведчик. Я собираю всю информацию и выбрасываю лишнюю.

— Расскажи обо мне.

— О тебе мне трудно рассказывать.

Они вышли к машине, солдат сел за руль, полковник рядом с Леной.

— И все же расскажи. А то я сама расскажу.

Снизу от реки поднимался туман, сверху низко ползли облака, так что дорога очутилась между двумя белыми массами. Солнце пропало, и птицы примолкли, хотя из тумана доносились разрозненные голоса и вскрики птиц.

У Лены уже пропало настроение исповедоваться. Она смотрела на профиль полковника и любовалась его строгостью, точностью линий. Мне повезло, думала она, мне так повезло, что этот мужчина любил меня. И, может, любит сейчас.

— Ты представляешь для них опасность; нужно было стечение обстоятельств, чтобы тебя до сих пор не убили — у тебя удачная карма...

— Карма?

— Вы называете ее судьбой, но это больше, чем судьба.

— Лучше бы мне не существовать.

— Тогда бы я тоже не существовал. Тебе этого хотелось?

Она положила руку ему на коленку.

— Хорошо, что ты существуешь, — сказала она.

— Но ты меня отталкиваешь.

— Я думаю, — сказала Лена, — что ты многое знаешь, еще о большем догадываешься. Тебе нужно мое признание?

— Я ломаю голову — в чем твоя угроза. Ты мне кажешься самой безобидной женщиной на свете.

— Так и есть, — призналась Лена.

Машина остановилась, не доезжая до моста, скрытого в тумане.

Из тумана вышли два человека, в одежде шанов — бирманских горцев.

Наронг заговорил с ними. Они слушали с неподвижными и даже скучными лицами — наверное, им уже давали эти инструкции.

— Вот это, — сказал полковник Лене, — Маун Джо, он говорит немного по-английски. Маун Каун не говорит.

Горцы поклонились. Они не встречались с Леной взглядами.

Полковник был неуверен, как будто не хотел отпускать Лену, но гордыня не позволяла отказаться от обещания.

— Ты где оставила камень? — спросил он.

— Он со мной, в сумке. И это еще не значит, что я хочу убежать. Но у меня все ценное с собой, в сумке.

— Хорошо, — поморщился полковник, — я думал, что ты его потеряла. Я жду вас здесь же через шесть часов. Слушайся во всем этих людей.

— Я уже поняла.

Она пошла к границе, но Маун Джо догнал ее, дотронулся до плеча и сказал:

— Иди туда.

Показал вверх по реке.

Все правильно. Они не хотят идти через мост, они перейдут речку выше, где лодки.

Она оглянулась. Полковник стоял по пояс в тумане. Он смотрел ей вслед. Поймав ее взгляд, улыбнулся, видно, уже не надеялся, что она обернется.

Лена шла между двумя шанами — один спереди, второй сзади. На них были синие куртки, синие же широкие короткие штаны, которые были еще недавно в моде у наших женщин, головы обмотаны полотенцами — будто это солдаты в униформе очень экзотической армии.

Отвратительный запах догнал ее. Она обернулась — Маун Каун раскурил толстенную сигару в кукурузных листьях — точно как початок. От нее и исходила вонь.

Лена испугалась, что эта вонь всех вокруг перепугает, но второй шан не обратил внимания на этот проступок коллеги.

Скользя по росистой траве, они съехали к реке. Она и здесь была такой быстрой, что, пожалуй, не переплыть. Несколько узких долбленок с высокими загнутыми носами лежали, вытянутые на берег.

— Садись, — сказал Маун Джо.

Лодку было трудно разглядеть. Клочья тумана то скрывали ее целиком, то на несколько секунд открывали.

Они стащили лодку с берега, и она закачалась в неглубокой воде. Лена забралась в неустойчивую лодку — более ненадежного судна ей видеть не приходилось.

Маун Каун толкнул лодку в корму и прыгнул в нее, когда она уже заскользила по воде.

Лодку понесло вниз, все быстрее и рискованней — Маун Джо подобрал со дна небольшое весло и стал управлять им, Маун Каун раскачивался на корме, как противовес.

Лодку несло на устои моста, но шанов это не беспокоило, Лена решила, что это и ее не должно беспокоить.

Стоки моста, зеленые от лишайников и плесени, пронеслись в нескольких сантиметрах. Ниже по течению река становилась шире и спокойнее. Тогда Маун Джо начал править к дальнему берегу.

Они пристали как раз там, где начиналась узкая тропа.

Она круто вела вверх среди кустов, в большинстве своем оказавшихся, как назло, колючими.

Тропинка становилась все уже, Маун Джо не опасался колючек, а о Лене никто и не думал. К тому же из зеленой чащи вылетали отвратительные москиты и даже оводы.

Жарко в этой чаще было так, словно ее не проветривали с прошлого года.

И только когда Лена готова была уже повернуть назад к цивилизации, лимонаду и славному возлюбленному, тропинка вывела их на простор — то есть на сельскую дорожку.

По ней они пошли быстрее.

Дорожка забирала все выше и выше, и так продолжалось минут сорок. Лена терпела. Почему, в конце концов, она, профессиональная спортсменка, должна уступать двум необразованным горцам?

Колючки и бананы сменились настоящими деревьями, уже потерявшими листву.

Неожиданно дорожка вывела их на маленький перевал.

И с него открылся чудесный вид на долину, частично поросшую лесом, а кое-где лес раздавался, уступая место сухим рисовым полям... И не только рисовым полям.

Маковые поля еще цвели — кое-где отцвели, а так — цвели.

И потому казались аккуратными красными заплатками.

Вот они, вот она, Америка Колумба! Неужели нужно радоваться выполненному долгу? Надо. Другого пути нет.

И стало жалко, что она больше никогда не увидит Наронга, не вернется в то самое бунгало, не говоря уж о городе Веревкине Тульской области.

Маун Джо обернулся к ней и спросил.

Вопроса она не поняла, но поняла, о чем он хочет спросить: какое из полей ей больше по душе?

Она показала на то, которое было ближе других, оно лежало на склоне, как раз под ногами. Заодно Лена отметила положение соседних участков.

Туман разошелся — впрочем, они забрались довольно высоко. Облака также сначала истончились, а потом и вовсе рассеялись.

Спускаться пришлось без дороги, Маун Джо шел медленно и все время оборачивался, проверяя, ступает ли Лена в его след.

Большой жук пробежал по ветке рядом с лицом Лены, паутина покачивалась там, куда он ринулся, испугавшись людей. Паутина была размером с дверь — не только жукам там место найдется.

Сзади похрустывали ветки — спускался Маун Каун.

Без кругозора, без горизонта теряешь ориентацию и непонятно, сколько прошел и сколько осталось идти.

Поэтому поляна, засеянная маком, показалась неожиданно.

Отсюда сверху было видно, как она спускается полого к домику или, скорее, шалашу на сваях, видно, там сидел сторож.

Маун Джо остановился на краю макового поля. Оглянулся, как бы спрашивая, что делать дальше.

Лена пережила несколько секунд тупой растерянности. А что в самом деле делать? Вот она проехала полмира, она добралась до поля, она никогда еще не видела столько маков сразу. Некоторые уже отцвели, и тяжелые, похожие на спелый инжир светло-зеленые коробочки покачивались под ветерком.

Лена прошла к полю, вошла в него. Маки были высокими, куда выше, чем у нас, она раскрыла сумочку, вытащила оттуда платок с завернутым в него пузырьком, заткнутым резиновой пробочкой. Потом поднесла платок к носу, словно намереваясь высморкаться, тут скромность одолела даму, и она отвернулась от своих спутников.

Пробка поддалась легко, и несколько капель поппифага упали на листья и цветок мака. Лена заткнула бутылочку пробкой.

Вот и все.

Трудно поверить Николаю, но если поверить, то этого достаточно не только чтобы погубить маки на этой плантации, но и на соседних — насекомые, птицы и даже ветер могут разносить вирус.

— Спасибо, — сказала Лена своим спутникам. — А теперь покажите мне другую делянку.

Они поняли не сразу, но, видно, время было, и шаны подчинились.

Они пошли дальше, а когда проходили мимо шалаша, оттуда спрыгнул голый до пояса дикарь и начал что-то яростно выговаривать шанам. Горцы с презрением отмахивались от него. Он вытащил из-за пояса нож и помахал им в воздухе, не намереваясь никого убивать, а

Маун Каун вытащил из-под подмышки грозного вида пистолет и тоже им помахал.

Молодой дикарь кричал им вслед, а шаны ускорили шаги, видно, им ни к чему был шум.

Когда они вышли к следующей плантации, Маун Джо сказал Лене:

— Быстро, быстро!

Лена кивнула. Лучше вернуться и потом придумать, как с пользой употребить оставшуюся жидкость.

На этот раз пробочка упорно не открывалась, и вроде бы Маун Джо заметил, что белая женщина занимается недозволенными вещами. А может, торопился, пока не прибежали бандиты генерала Лю.

А вдруг в бутылочке не поппифаг? А вдруг его подменили?

Нет, характерный чесночный запах сохранился на пальцах.

— Пройдем вот так. — Лена показала путь вдоль долины, чтобы пройти мимо еще одной поляны. Но ее спутники отказались.

Они велели ей снова карабкаться наверх.

Они карабкались, стало невыносимо душно, они добрались до вершины, и Лена с облегчением подумала, что теперь начнется спуск к речке. Но она ошиблась. Наверху их ждали солдаты.

Сначала она жутко расстроилась. Ведь она только начала губить посевы. А что, если на этих участках ничего не получилось? Ведь она надеялась потеряться, уйти от шанов. Впрочем, замыслы ее были неконкретны, как будто она должна была ужалить, выпустить яд... или сделать как кета. Кета с запасом неиспользованной икры...

Шаны поднимались покорно — они тоже увидели солдат.

Маун Джо сказал:

— Ты иди, женщина. Тебя ловили.

Он подтолкнул Лену вперед, чтобы показать этим, что он здесь ни при чем, проводник и только.

Все было просто, обыденно, никто не собирался Лену мучить и убивать.

Шаны куда-то исчезли. Сначала Лена долго шла по тропинке, по жаре, солдаты шли быстро, не обращая внимания на нее. Хорошо еще, что она так исхудала за последние недели, что мышцам нечего было тащить на себе. Потом тропинка стала шире, превратилась в грунтовую дорогу, разбитую машинами. Лена представляла себе, как ее приведут к генералу Лю и он будет пытать ее, как советскую партизанку. Думать об этом не хотелось, поэтому она думала о том, что полковник Наронг обязательно придумает что-то, чтобы ее освободить. Он должен успеть, иначе наши мафиози до нее доберутся. А ведь они ей будут мстить за Васю.

Через несколько минут они добрались до небольшой деревни или, вернее, базы в лесу, партизанской базы. Там стояли бараки с окнами без стекол под тростниковыми крышами, в зарослях белело каменное здание, но туда Лену не повели. Ее оставили в небольшом бараке, разделенном пополам вертикальной решеткой. По одну ее сторону стояла лежанка, покрытая циновками. Там предстояло томиться Лене, по другую стоял стол и стулья — там сидели ее стражи, которые ни на секунду не выпускали ее из виду. На это можно бы наплевать, если человеку не надо отправлять надобности. Но терпи не терпи — приходится привыкнуть и к тому, что ты снимаешь грязные, отвратительные трусы на глазах у солдат.

Дня через три, когда в барак заглянул офицер, она постаралась объяснить ему, что человеку свойственно мыться. Тот сморщил нос, почуял что-то, и ей принесли целую бадью теплой воды. Хватило, чтобы помыться и постирать. Это был радостный день.

Мешали жить мыши и тараканы — они не кусались, не злобствовали, но чересчур суетились, а давить их было бессмысленно — новые придут.

Потом потянулись одинаковые дни. Не стала делать с первого дня зарубок, как граф Монте-Кристо, вот и потеряла счет дням.

Никто не приходил и не спешил ее спасать.

Никто не интересовался даже содержимым ее сумки.

Лена сидела в тюрьме вторую неделю, когда Аскольда вызвало к себе высокое начальство.

Не для разноса. Его уже разносили после смерти майора Вероники Кротковой. Она была ценным сотрудником, преданным делу защиты Родины, отмечена наградами и поощрениями, со знанием иностранных языков, близкий человек к самому генералу Прохорчуку. А с ней погиб еще один агент, Василий Нестеренко, человек, правда, пустой, даже выведенный за штат. Но ведь мы не бросаемся людьми! Нам дорог каждый живой человек.

Нет, не для разгона вызвали Ивана Тимофеевича.

— Мы получили сведения, — произнесло начальство, которое воспринимало себя во множественном числе, — это преувеличение или факт?

— Пока, надеюсь, преувеличение, но сами понимаете, ручаться может только Господь Бог.

— Докладывайте, не стесняйтесь. Вы уже достаточно напортачили.

— Эта женщина, — Аскольд говорил с искренней печалью в голосе, — связавшись с одним черным полковником, сумела забраться в такие места, где и мужчине трудно...

— Без эмоций, полковник, — сказало начальство. — Мы с вами не чай распиваем. Смог провалить операцию...

— Не я стрелял, а ваша Кроткова, — буркнул Аскольд, но начальство не любит, когда его перебивают, и потому оно стало барабанить пальцами по столу.

— Продолжай, — сказало оно, отступившись.

— Факт остается фактом, Сидорова жива...

— Не тяни, я понимаю, почему она жива. Уже нет резона убивать ее. Уже не остановишь.

— Главное — достать противоядие.

— Надо было не противоядие искать, а на пути этого...

— Поппифаг.

— Надо же придумать название. Уроды!

— Не мы придумали.

— Продолжай. Объясни мне по-человечески, почему ты ее не убрал с самого начала?

— С самого начала? За что? А потом было поздно. Ускользнула. Вы же знаете, что нет хуже любителей, они непредсказуемы. Профессионала я бы тысячу раз просчитал и снял его... Но главный фактор — ну гениальная баба, преклоняюсь! Кинуть такого гуся! Самого полковника Наронга.

— Не отвлекайся. Читал я объективку на твоего полковника. Большая сволочь. Но нас с тобой это не тревожит. Так что доставай противоядие. И без него не возвращайся. Ты понимаешь, что ты делаешь с мировой политикой?

— Никто, боюсь, не понимает.

Поэтому на некий день заточения к Лене снова пожаловал Аскольд.

— Ну и миазмы у тебя, — сказал он. — Пора выбираться на свежий воздух.

Лена встретила Аскольда равнодушно, тупо: она уже одурела от вони, духоты, насекомых — как удивительно, что человек может пережить все это и даже, если удается заснуть, видеть какие-то цивилизованные, даже радостные сны. Это возмущало — не утешало, а возмущало:

хуже нет, чем проснуться и провалиться из веревкинской весны в гниль лесной темницы.

— Я тут тебе банан принес, — сказал Аскольд и протянул банан.

Ему была противна эта баба — удивительно, что совсем недавно он видел в ней прелестную, хоть и грубоватую женщину. Это было существо, не более того, все узники постепенно превращаются в животных. Если вам будут говорить о чистых, мужественных и причесанных узниках — это инсценировка, липа.

Аскольд ожидал от нее человеческого движения — отказа от банана.

Но Лена вяло протянула руку, взяла банан и начала его чистить.

— Я стараюсь объяснить тебе, — твердил Аскольд, — что ты на свете живешь не одна.

— А кто еще? — спросила она без издевки, без иронии — просто хотела для себя уточнить, кто же, кроме нее, живет на свете.

Аскольд знал, что у Лены опять подвело живот — ее мучил колит, а может, амебная дизентерия — черт его разберет. А при этом Аскольде приходилось терпеть — не пойдешь же к параше, что стоит в углу темницы.

Аскольд не смог сразу ответить на вопрос Лены — он понимал, что тут он бессилен. К каждому человеку можно подобрать ключи через родных, близких или любимых. А Лена была защищена своим сиротством. По ней — хоть все жители Земли помрут от простуды — все равно.

Аскольд судил профессионально, упуская из виду важный движущий мотив Лены — месть. Месть тем, кто убил Николая и Бориса, и спасение бесчисленных Николаев и Борисов, обреченных на смерть, если она за них не вступится.

— Мы с тобой живем в жестоком мире, — произнес он наконец.

— Вижу. — Она не улыбнулась.

— Мы никогда не сможем сделать его идеальным. Но он, видно, не хуже всех других миров.

— Каких? — тупо спросила Лена, но на этот раз Аскольд не стал ей отвечать, а продолжал свою мысль, чтобы не забыть, не сбиться.

— От того, что здесь, в Лаосе или Бирме крестьяне выращивают мак, их дети могут пойти в школу, а они сами наесться досыта. Так что пойми диалектику — не бывает просто плохого или просто хорошего события. Для того чтобы вырастить, обработать мак, превратить его в опиум — многие и многие тысячи людей гнут спину и честно трудятся. Пойми же меня правильно и не старайся показаться романтиком — но еще тысячи людей, которые хранят, распространяют наркотики, тоже имеют детей и жен — и тоже их кормят. Это работа. Это часть экономики нашей планеты. И еще неизвестно, кого больше — тех, кто трудится, производит наркотики, или тех, кто их употребляет.

Тут Аскольд лукавил, но он не давал времени Лене подумать и возразить.

— Там, где есть, скажем, крысы, там существуют и собаки, охотники за крысами.

— Кто собаки?

— Я, к примеру, собака. Ищейка. Я положил жизнь на то, чтобы вылавливать наркотики, уменьшать вред от них, ловить особо наглых и опасных дельцов.

— Ты ловишь? А я думала, ты делаешь.

— Нет, я тебе уже говорил — я сотрудник особого отдела ФСБ. Я и мои товарищи рискуем жизнью, здоровьем — всем, чтобы в мире было меньше наркотиков, меньше бед и страданий и погибало меньше мальчиков.

— Вы? — тупо и недоверчиво переспросила Лена.

— Постарайся мне поверить.

— Нет.

— Тогда слушай и понимай! — Аскольд уже почти отчаялся вдолбить разум в голову этой скотины. Пора ее списывать — от нее смысла нет и быть не может.

— Слушай. Подумай. Вот в этом мире появились вы с вашим бывшим мужем. И тайком, не поставив в известность соответствующие органы, кинулись наводить в мире порядок. А в чем ваш порядок?

— Уничтожать, — сказала Лена.

— Не уничтожать, а умножать, — возразил Аскольд, отодвигаясь подальше — от этой женщины воняло. — Вот ты уничтожила посевы на одном, другом, десяти участках...

— На двух.

— Дура! Ты не знаешь, что творится! Оказывается, этот самый поппифаг распространяется как чума. Вирус переносится ветром, насекомыми, дождем... мы не успели пресечь это в первый день. А сегодня вирусом поражены фактически все поля в долине Сальвина и в верховьях Меконга. Сотни тысяч людей остались без дохода, без денег, теперь они бросятся воровать, убивать друг друга. Был худой мир, он был лучше доброй ссоры. Знаешь, что ты наделала, безмозглая кукла? Ты уничтожила мир.

— Не врешь? — спросила Лена и улыбнулась.

Аскольд удивился — занятый собственными речами, он выпустил из головы, что с дьявольской настойчивостью эта женщина стремилась именно к уничтожению посевов — он признался ей в том, что она его победила. Черт побери — начальству в таких ошибках признаваться не следует.

— В общем, ситуацию еще можно взять под контроль, — сказал Аскольд. — И ты должна нам помочь.

— Зачем?

— Я же тебе объяснил! Чтобы спасти сотни тысяч честных тружеников.

— Значит, больше не будет опиума?

— В этом и заключается твоя главная глупость! — закричал Аскольд. — Свято место пусто не бывает. Мы знаем, как бороться с героином, мы знаем пути и методы, мы можем контролировать его... ты уничтожишь источники героина — тут же появятся химические средства; они и сейчас уже есть, их куда труднее уловить, они действуют как пули: одна таблетка — и человек погиб. Понимаешь ли ты, что в своей слепоте ты губишь весь мир!

Лена отвернулась от него. Она не могла и не хотела задумываться — она сделала, что хотела, доплыла до нерестилища и погибла. Вот и все. А уж другие пускай решают...

Аскольд знал, что должен пристрелить эту женщину, ничего, кроме отвращения, не вызывавшую. Но не мог этого сделать. Он не убийца. Пускай меры принимает генерал Лю. Я улечу домой, и мы будем думать, как налаживать новые связи, как выпутываться из смертельной ситуации, в которую нас загнала эта злобная цапля.

Аскольд вышел из темницы. Солдат запер дверь. Аскольд пошел по тропинке среди банановых кущей к бараку — временной базе генерала Лю, у которого тоже возникли серьезные трудности в связи с гибелью посевов.

Генерал надеется на Аскольда. Генерал напуган. Конкуренты, а еще хуже — бирманские гвардейцы могут воспользоваться его бедами. Самое отвратительное заключалось в том, что стали поступать дикие, невероятные новости из лабораторий: вирус уничтожал сырец — не только мак, но и сырец опиума в лабораториях, и как от этого защититься — непонятно.

Аскольд подошел к бараку.

— Генерал здесь? — спросил он у офицеров, что лениво играли в шашки на веранде, начертив мелом доску и используя вместо шашек крышки от коки и лимонада.

— Подожди, — сказал один из офицеров, — генерал занят.

Они не считали Аскольда достаточно важной фигурой. Аскольд и не настаивал на этом.

Он оперся о перила веранды. Лес подходил к строениям — так их труднее найти вертолетам разведки.

Один из них жужжал неподалеку — Аскольд уже привык к этому, — бирманцы, возможно, готовили очередное наступление, неудачное, как и все предыдущие.

Жужжание превратилось в гул, в рев — это был не один вертолет, несколько машин приближалось к лесному лагерю.

Аскольд перепрыгнул через перила и кинулся к банановым зарослям.

Ракеты с вертолетов разрывались рядом с бараками и над бараками. Зрелище было подобно пиротехническим эффектам американского боевика про вьетнамскую войну.

Аскольд вжался в землю — земля была сухой, в горах давно не было дождя.

Мягкий толстый банановый куст свалился перед ним, открыв вид на поляну — из вертолетов выскакивали бирманские солдаты и бежали к баракам. Никто не мешал им.

Аскольд лежал и смотрел, как из разрушенного ракетой барака вытаскивают генерала Лю. У толстяка, видно, были перебиты ноги — они волочились по земле, а в пыли оставалась красная дорожка.

Аскольд стал отползать в чащу, к зарослям бамбука.

Наверное, это было лишним — его сразу заметили. Он увидел дуло автомата и стал подниматься.

— Я случайный человек! — закричал он по-английски.

Солдат расстрелял его.

А полковник Наронг отыскал Лену в темнице.

— Не трогай меня, — сказала она, — я очень грязная.

— Не все ли равно, — сказал Наронг. Но нежных объятий не было. Он приказал вызвать медиков.

Когда он через час пришел в вертолет, где кое-как обмытая и перевязанная она лежала на носилках, Лена спросила:

— Как ты меня нашел?

— Совместная операция, — сказал он. — Мы помогли бирманцам, а они отдали тебя мне.

— Зачем я тебе?

— В гарем, — сказал полковник Наронг.

— На меня нельзя смотреть.

— Я тебя откормлю, — сказал Наронг.

— А где Аскольд?

— Кто?

— Русский, который приходил ко мне.

— К сожалению, здесь не было ни одного русского, — сказал Наронг.

Он протянул ей банку пива. Банка была теплой.

— Спасибо, — сказала Лена. — Так что же с ним случилось?

— Его больше нет. С ним случился... несчастный случай.

— Ну и хорошо, — сказала Лена. Ей не было жалко Аскольда. Она так и не поверила тому, что он боролся с наркотиками. Он был одним из них.

— Ты не полетишь со мной? — спросила Лена.

— Я прилечу к тебе вечером.

— Куда?

— В госпиталь в Чиангаре.

— Спасибо, — сказала Лена.

— Я не хотел оставлять тебя здесь, — сказал Наронг. — Я тебя люблю.

И подошел к люку, там обернулся и помахал ей, словно стеснялся слов, которые вырвались у него, отважного черного полковника.

Когда вертолет поднялся, она села на носилках. Два солдата и медсестра, что летели с ней, не мешали.

Лена стала смотреть в круглое окошко вертолета. Ей хотелось убедиться в том, что и в самом деле ей что-то удалось.

Внизу были горы, зеленые массивы леса, бурые и зеленые проплешины полей. Правда, красных заплат она не заметила.

В госпитале ей сказали, что она истощена — и физически, и морально. Ей надо отдохнуть. В санатории.

Она легла в постель и задремала. Было чудесно, она была чистой-чистой, отмытой, продезинфицированной, даже волосы, хоть их и остригли бобриком, были сказочны чисты. Вы не поймете, повторяла Лена, что значит для женщины стать чистой после долгих-долгих дней в темнице с тараканами и крысами. Я могу понять графа Монте-Кристо, который так беспощадно мстил своим тюремщикам. Но ее-то тюремщики уже уничтожены. Нет Аскольда, нет генерала Лю.

Ее разбудили два офицера, полицейские. Они принесли ей джинсы, белье — целую сумку, словно кто-то ходил в магазин и выбирал по ее размеру. Она обрадовалась тому, что Наронг продолжает заботиться о ней.

Офицеры попросили ее одеться и подождали в коридоре.

Пришел доктор и вежливо попрощался с Леной. На дорогу он дал ей с собой таблетки в баночке. Велел принимать через четыре часа. Таблетки назывались «валиум», наверное, вроде валерьянки.

Сандалии немного жали, с белья и джинсов она сорвала этикетки и наклейки.

Один офицер шел впереди, второй сбоку, они не разговаривали с ней, и Лена решила, что она сейчас увидит Наронга.

Серая машина, «тойота», ждала у входа в госпиталь.

Они доехали до аэродрома. Все было рассчитано точно. Ей вручили билет до Москвы. И сто долларов.

— А где Наронг? — спрашивала она. — Где полковник Наронг?

Ей никто не ответил.

Лена поняла, что так, наверное, лучше всего — она сравнила фотографию в паспорте с собой в зеркальце.

В Шереметьеве пограничница тоже долго сравнивала ее с фотографией, и Лена ее понимала.

Ее так и не пропустили на Родину. Пришел лысый майор и отвел ее в белую комнату.

Два часа Лену допрашивали, где она пробыла все это время, не видела ли она там наших граждан и прочую чепуху. Она отвечала, что была больна и лежала в деревне. Так случается — заблудилась и заболела.

Ничего они от нее не добились.

Потом майор и второй, в штатском, вышли, но дверь закрыли неплотно, и Лена услышала, как майор сказал:

— Пока пускай едет, ничего не добьемся.

— Может, изолировать?

— За что?

— Героин?

— Ты ей подсовывать будешь? Да? А санкции ты получил?

— А если он вернется?

— Вот вернется, и решим... А пока...

Что «пока», Лена не узнала, потому что штатский заметил щель и прикрыл дверь.

Может, они не знают, что случилось с Аскольдом? Места там глухие, базу уничтожили полностью...

Майор ей сочувствовал. Неизвестно почему. Прощаясь, передал ей скоросшиватель с ксероксами статей из газет.

— Ознакомьтесь в поезде, гражданка Сидорова, — сказал он.

Лена подумала, что слово «госпожа» произносить неловко, не прививается оно в России.

В поезде Лена начала читать. И удивилась — в суматошном ускоренном движении последних дней она не замечала нарастающего гула лавины, которую сама же столкнула.

Она читала заметки по порядку, с того дня, как она попала на участок опиумного мака, и до последних новостей.

Сначала шли сообщения туманные и не всем понятные. «По сведениям западных агентств, в известном центре наркобизнеса, так называемом Золотом треугольнике, появилась неизвестная ранее болезнь, поражающая плантации мака...», «Вирус, поразивший посевы опиумного мака в Юго-Восточной Азии, продолжает распространяться. Ученые не торопятся с выводами», «Азиатские наркобароны не могут выполнить обязательства перед рынком. Обострение положения в Золотом треугольнике...», «Передел собственности в мире наркотиков. Бои в районе Сальвина. Гибель диктатора джунглей — генерала Лю», «Бешеный скачок цен на мировых рынках героина. Перестрелка на Шереметьевской таможне. Активизация афганских боевиков на Памире».

Лена, конечно, понимала, что это все — ее месть. Но когда ты сидишь в недотопленной электричке, по проходу спешит продавец газет с криком: «Бои в районе Ходжента. Боевики оппозиции захватили горный перевал», а за ним другой продавец, стараясь перекричать первого, взывает к любителям шоколада с фруктовой начинкой, когда на твоих туфлях лежит чья-то собака, а сверху норовит упасть лопата, в такой момент нельзя, невозможно воспринимать себя спасительницей или губительницей мира.

Лена не смогла дочитать заметки в скоросшивателе, хоть путешествие до Веревкина неблизкое. Но она откладывала их, потом начинала читать снова — ей не было

страшно. Это чужое. Даже когда в одной из последних заметок было сообщено, что вирус мака уже перекинулся на посевы риса, что ставит под угрозу урожай в Юго-Восточной Азии, она не встревожилась. Она стала думать, как ей объяснить отсутствие директору школы, а потом вспомнила, что надо сделать камень на могиле Бори... и на могиле Николая, ведь свекровь не поможет... Что же ты, кета? — спохватилась она уже на платформе в Веревкине, выметала икру и собираешься жить дальше?

Не знаю, ответила она себе.

И беспокоюсь — как там полковник Наронг.

Пошел первый снег. Он падал на грязные лужи, дул пронизывающий ветер — сразу запершило в носу. Организм привык к тропикам.

Ожидая на площади перед вокзалом автобус, она увидела, как Оксана, бывшая подруга Бори, садится в белые «жигули», а ее там ждет черноволосый парень. Может, брат, может, жених. Окликнуть ее? Захочет ли Оксана вспомнить Борю?

Пока Лена стояла в нерешительности под мокрым снегом, Оксана увидела ее. Она захлопнула дверцу машины, опустила стекло и, когда проезжала мимо, помахала из машины Лене.

— С приездом! — крикнула она.

Это хорошо, что такая плохая погода. Лена никого не встретила ни на улице, ни во дворе. Прошла к себе. Из почтового ящика торчали газеты, те, что не поместились, лежали на полу, под ящиком, аккуратно сложенные в стопку кем-то из соседей.

Лена собрала газеты, прошла в дом.

На кухне на столе стояла чашка Бориса с темным сухим осадком на дне.

Лена села за кухонный стол и заплакала. Она долго плакала.

Потом стала убираться, мыть пол, принялась за стирку — как автомат. И все плакала.

Потом села за кухонный стол и стала читать газеты за последние дни. И почти сразу наткнулась на заметку — ну прямо как судьба распорядилась: «В интервью, которое дал корреспонденту агентства Рейтер начальник управления по борьбе с наркотиками Таиланда бригадный генерал Наронг Чинарат, тот заявил, что сама природа пришла на помощь правоохранительным органам, наслав заразу на маковые поля. Генерал Наронг Чинарат заявил, что он надеется на успехи ученых, которые спасут от вируса посевы риса».

Вот и слава Богу, сказала Лена. Хоть он жив. Они там так боялись, что Наронг женится на мне... Ей хотелось верить в то, что ее выслали враги Наронга. Это было совсем не похоже на предсмертное поведение кеты.

На следующий день Лена пошла к свекрови. Свекровь была ею недовольна. Никакой заботы о семье. Ты сама виновата в собственных несчастьях.

В школе директор обрадовался ей и старался вести себя обыкновенно.

— Когда выходим? — спросил он.

Лена обещала выйти сразу после каникул.

В кафе «Свежий ветер» было пусто. Там открыли окна, покрасили стены в желтый цвет. Стало светло и скучно. Оказывается, кафе перекупил какой-то кавказский человек. Неделю назад была колоссальная для Веревкина разборка, старые хотели получить кафе обратно. Но его уже защищала милиция. Вы помните Буреева? Здоровый такой? В больнице умер, не приходя в сознание.

Через два дня неожиданно приехал майор Виктор Степанович из Москвы. Он сказал, что стали известны обстоятельства гибели Ивана Тимофеевича. Лена с трудом сообразила, что имеется в виду Аскольд. В связи с этим у органов появились новые вопросы — не будет ли

любезна гражданка Сидорова на них ответить. Ведь она была в тех краях именно в те времена. Что знает? А вдруг встречала Ивана Тимофеевича?

И тут Лена сказала — чего ей бояться? — что он допрашивал ее в лагере генерала Лю. Честное слово. Потому что он сам принадлежал к мафии.

— Чепуха, — ответил неуверенно майор Виктор Степанович, которому далеко не все сообщили, — по моим сведениям, он был внедрен в их системы.

Лена напоила Виктора Степановича чаем. Он был вдовцом, сын учился в Петербурге, дело с наркотиками ему навесили из-за болезни другого сотрудника. Виктор Степанович рассказал Лене куда больше, чем положено, но, конечно же, не все.

Виктора Степановича беспокоило распространение вируса. Оказывается, в газетах пишут далеко не все. Уже ООН занялась этой проблемой. Урожай в Таиланде погублен, стране грозит голод, болезнь перекинулась на Лаос, Бирму и даже Вьетнам. Есть случаи гибели посевов в Индонезии. Наступает мировая катастрофа.

— А мак? Опиум? — спросила Лена. Она не осознавала мировую катастрофу, она хотела узнать, исчез ли в мире героин?

— Какой там опиум! — сказал Виктор Степанович. — Конечно же, героин почти исчез. Конечно же, цены подскочили...

— Но молодежь не может купить так дорого, — сказала Лена. — Значит, сокращается...

— Что сокращается? — спросил Виктор Степанович.

— Потребление.

— Может быть, я не специалист, — сказал Виктор Степанович. — Но свято место не бывает пусто. Завтра им подсунут другие наркотики.

— Но не опиум! — закричала Лена.

— Ну, не опиум, — согласился Виктор Степанович, который не понял, почему так взорвалась его собеседница.

Он уехал с вечерним поездом, долго топтался в передней и сказал, глядя печальными карими глазами на Лену:

— Если бы вы позволили, я бы вас навестил снова... или, может, вы приедете в Москву? У меня есть знакомый режиссер, я могу достать билеты в Дом кино.

— Спасибо, — сказала Лена.

Всю зиму ученые то открывали противоядие против вируса, то сдавались. Лена позвонила Виктору Степановичу, тот обрадовался, думал, что Лена хочет встретиться, а она сказала, что вирус называется поппифаг и Николай оставил записи в сейфе института.

Виктор Степанович вздохнул и ответил, что все это было известно органам еще до ее возвращения. Но вирус уже настолько мутировал, что даже если бы нашли против него вакцину, она бы не помогла спасти рисовые посевы. Тем более что болезнь перекинулась на Китай. Вы понимаете, чем это грозит?

Лена сказала, что понимает, но в самом деле, хоть и должна была связать свой рейд с мировой катастрофой, этого не делала. Иначе получалось бы, что права не ее ненависть, а Тигриный глаз. Аскольд, оборотень Иван Тимофеевич. А так нельзя...

Весной официально было объявлено, что болезнь распространяется на пшеницу. Страны закрывали границы и объявляли карантин. Первый белковый завод в Москве открылся на базе Останкинского комбината, но работал он на нефти — надо же было кормить скот. Хотя скоту недоставало пищи, и коров резали.

У Лены еще оставались доллары. Она поставила камень — общий — на могиле Николая и Бори, хотя свекровь возражала и требовала отдельные памятники.

Зарплата была маленькая, но если ничего не нужно, то и на зарплату проживешь.

Лена собрала все оставшиеся деньги — долларов триста — и пошла к Клаве. Ей сказали в школе, что Клавка живет плохо.

Клавка, увидев Лену, принялась реветь. Она легко ревела. Ее супруг разорился и от мести подельщков свалил в Штаты. Обещал ее вызвать к себе — и с концами! Ты понимаешь, он меня бросил и теперь трахает фотомодель! Он всегда мечтал о фотомодели.

— Кому он там нужен, — неосторожно сказала Лена.

— Мне-то был нужен, — обиделась Клава. И тут же забыла о бедах, стала спрашивать — что там, в Таиланде, что можно купить? Она собиралась заняться челночным бизнесом, даже нашла себе спутника, но тут начались эти перевороты и беды с пропитанием — даже в Турции! Вот и приходится влачить.

Лена вынула триста долларов и дала их Клавке.

Когда Клавка отревелась, она стала звать Лену в челноки. Ведь людям всегда надо одеваться, даже если вместо хлебушка ты жрешь белковые котлеты.

Лена отказалась, но показала ей звездный сапфир.

Клавка, как сама сказала, отпала.

— Я все продам, — сообщила она, — даже квартиру. Ты его на мои деньги купила?

Если сказать, что так, Клавка умрет, но отнимет.

— Нет, — сказала Лена правду, — мне подарил поклонник.

— У тебя? Был? Такой? Поклонник?

Если бы Клавка посмела, она бы продолжила монолог и рассказала бы Лене, что у той не фигура, а стиральная доска. Но не посмела, а стала просить камешек на время. Лена его, конечно, не оставила. Она любовалась им. Он напоминал Наронга, золото Меконга и звон цикад.

ЗОЛУШКА НА РЫНКЕ

1

— Дашенька, Дашечка, лапушка, лапочка! — С таким криком по зеленой траве космодрома неслась, подпрыгивала, взлетала высоко в воздух и кружилась в вихре веселья Валерия Никодимка.

— Дашенька, Дашечка! — передразнил ее Паскуале, старый ворчун.

Она налетела на Дашу, как большая восторженная собака, как теплый шквал, как рой тяжелых, переполненных нектаром тропических бабочек.

Дарья не удержалась на ногах и сдалась напору жарких поцелуев и тесных объятий.

Они покатились по мягкой траве, и Даша только и могла повторять:

— Ну и толстая ты стала, Валерка, ну и толстая ты!

Они скатились с пригорка в ложбину, где росли стаканчики с мороженым, опасная выдумка Лаборатории Наслаждений, перемазались вишневыми сливками, а Паскуале стоял на пригорке и кричал:

— Только не ешьте, только не ешьте, мороженое еще не поспело! Животами будете маяться.

Это показалось девушкам настолько смешным, что они зашлись в хохоте, и Даша чуть не упустила тихий писк на виске: ее вызывали из Подводного Хозяйства — они обещали позвонить в четыре, но только сейчас, в половине шестого, им удалось поймать глезиозавра. Это долгая и не очень интересная история, сплошная пале-

онтология, правда, имеющая немалое научное значение. Ведь первая и пока не очень удачная попытка поселить в глубинах Тихого океана морских динозавров, возрожденных из окаменевших ДНК. Скучная история, обещающая немало интересного в будущем.

Платформа со знаком Московской Президентуры нырнула в ложбинку и зависла в метре над травой.

— Только не измажьте ее мороженым, — велел Паскуале.

— Старый ворчун! — сказала Даша.

— Мы ее оближем, — сказала Валера.

Они вспрыгнули на платформу, на мягкий ковер-самолет, который неловко было назвать ковром, ненаучно, потому его по настоянию изобретателя именовали идиотским словом «платформа».

Паскуале летел следом, сам по себе.

— Разгоняет воробьев, — сказала Валера.

— Ты его помнишь?

— Еще бы! Но он постарел.

— Ты тоже не помолодела.

— Тридцать лет — роковой возраст. Если не выйду замуж в ближайшие тридцать лет, придется остаться старой девой.

Платформа сбавила ход — они пролетали сквозь пляж воздушных ванн. Здесь на стометровой высоте, как раз над Окой, по уверению модного целителя, имени которого Даша запомнить не могла, получался самый лучший, здоровый загар. Люди верили, висели часами в воздухе, поворачиваясь как курицы на вертеле, чтобы достичь «равноосмугления». Это же надо придумать такое слово! Человечество неизлечимо.

Платформа пошла вниз, загорающие махали вслед.

— Тебя любят? — спросила Валера.

— Я не задумывалась, — ответила Даша. — Наверное, если бы я начала задумываться, то восприняла бы себя всерьез. А это катастрофа.

В загородном дворце кипели невидимые для окружающего мира, но интенсивные приготовления к празднику.

Президент Московской Федерации Дарья Иванова, тридцати лет от роду, собирала друзей, однокашников, группу, в которой училась в Архитектурном институте.

В большинстве своем выпускники остались на Земле, многие в России, так что они слетятся к началу ужина, но некоторые, как, например, лучшая подруга Валера, оказались вне планеты. Кто по работе, а кто по семейным обстоятельствам. Валера, к примеру, сразу после института выскочила замуж, ради семьи бросила работу, кинулась за мужем осваивать Луны Сатурна — ах, какая экзотика! — семья рассыпалась, муж сбежал обратно на Землю, а Валера осталась с двумя детьми на Базе.

Во дворце Дашу уже поджидали Борька Брайнис с Галкой, Дима-Помидор и совсем не изменившаяся Вера Черникова. Вера любезничала с волосатым, но лысеющим бардом, Борька вяло слушал, как его жена спорит с поваром по поводу торта, и при виде хозяйки дома сообщил, что звонила Марина. Сейчас будет. И все удивятся.

Появилась Марина, и все удивились. Когда учились, в Марине было два метра без малого, она была центровой в институтском баскете, но на дипломе в нее влюбился принц пигмейского племени из Конго. Он буквально проходил ей между ног. Любовь — загадочное чувство. Марина-Марешок чуть не завалила диплом, она не вылезала из коротковатой койки принца, который что-то осваивал или изучал в Москве, она уверяла, что более бурного и настойчивого любовника

быть не может, она хладнокровно выдерживала все насмешки однокашников, она не явилась на церемонию вручения дипломов, потому что в тот день улетела с возлюбленным в Африку.

А потом, как всем в группе было известно, случилась трагедия.

Отец принца, король племени, а также все влиятельные члены рода категорически воспротивились браку принца с этой белой дылдой. Или она будет как все нормальные люди, или пускай уезжает в свою ледяную Москву.

И любовь победила.

Марина-Марешок подвергла себя сложной операции, чтобы угодить родне и остаться на берегах Конго.

В небе материализовался, окутанный облаком протоматерии, катер с гербом Пигмейской автономной области.

Женский голос произнес:

— Снижаюсь в капсуле. Разойдитесь с газона, а то зашибу.

Гости и повара кинулись в разные стороны.

Капсула опустилась, в ней открылся люк, в люке появилась Марина-Марешок, которую было трудно узнать, потому что она была не более ста тридцати сантиметров ростом, чернокожа, курноса и губаста. В остальном она мало изменилась.

— Ах, — сказал Паскуале, — любовь побеждает рост.

— Но природа побеждает законы людей, — поправил его Борька Брайнис, потому что следом за Мариной из капсулы выбежали, резвясь, все пятеро ее детей — наследных принцев и принцесс Пигмейской автономной области республики Конго: шести лет, пяти лет, четырех лет, трех лет и двух лет. Все они, несмотря на нежный

возраст, баскетбольного роста, нежной белой кожи и орлиных, подобно прошлой Марине, черт лица.

Мама стояла перед своими детьми как болонка перед стаей борзых.

Дети прибежали пробовать сладкое, что им дома категорически запрещалось, потому что пигмейские принцы и принцессы должны собирать в лесу грибы, ягоды, червяков и лягушек и этим питаться.

Но самое удивительное произошло потом.

Стоило детям отойти подальше, а соученикам по группе заняться разговорами, как из капсулы вылез маленький пигмей в форме пилота пигмейской авиации. Он принялся жарко целовать Марину и затем увлек ее обратно в капсулу, которая начала чуть раскачиваться от страстных действий пигмея и пигмейки.

— Это ее муж? — спросил Паскуале, заметивший исчезновение королевы пигмеев.

— Это ее пилот, — поправила Паскуале Валера.

И Паскуале, сторонник католических догматов, приуныл. Он терял веру в людей.

Дарья ждала, когда приедут друзья с Урала — Нектарий и Спок. Они скажут ей, куда делся Вадим. Вадим, отвергнутый ею и оскорбленный так жестоко.

А до того ей пришлось вернуться к делам Федерации.

Звякнул вызов, и Даша убежала к себе в кабинет, чтобы не разрушать делами веселье.

Диетологи города Икши били тревогу: средний вес жителей города превысил все допустимые нормы. Но комитет по защите прав граждан отказывался одобрить строгую диету, на которую гражданам положено было сесть. «Или булки, или жизнь!» — под этим лозунгом колонна диетологов вышла на улицу Икши.

Даша связалась с Министерством внутренних дел. Поднять по тревоге Таманскую дивизию приказала она. Пусть ждет указаний. Мы не можем допустить, чтобы нарушались основные права наших граждан — пить, есть, спать, любить и заниматься творческим трудом.

Тут же откликнулся Верховный суд.

Мнение суда сводилось к тому, что действия диетологов, уже взорвавших несколько кондитерских в городе, диктуются гуманной заботой о гражданах. Следует искать компромисс.

— Не люблю диетологов. В конце концов они придут к власти, и мы все поломаемся от первого порыва ветра, — сказала президент председателю Верховного суда.

— Я сам их побаиваюсь, — ответил председатель, озабоченно почесывая округлое брюшко. — Вот-вот до меня доберутся... Они и в могиле до нас доберутся... Вы не поверите, но у нас появился проект диетологов о недопущении общественных похорон в открытых гробах людей, чей вес больше чем на пуд превышает норму.

— А что же делать? — ахнула Дарья.

— Только в цинковых гробах и только на загородных кладбищах.

— Это бесчеловечно. Пора всерьез заняться диетологами!

— Но это будет нелегко сделать. В конце концов мы демократическое общество и сами вызвали к жизни этого Франкенштейна!

— Кого?

— Некий Франкенштейн сотворил чудовище. В начале девятнадцатого века. Как бы продолжение самого себя.

— Хорошо, займитесь этим, — сказала Даша и быстро отключила видеофон, потому что наглый Ким Ду, воспользовавшись тем, что Даша поглощена разговором с судьей, обнял ее и принялся нежно, до щекотки, целовать в шею.

— Ким Ду, я тебя убью, — сказала Даша. — Как ты смеешь это делать, когда в любую минуту кто-то может войти. Ты забываешь, что я — президент этой страны, государственный чиновник, можно сказать, королева и повелительница. Я тебя посажу в тюрьму и велю отрубить твою наглую голову.

Ким даже не стал смеяться. Ему было некогда, он старался раздеть Дашу, к чему она была совершенно не готова.

— Ты сошел с ума! — воскликнула она, отчаянно борясь со сладким предвкушением любви, которое разлилось по всему телу. — Это платье мне специально привезли из Парижа. А ты его мнешь!

Ким Ду даже не отвечал. Он добрался своими тонкими хваткими пальцами до застежек.

— Ты не артист, ты мерзавец! — шептала Даша, уже почти не сопротивляясь. Она лишь успела нажать на кнопку возле канапе, и на автоматически замкнувшейся двери загорелся красный огонек и под ним — зеленая надпись:

НЕ ВХОДИТЬ. ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ

В этот момент на поляну перед дворцом опустился корабль, на котором прилетели Нектарий и Спок.

— Президент занят, — мрачно сказал Паскуале. — Чрезвычайное совещание.

— Надолго? — спросил обросший красной бородой Нектарий.

— Ах, эти женщины, — сказала Валерия, которая как лучшая подруга была к Даше снисходительна. — Им нельзя доверять дела государственной важности, потому что в решительный момент их блудливая натура возьмет верх.

Все вокруг засмеялись, потому что любвеобильность Валерии стала притчей во языцех еще в институте.

Но Даша, как президент страны, никогда не забывала о своем долге. Даже трепеща маленькой птичкой в нежных объятиях музыканта, она не выключила аппаратов внешней связи, которые передавали в ее кабинет все, сказанное на поляне перед дворцом.

— Хватит, Кимуля, — сказала президент, чувствуя, что музыкант вот-вот овладеет ею.

— Что случилось? Вы холодны ко мне? — обиделся Ким Ду. — Может, мне уехать? Может, я вам надоел?

— Нет, все не так просто, — ответила Даша, — помоги мне застегнуть платье. Я жду вестей о мужчине, которого я любила, но отвергла, потому что он показался мне дурно воспитанным дикарем.

— А теперь вы передумали?

— Вот именно. Сейчас меня тянет именно к дурно воспитанному, но искреннему в своих чувствах и словах дикарю.

— Я вас не понимаю, — сказал Ким Ду. — Мне за вас обидно. У вас одна пуговичка отлетела.

— Можно ли сейчас думать о пуговичке?

Президент выключила запретную надпись у двери и вышла к друзьям.

Она поцеловалась с Нектарием.

— У тебя страшно щекотная борода.

— Мне надо перекинуться с тобой двумя словами.

— Можно здесь?

— Какие могут быть тайны от друзей! Наш председатель Собрания просил передать тебе письмо. Он предлагает установить таможенный союз. Наша беда в том, что челноки из Тулы проникают на наши плантации не платя пошлин.

— Какой стыд! — воскликнула Даша. — Ты знал об этом, Паскуале?

— Нам не доложили, — вздохнул Паскуале.

— Ах, ты опять лжешь, старый негодник, — засмеялась Даша. — И что же предлагает ваш председатель?

— Он бы хотел встретиться с тобой, Дашка, и лично все обсудить.

— Исключено, — возразил Спок. Его тут же поддержал Борька Брайнис. — Этот председатель надеется получить твою руку и сердце. Он женится на тебе и превратит славное Московское княжество в сырьевой придаток своей Марсианской империи. Народ будет недоволен.

— Мы будем недовольны! — захохотали остальные гости.

— Ты лучше скажи мне, — Даша возвратила Нектарию письмо, — где Вадик, что с ним? Здоров ли?

— Он только что покорил гору Эребус на Марсе, — сказал Нектарий. — Пешком, без кислородного прибора на высоту больше десяти километров.

— Больше двадцати, — поправил его Спок.

— Да кто у нас на Марсе считал! Главное, что без прибора. Но его спасли.

— Плохо? Очень плохо? — испугалась за бывшего возлюбленного Даша.

Тут раздался звон тысячи колокольчиков.

— Просим всех к столу! — провозгласил шеф-повар. — Всех гостей к столу.

— Погоди! — отмахнулась Даша. — Где Вадим? Как себя чувствует?

— Он страшно огрубел в высоте без кислорода под палящим марсианским солнцем, — вздохнул Нектарий. — Он на человека не похож.

— Но продолжает любить тебя, — сказал Спок.

— Паскуале, — строго приказала Даша своему премьеру, — немедленно дай правительственную на Марс. «Доставить за счет нашего государства альпиниста Вадима Глузкина в городок Веревкин на минеральные воды для прохождения курса лечения».

Даша закручинилась.

Она понимала, что пропасть между ее изящной и изысканной натурой и грубостью Вадима еще более расширилась и углубилась.

А вокруг никто и не замечал ее печали.

— Соловьиные язычки, соловьиные язычки, — повторял Дима-Помидор, который так и не изменился за десять лет, — я себя чувствую императором Тиберием. Но боюсь, что меня растерзают экологи!

— Не волнуйся, Димка, — сказала Даша. — Экологи тебя не тронут. Неужели ты думаешь, что в нашем почти сбалансированном, почти счастливом мире кто-то поднимет руку на соловья! О нет!

— А жаль, — сказал Дима-Помидор, которого порой посещали странные прозрения. — Потому что они столь же нереальны, как и весь наш мир. Мы с тобой придуманы, мы придуманы кем-то очень несчастливым, как сладкий сон. Страшно проснуться...

— Не знаю, а мне кажется, что я прожила в нашем выдуманном мире большую часть своих тридцати лет.

— Большую часть! — воскликнул Дима-Помидор. — Но не лучшую.

Даша не успела ответить Диме, так как к ней подошел один из гвардейцев.

— Госпожа, вас немедленно требуют в кабинет.

— Кто требует?

— Некто, кто знает ваш секретный код.

— Он мог бы вызвать меня напрямую.

Гвардеец пожал могучими плечами ватерполиста (именно из ватерполистов набиралась гвардия президента) и произнес:

— Кто их всех знает...

Неприятное предчувствие кольнуло Дашу в самое сердце. Что случилось?

Стоя вокруг овального белого стола, друзья подняли бокалы с шампанским за здоровье Даши, Дарьи, Дарьюшки, их любимой подружки и добрейшего президента славной Московии.

Неужели пора? Неужели так быстро пронеслось время? О нет, как мне не хочется, именно сегодня! Где ты, профессор Тампедуа? Пожалей меня, дай насладиться весельем? Я не хо-чу!

Сколько-то минут у нее осталось.

Даша быстро прошла к себе в кабинет.

Там было полутемно.

— Кто вызывал меня? — спросила она.

— Это я, — прозвучал знакомый хриплый голос.

— Вадим? Как тебя пропустили гвардейцы?

— Я помню секретный пароль.

— Давно следовало бы переменить его.

— Ты не хотела, чтобы я приходил?

— Я всего-навсего слабая женщина, — сказала Даша.

— А я оказавшийся слабым мужчина. Я хочу тебя, я стражду тебя!

Дарья подошла поближе к отвергнутому возлюбленному.

Лицо Вадима было обезображено марсианским ожогом, глубокие шрамы пересекали щеки, делая его почти неузнаваемым.

Он протянул к ней в мольбе широкие, огрубевшие от канатов и ледоруба ладони.

Лишь глаза Вадима оставались прежними — голубыми, небесными, безоблачными.

— Неужели ничего в твоем сердце не шелохнулось?

— Я не могу сказать... — Но сами ноги уже несли Дашу. Она приближалась, желая и не желая того, что должно произойти.

В мозгу зазвенел звонок.

Она не могла, не смела сопротивляться ему.

— Прости, Вадик, — сказала Даша изменившимся голосом. — Прости, я тебе все объясню...

Как Золушка, убегающая с бала, Даша метнулась к внутренней двери, ведущей из кабинета в транстемпоральный отсек.

— Что с тобой? — кричал ей вслед принц.

— Я не могу тебе сказать! — отозвалась на бегу Золушка. — Фея сердится на меня.

Транстемпоральный отсек был безлик, неуютен и официален, как приемная дантиста. Как ни украшай ее искусственными цветами, легче не станет.

Золушка кинулась к карете, пока она не стала тыквой.

Вот он, прикрепленный к стене над кушеткой плоский серый металлический квадрат.

Надо только приложить к нему ладонь.

Золушка кинула взгляд на часы, тикающие над темпоральным квадратом.

Время! Часы бьют полночь!

И со вздохом Золушка приложила ладонь к квадрату.

Беззвучно в беззвучии отсека загорелись, перемигиваясь, миниатюрные огоньки.

И все пропало...

2

Занавеска была рваной. Когда у тебя хорошее настроение, это даже интересно — можно подсматривать за тем, что там делает тетя Шура.

Тетя Шура — неудавшаяся актриса, может, даже гений. Она играет всегда — и когда одна, и когда в компании. Ее актерские способности выродились в умение разнообразно и щедро врать. На публике она делает вид, что не врет, — иначе как поверят! Зато дома, одна, она выступает как Комиссаржевская.

Вот и сейчас она подошла к зеркалу с недопитой бутылкой, но не пьет сразу — видно, только что поднялась, еще не подперло, она держит бутылку в руке и говорит ей:

— Бедный Йорик.

Это что-то знакомое. Дарья смотрела в кино, старый фильм, там Смоктуновский играл. Тоже держал черепушку. А потом его самого отравили.

— Хватит кривляться! — Дашу вдруг одолела злость. Ничего не поделаешь — с такой жизнью нервов не осталось.

Даша со злостью отдернула занавеску, та оторвалась от проволоки с таким треском, что кого хочешь испугаешь.

Тетя Шура тоже испугалась. Она ведь глупая.

Тетя Шура завопила и запустила бутылкой в Дашу.

Даша не ожидала, что свекровь сможет расстаться с такой драгоценностью. Видно, в роль вошла.

Поэтому Даша и не отклонилась толком. Бутылка долбанула ей по скуле — синяк будет! — бабахнулась о стенку, и во все стороны полетели осколки. Стеклом Даше поранило руку, которой она хотела закрыться. Кошмар какой-то. Лучше бы и не просыпаться.

— Я тебя убью, — сказала она тете Шуре. — Я тебя, гадюка, собственными руками придушу!

Ей казалось, что она говорит спокойно, но, наверное, завопила, потому что, с некоторой оттяжкой, в стену замолотил пенсионер Срунов, честное слово, такая фамилия. Он бегает по своей квартире и молотит в стенки — всем соседям надоел, скорей бы его в психушку забрали. Даша ему говорила — будет себя так вести, напустят на него братву, они его в психушку, а квартиру на продажу! Да разве он поймет?

Тетя Шура села на диван и принялась рыдать. Что ее жизнь проклятая, что ей плохо, никто ее не любит и не уважает, и последнюю водку Дашка вылила. Как будто эта водка с Дашиной кровью не смешалась. Конечно, тетю Шуру можно пожалеть. Сын сидит, муж под электричкой пострадал, в доме инвалидов мается, даже внуков Бог не послал. И сама артритом измучена. Все ясно, но зачем бутылками умышленно бросаться. Ведь ее счастье, что Даша ей попалась мирная, тихая, все говорят. Другая бы давно выгнала.

Тетя Шура рыдала, от страха или стыда, а может, жалела бутылку. Срунов все еще постукивал в стенку, ждал ответных действий.

Даша пошла в ванную, помылась, потом наложила пластырь на скулу. Надо бы еще и второй — на плечо, но пластыри кончились.

Посмотрела на себя в зеркало — краше в гроб кладут.

Долго причесывалась. И думала, возьмет ее на работу Ахмед или не возьмет. Ахмед человек немолодой, у него семья, может, приставать не станет.

«Ну почему я такая невезучая!» — внутренне закричала Даша. Ведь все было хорошо, жила в Ашхабаде, мать была, отец — бухгалтер. Девчонкой попалась на перестройку. Там, в Туркмении, осталась мать, отца уволили, он от инфаркта умер, а мать живет как-то с сестрой. Не пишет. На марках экономит. А Даша как окончила школу, познакомилась с лейтенантом Костей. Славный парень, танкист, загорелый до черноты, за ним многие увивались — часть стояла под Ашхабадом, как раз за школой. Вышла замуж, поехали потом с его частью на Север, в Кандалакшу. Кому нужны танки в Кандалакше? Кому-то нужны.

В дверь молотили.

Даша была в халате, кровь проступила на плече, вышла к двери.

Там стояла толстая, как квашня, мать Тамарки, той самой, с которой осенью Даша ездила в Турцию челноками, а их на обратном пути ограбили и изнасиловали в поезде. История противная, но еще и страшная, потому что за груз надо было расплачиваться — ездили на процентах от реализации.

Мария Павловна была заплаканная, вся тряслась. Даша сразу поняла — беда с Тамаркой.

— Что? Говори, что?

Даже не позвала зайти. Сама начала трястись.

— Машиной сбили, — плакала Мария Павловна. — В Туле, возле фабрики, вечером шла, ее и сбили.

— До смерти?

— В реанимации лежит, положение, говорят, средней тяжести. Позвоночник поломали.

Даша поняла, надо звать Марию Павловну внутрь, слушать ее, сочувствовать, а тут еще тетя Шура вмешается со своими глупостями.

Но Мария Павловна заходить не стала. Повернулась и пошла прочь.

На лестнице, пролетом ниже, села на ступеньки и стала плакать дальше.

Даша не побежала за ней. Она закрыла дверь, заперла ее на нижний замок. И снова пошла в ванную. Там села на стульчак, санузел совмещенный. На стульчаке хоть думалось — никто не пристает. В санузле было окно — редко так бывает в трущобах, а тут было. Окно открыто, внизу под окном обычный скандал, опять Олеся грозится повеситься от любви к Леше Хруничеву. Она приехала на джипе своего нового парня, крутого, он ничего не понимает — зачем ей Леша? Но может и убить. Надо бы сказать Тане, его сестре, чтобы не выпускали Лешку из дома... но тут мысли опять закрутились невнятно и бездарно.

Детей у них с Костей не было, что-то у него не так. И наверное, это здорово — сейчас бы она возилась с малышом, никакой любви не хватит. Детей заводить — дорогое удовольствие, не по карману жене лейтенанта-наркомана. Костя недолго кололся, она даже не догадалась. Он стал воровать — на складе, в части, его поймали, он убежал, с автоматом, в состоянии наркотического опьянения, его догнали, он отстреливался, а потом с обрыва — вниз. Она осталась без копейки, хорошо еще у нее долгов не потребовали, но велели убираться из части. Отец-мать не помощники, запасов никаких, даже из Кандалакши не уедешь...

Снова стук в дверь.

Не дадут подумать раненому человеку.

Даша вышла к двери. Жалко, глазка нет, давно бы пора поставить, особенно когда такое с Тамаркой случилось... Тамарка в Тулу уехала, думала, что ее не найдут.

— Кто там? — спросила она.

— От Гарика, — ответил голос.

От Гарика так от Гарика. Гарик — это второй муж. Ну почему у нее не жизнь, а сплошное несчастье? Она поступила в Питере в книготорговый техникум. Не важно сейчас, на какие деньги туда выбралась и на чьи деньги жила первое время. У каждой красивой женщины может быть слабость и надежда. А она в двадцать была красивой женщиной. Сейчас, в тридцать, кому она нужна? Может, Ахмеду в ларьке? В Питере, когда с тем человеком рассталась, она встретила Гарика. Он из книжников, то работал, то перепродавал, то в магазине ошивался и шутил. У него комната в двухкомнатной квартире, заставленная, заложенная, заваленная книгами, мать в городе Веревкине Тульской области и отец алкоголик. Ну она и переехала к нему в комнату, как новая книжка. Гарику не очень была нужна жена — он привык не питаться, а перехватывать, не одеваться, а так, пользоваться обносками, не любить, а спать рядом. Она бы ушла от него, но если работаешь в книжном магазине, не столько платят, чтобы жить самостоятельно. В чужом городе. Так и существовали: Гарик ее использовал, ему были нужны книги для перепродажи, а теперь это стало как будто общим делом — ведь за комнату платить надо, за аборт платить надо, за пальто платить надо. Он увязывался, если ехали смотреть библиотеку, и Даша стала как бы наводчицей — лучшие книги должны были дешево достаться ему, Даше было стыдно, она врать так и не научилась. И наверное бы, они разошлись, и к лучшему, на нее один профессор смотрел, специалист по сектантам, толстый веселый дядечка, вдовец с квартирой, но Гарик, ничего ей не ска-

зав, ввязался в кражу из Публички. Они брали книги аукционные, сотрудник библиотеки помогал, а Гарик консультировал при продаже. Конечно, он не только консультировал, а несколько томов домой приволок, спрятал в грудах книг. Даша и не подозревала, но ее все равно таскали на допросы, хамили и угрожали, будто это все она придумала. Из магазина ее сразу поперли, наступила безнадега, не на панель же идти, да еще вдовец здороваться перестал, видно, его информировали должным образом. Вот и пришлось временно укрыться в Веревкине. Уже скоро год, как она здесь укрывается, перебивается случайными заработками. Самое время запить и пойти по рукам, но держится.

От Гарика давно нет вестей, ему еще три с лишним года трубить, амнистия на него не распространяется.

За дверью стоял корявый мужчинка, прищурился, голова набок.

— Ты — Дарья?

— Дарья. — Сама насторожилась, но не испугалась.

— Тогда я к тебе. Пропусти, мне некогда.

Человек втиснулся в крохотную прихожую, прикрыл входную дверь.

— Скажи, где вы жили, когда с Гариком поженились. Адрес скажи.

— А вам зачем?

— Проверка слуха.

— На Большой Подъяческой, дом двенадцать.

— Нормально, — сказал мужичок.

От него пахло махоркой и какой-то кислятиной. На нем был ватник, хотя погода стояла теплая, летняя.

— Вот, — сказал он, — возьми и спрячь. Гарик мне сказал, что ты не заложишь. Спрячь как следует. И если будут пытать, не сознавайся. И меня ты не видела. Ясно?

Он не сказал, как там Гарик, не представился, тут же выполз на лестницу и застучал вниз стоптанными каблуками.

Пакет был небольшим, как две книжки, но тугим, замотан в тряпку и для страховки многократно заклеен скотчем. Не порвав ленту, внутрь не заглянешь.

Даша бы выругалась, да язык не поворачивался.

Еще не хватало держать дома такую опасную вещь! А в том, что пакет опасный, она не сомневалась.

Хорошо бы еще не бомба. Впрочем, кому надо ее взрывать?

Она пошла с пакетом в комнату. Куда спрячешь? Вся квартира — комната, кухня, совмещенный санузел и коридорчик. Посреди комнаты на стуле сидит тетя Шура, дремлет, слюни по подбородку.

Ей нельзя пакет показывать, сразу полезет открывать, искать выпивку или деньги.

В какой-то книжке Даша читала, что женщины прячут драгоценности в белье, а мужчины — в книгах. Книг дома немного, только собрание сочинений братьев Стругацких, которое Даше в магазине как премию дали. Даже у тети Шуры на эти книжки с дарственной надписью рука не поднялась. А в белье нельзя, может, они тоже ту книжку читали. Значит, надо положить так, чтобы видели, но не догадались.

Даша сунула пакет наверх, на полку над вешалкой, где лежала зимняя шапка, сломанный зонтик и щетка для сапог.

Пора идти, дядя Ахмед будет сердиться, он еще вчера велел не опаздывать. А она забыла чаю разогреть! Раньше по утрам кофе пила с молоком, а теперь на кофе денег нет. После того как они с Тамаркой разорились. Зачем ее убили, если взять нечего? Ну накажи, заставь работать на себя, издевайся, но убивать зачем? Может,

рассердились, что Тамарка пыталась убежать? Значит, Дашу не тронут?

Даша вышла на улицу и захлопнула дверь. Спустилась на улицу, по дороге заглянула в почтовый ящик, он без замочка, все равно никто не пишет, и газет они не выписывают. На грязной стенке под ящиками была кровь. Свежая кровь. Даша провела пальцем и пальцу было липко. Мальчишки, что ли, подрались? Один другого головкой об стенку?

На полу тоже была кровь.

За лестницей был темный угол, оттуда несло мочой и кошками. Даша никогда туда не заглядывала. А сейчас заглянула. Там лежал мертвый человек. И понятно, что мертвый, потому что лежал на спине, а глаза были полуоткрыты. Это был мужчина в ватнике, который приносил ей пакет.

Даша кинулась бежать.

Потеряла контроль над собой. Нельзя бежать, все вокруг чуют твой страх. Но что поделаешь — ты только что говорила с человеком, а он уже мертвый.

Добежав до автобусной остановки, где были люди, было светло и не так опасно, она поняла, что надо вернуться домой, взять этот пакет и выкинуть его подальше.

Но не сделала этого. Не потому, что страшно было возвращаться. Конечно, страшно, но не в этом дело. Она сообразила, что если пакет ищут, то к ней все равно придут, а пакета не будет — нечего отдать, нечем откупиться. Пускай лучше пакет останется, и когда они придут, она его отдаст и, может быть, останется живой. Ведь у мужика не было пакета, его и убрали. Может, сначала замучили, а потом убрали.

Может, вызвать с автомата милицию? Но автомат сломан, Даша знала, что он сломан, уже пыталась звонить. А как ему не сломаться, если в него суют все что ни попадя.

Подошел автобус. Уже набитый. И когда он успевает наполниться, если там и домов нет? Первые настоящие дома в городке — наши четыре пятиэтажки, веревкинские небоскребы, местные Черемушки.

В автобусе было душно и все злые.

Но Даша на злость и толчки не отвечала, она была занята мыслями. Жизнь становилась все сложнее. А тут еще угроза, исходящая от пакета. И нет мужчины, который мог бы о ней позаботиться. Но, конечно, не обычный, беспомощный, а сильный, со связями, может, даже из милиции.

На оптовке, или на рынке — называйте как хотите, между кладбищем и новым Сбербанком — откуда только у них деньги берутся? У нас ведь отнимают! — несмотря на ветреную, чреватую дождем погоду, было много народа. Ахмед сидел у своей торговой точки, на ящике, покрытом газетой, и играл в нарды. Нарды стояли на другом ящике, а незнакомый черномазый сидел на третьем. Вокруг стояли три или четыре бездельника из азербайджанцев. У них в ларьках сидели наши, веревкинские, а они поставляли товар, собирали деньги и контролировали. Но что на них обижаться? Обижайся не обижайся, а виноваты мы сами. Азеры друг дружку поддерживают, помогают, а мы норовим своего же утопить.

— Здравствуйте, Ахмед Рахимович, — сказала Даша.

Вдруг ей почудилось, что ее колготки измазаны кровью, и она посмотрела вниз. Но ничего такого не увидела.

— Ну вот, — сказал Ахмед, обращаясь к зрителям. — Где дисциплина? Я ее с утра жду, в Тулу не поехал, а она дома спит, манную кашу кушает. Почему опоздала?

— Извините, — ответила Даша. — Больше не повторится.

Но Ахмеду хотелось поговорить.

Он был толстый, пожилой, но почти не седой, волосы чёрные, блестящие. Живот вываливался между ног, будто не принадлежал телу, а был кое-как привязан.

На красной футболке были нарисованы скрещенные американские флаги. Футболка была грязная, зачем чистую на рынок надевать?

— Я теперь сомневаюсь, — произнес Ахмед, — следует ли доверять большие денежные ценности такой неорганизованной девушке? Скажи, следует? Особенно если она с фингалом под глазом нахально на работу выходит. Пьянство подвело?

— Я не пью, — сказала Даша без улыбки.

Здесь не улыбались. Смех доставался только своим.

— Пойди помоги моему племяннику, — велел Ахмед. — Он у меня здесь стажировку проходит, в Америку поедет, в университет поступать будет. Хорошее место ему купили. Роберт, к тебе девушка Даша идет. Будет твоим ассистентом. Я через полчаса подойду.

Даша поблагодарила Ахмеда и пошла к его магазину.

Магазин представлял собой железный верх грузовика, а может быть, это когда-то был типовой железный гараж.

Племянник Роберт оказался совсем молоденьким парнем, наверное, еще паспорт не получил. Лицо приятное, птичье.

— Ну, что будем делать? — спросила Даша, стараясь выглядеть опытной торговкой.

— Здравствуйте, — формально протянул ей руку Роберт. Она пожала длинные влажные пальцы. — Роберт Магометович.

— Что мне делать? — повторила Даша. А думала все время о теле мужика в подъезде. И о том, что ее ждет.

— Тогда сначала я рекомендую сахар по пакетам сыпать. Вон мешок, видишь? А вон там возьми пластиковые пакеты. В каждый пакет по кило, у нас сахар дешевый, люди покупают.

Роберту Магометовичу нравилось быть начальником.

Он сел на стул, глядя наружу и ожидая, когда придут за сахаром покупатели. Покупателей пока не было, потому что время наступало мертвое, полдень.

В железной коробке было тепло, душно и, наверное, просто страшно будет в жару.

Воздух попадал только через дверь в передней стенке. Там сидел Роберт Магометович и его узкая спина загораживала половину двери.

Работа двигалась медленно. С непривычки было нелегко отсыпать ковшиком сахарный песок в тонкий и непослушный пластиковый пакет, да сделать это так, чтобы получился точно килограмм.

Роберт Магометович подошел к ней, стоял как столб и, конечно, же стало совсем трудно, даже рука дрогнула и рассыпала сахар.

Она замерла, боясь крика и выговора, но Роберт отнесся к этому спокойно.

— Ты не спеши, — сказал он. — Привыкай. А у тебя муж есть?

— У меня муж бандит, — сказала Даша. — В лагере сидит.

Она знала, что муж-бандит, хоть и в лагере, бывает неплохой защитой от домогательств.

— Бандит — это нехорошо, — сказал Роберт. — Зачем он тебе денег не оставил? Плохой бандит, бедный бандит.

— Бедных бандитов не бывает, — возразила Даша.

— А где деньги? Любовнице отнес? Давай покажу, как надо песок сыпать.

Он нагнулся и взял у нее ковшик, а другой рукой сжал грудь.

Это было неожиданно, надо было быть к этому готовой. Но совсем мальчик — она и не подумала. И лицо приятное.

Она вырвалась, выпрямилась, вскочила.

— Ну как не стыдно! — сказала она. — Вы же мальчик совсем. Я вам в матери гожусь.

— Не годишься, — засмеялся Роберт. — В России так рано не рожают. Мне уже семнадцать.

Он совсем не смутился.

Наоборот, когда она вскочила, ее лицо оказалось на одном уровне с его лицом. Он сразу потянул ее к себе и поцеловал в губы.

Звякнул ковшик — Роберт уронил его.

Пальцы Роберта побежали, хватаясь и приминая кожу, вниз по спине, к ягодицам.

Даша возмутилась — уже и мальчишки начали приставать.

Она толкнула Роберта.

Роберт ударился спиной о весы, весы свалились со стола, за ними посыпались пакеты с сахарным песком. Роберт взвыл, и тут в дверях показался силуэт дяди Ахмеда.

— Ах ты, пилядь! — Дядя Ахмед очень рассердился. — Ах ты, хулиганка базарная! Я тебя культурного мальчика бить нанимал? Я тебя сахар развешивать нанимал!

Он схватил ее за волосы и так сильно потянул к себе, будто старался спасти мальчика от ее ядовитых когтей.

— Ой, вы что! — Было больно. Даша старалась оторвать его пальцы.

А тут еще, возбужденный видом сражающейся девушки, из завалов сахарного песка выбрался племянник и включился в бой.

Почему-то он выкрикивал:

— Не посмеем дискриминацию! Не позволим, честные люди!

Он рванул за ворот блузки — пуговички полетели в разные стороны, затрещала ткань.

Вот дура, успела подумать Даша, ну кто надевает такую хорошую блузку на базар?

Ее пальцы враждебно переплелись с пальцами дяди Ахмеда и сражались с ними, так что она оказалась беззащитной перед нападением племянника. Тот пытался сорвать лифчик, но лифчик был итальянский, эластичный, видно, в Италии девицам тоже приходится защищать свою честь. Он оттягивался, но не рвался. Словно тетива лука.

Даше бы закричать: все-таки она не в гареме, а в общественном месте.

Но кричать стыдно. Где-то она читала, что люди, когда тонут, почти никогда не зовут на помощь. Тонут молча. От стыда за свое неумение плавать.

Но на ее лице было что-то написано такое, что дядя Ахмед встревожился и счел за лучшее не рисковать.

Он изловчился, закинул руку за спину и рванул вниз гофрированную крышку своей торговой точки.

Сразу стало темно.

Но Даша обрела голос. В темноте ничего не стыдно.

Она молотила в стенку и кричала: «На помощь! Спасите! Горим!» Еще Тамарка учила: нельзя кричать, что грабят или насилуют, на это в наши дни никто не обратит внимания. А вот если кричишь — пожар, кто-нибудь встрепенется.

Она понимала, что если не придут на помощь — а кто придет? — то они здесь в железной коробке над ней поизмываются. Поэтому Даша отбивалась как могла — царапалась, сучила ногами, даже кусалась и не обращала

внимания на боль. Это была драка, и мужчины в ней все больше распалялись.

И когда уже сил больше не было сражаться в этой духоте, в дверь магазина, в его железную крышку, постучали, причем уверенно и сильно.

Ну просто как наша красная кавалерия спасает партизана под самой виселицей!

— Я здесь!

— Открывай, а то взорвем к чертовой матери!

И вдруг сразу все кончилось. Весь кошмар.

Руки исчезли.

— Кто там? — спросил дядя Ахмед. С первого раза не получилось, пришлось сплюнуть слюну и повторить вопрос.

— Знаешь кто! — ответили из-за двери.

— Сейчас, сейчас. — Голос Ахмеда был суетливо высок.

Гофрированная дверь вырвалась из его рук и взлетела вверх.

Свет хлынул внутрь.

Даша на несколько секунд зажмурилась, так больно было глазам от солнца.

Она была сама участницей сцены, представшей глазам небольшой толпы зевак, собравшейся напротив магазина. Поэтому не могла оценить зрелища.

Но увидела племянника Роберта Магометовича с расстегнутыми штанами и расцарапанной птичьей рожей, увидела совершенно растерзанного дядю Ахмеда, сама же она была практически голой, даже стало холодно. Она стала натягивать на себя обрывки кофты — какое счастье, что лифчик был эластичным!

Она читала себя и остальных по лицам толпы — сначала взгляды поражённые, даже испуганные, и тут же начинается смех! Кривятся физиономии, щурятся глаза,

руки шевелятся и дрожат — смех охватывает толпу, потому что всем понятно: насиловали девицу, но дверь не вовремя открыли.

Даша отступила внутрь, до отказа, под давлением взглядов и хохота, но бритый парень в тельняшке со странной кличкой Троцкий, из тех, кто держит на рынке порядок, приказал ей:

— Выходи, не бойся, пойдем в контору.

Потом он перевел свой холодный неумный взгляд на Ахмеда, посмотрел на юного Роберта Магометовича и добавил:

— Вы тоже, насильники.

— Как ты смеешь! — пробормотал дядя Ахмед.

— Только причешись сначала, — велел Троцкий.

Ахмед подчинился и достал из кармана брюк расческу. Он причесывался и бормотал:

— Ах, как нехорошо получилось! Ах, как нехорошо. Просто неприлично.

Подошел еще один охранник, пониже ростом, его имени Даша не знала.

Он присвистнул и спросил:

— Помощь понадобится?

— Дурачье разгони, — сказал Троцкий.

Охранник стал гнать зевак, а Троцкий повел пленников в сторожку, благо она стояла за четыре павильона.

Никого в сторожке не было, только потом подошел охранник и сел в углу.

— Будем беседовать? — спросил Троцкий.

— Зачем беседовать? — удивился Ахмед, который уже пришел в себя. — Имела место провокация. Эта женщина украла у нас сахар, мешок сахара хотела утащить, мой племянник ее поймал, она дралась как кошка и еще одежду на себе рвала, чтобы нас обвинить. Ты же понимаешь, на нас каждый может напасть.

И он указал толстым пальцем на Дашу.

Голос у него был печальный и покорный. Совершенно ясно было, что Даша не только сахар украла, но и еще пыталась изнасиловать племянника Роберта Магометовича.

Троцкий ухмыльнулся.

— Разбираться не буду, инцидент налицо. Будешь платить штраф.

— Какой штраф? — возмутился дядя Ахмед. — Воровке штраф не буду платить! По ней тюрьма плачет, алкоголичка проклятая.

— А теперь послушай, Ахмед, — сказал Троцкий. — Я в этом городе родился и на ноги встал. Я Дашку Кузьмину не первый день знаю. И кого она насилует, а кого не насилует, мне лучше понимать. Не хочешь платить штраф, придется мне передать дело об изнасиловании в милицию. Позвонить сейчас?

— Не было никакого дела! Вы все хороши, всегда на нас кидаетесь, как хищные гиены.

— Я больше люблю на таджиков кидаться, — заметил Троцкий. — Они понятливее, сразу спрашивают: а сколько будет штраф?

Ахмед замолчал. Этого вопроса ему задавать не хотелось.

— Расовая дискриминация, — сказал Роберт Магометович.

— А мы что, разные расы, да? Я что, черный, а ты белый? — Голос Троцкого звучал грознее. — Или, может, ты хочешь сказать, что я еврейской расы?

— Мальчик ничего не хотел сказать, Лев Борисович, — поспешил вмешаться Ахмед, который понял, что дело может стать серьезным.

Ага, вот почему он Троцкий, поняла Даша. Конечно, его Левкой зовут. Левка Семенов.

— Даша, какую компенсацию мы тебе потребуем? — спросил Троцкий.

— Не надо, я домой пойду, — сказала Даша.

— Двести баксов, — сказал Троцкий. — И наличными.

— Двести чего? — Ахмед пошатнулся от удара.

— Двести баксов, или твой племянник идет по этапу, а ты первым самолетом в Баку, без копейки в кармане.

— Но что я сделал? — закричал Роберт Магометович. — Вы на мое лицо посмотрите, это же катастрофа-матастрофа!

— Это оправданная защита от насильника, — сказал Троцкий. — Если бы она молчала, вы бы об нее ноги вытерли.

— Сто рублей, — сказал Ахмед. — Больше она не стоит.

Троцкий взял со стола трубку мобильного телефона.

— Двести рублей! — взмолился Ахмед. — У меня никаких доходов нет.

Но тут вмешался в разговор новый его участник.

В дверях сторожки стоял худой, согбенный и немощный на вид Владилен Максудович, старшина рыночных торговцев.

— Возьми, — сказал он, протягивая Троцкому две зеленые бумажки. — Ты поступил справедливо, надеюсь, претензий нет?

Троцкий чуть оторопел. На лестнице рыночных отношений Владилен стоял выше Троцкого и не Троцкому решать, сколько платить штрафа. Но тут был случай очевидный, а сам Владилен к разбóрке опоздал...

— Постыдитесь, — сказал он Ахмеду.

Владилен всегда был вежливым.

— И без того люди плохо относятся к лицам кавказской национальности. Вы играете на руку худшим элементам в русском народе. Мне придется лишить вас мо-

его доверия...» — Он вздохнул и сказал погромче: — Накинуться на девушку, собственную продавщицу!

— Она у меня не работает, — сказал Ахмед. — Я такую тварь близко к сахару не подпущу!

— Ты глупый человек, Ахмед, — сказал Владилен, жестом остановив Троцкого, который готов уже был накинуться на Ахмеда. — Уходи отсюда, пока цел. Двести баксов с процентами принесешь мне после обеда. Я твои долги платить не намерен.

И Ахмед ушел. Роберт за ним.

Тогда Владилен сказал Троцкому:

— Лева, дай сюда деньги. Это не твой штраф.

— Конечно, конечно.

Троцкий выхватил из кармашка деньги и протянул Владилену.

— Умный мальчик, — Владилен изобразил удовлетворение, — только спешишь.

Одну стодолларовую бумажку Владилен положил себе в бумажник, а вторую протянул Даше.

— Это тебе, девушка, чтобы ты купила себе новую блузку, а к тому же, чтобы забыла обо всем, что сегодня было. Якши?

— Якши, — улыбнулась Даша.

Все-таки бывают справедливые люди.

Владилен вышел.

— Я пошла? — спросила Даша.

— Я бы тебе посоветовал, как старый друг, — произнес Троцкий, — в ближайшие месяцы на рынке не появляться. Я, конечно, этого Ахмеда отсюда выживу, но его родственники останутся. А они ведь люди плохие, не то что мы, русские. Мы ведь всегда друг за дружку держимся?

— Всегда. — Даша почуяла неладное. Вся сжалась внутри.

— Давай сюда деньги. — Троцкий улыбнулся. — Давай-давай, не думаешь же ты целых сто баксов получить за удовольствие трахнуться с двумя мальчиками? Ну, что я тебе сказал!

Даша не стала спорить. Это было жутким разочарованием. Просто ужас. Одеться вообще не во что.

Из заднего кармана джинсов она достала сотню.

Троцкий взял ее и дал ей взамен сто рублей.

— А вот это компенсация.

— Ну и гад ты, Лева, — сказала Даша и пошла к двери.

— Ты мне еще должна за то, что я спас тебя, — сказал Лева, — так что я не обижаюсь, учти.

Владилен стоял снаружи, то ли подслушивал, то ли думал о своем. Как подъемный кран со стрелой, вытянутой под углом наверх.

— Покажи деньги, — велел он.

Даша покорно разжала кулак. В кулаке была сторублевка.

— Ясно, — сказал Владилен. — Жди здесь.

Он поднялся по железным ступенькам в сторожку и тихо говорил с Троцким. Потом Троцкий взвыл, стал просить:

— Отпустите, дяденька, я больше не буду!

Словно стал маленьким мальчиком, которого надо пожалеть.

Даша хотела уйти, но боялась. Владилен может рассердиться.

Потом Владилен вышел, вытирая руки платком.

— А ты иди, — сказал он и протянул ей несчастные сто долларов, уже помятую бумажку.

Даша оттолкнула руку Владилена. Но тот улыбнулся как дедушка и сказал:

— Ты его не бойся, я его предупредил. Ты лучше домой иди, помойся, заштопай. Нехорошо так по улице ходить, люди плохо про тебя будут думать, люди злые.

Он печально вздохнул.

Троцкий из сторожки не появлялся. Второй охранник тоже куда-то пропал.

Даша пошла домой.

Она пошла задами, она знала как пройти, чтобы встретить поменьше людей.

Она очень устала, что даже доллары спрятать сил не было. Она брела по пыльному проулку и думала: вот бы снова увидеть другой мир, где никто на тебя и руку не поднимет. Вот бы вернуться Золушке на бал...

Она вышла на свою улицу, два шага до дома осталось.

Прошла автобусную остановку. Люди на остановке смотрели на нее с ужасом. Ну и хороша я! Да и чувствуется. Кровь подсохла, стягивала кожу лица, саднило.

Она вошла в подъезд и как ударило — ведь там, под лестницей, тот мужик лежит.

Кровь на полу под почтовыми ящиками так и не вытерта.

Не хотела заглядывать, но заглянула.

Но никого уже нет, увезли. Ведь часа полтора прошло.

А может, сам ушел?

Вряд ли.

Даша поднималась к себе осторожно, на цыпочках.

Дверь второго этажа отворилась, выглянула Полвина, вообще-то Полина, но ее все Полвиной звали, полбутылки.

— Слышь-ка, — спросила она, — тут под лестницей одного бомжа нашли зарезанного. Не твой знакомый? А то участковый спрашивал.

— У тети Шуры спросила? — вопросом ответила она.

— А тетя Шура давно смоталась. Она еще ходила, стреляла десятку. А ты утром его не видала?

— Никого я не видала.

Даша смелее прошла последний пролет, потому что Полвина стояла на площадке и смотрела вверх.

Дверь в квартиру была не заперта. Это с тетей Шурой случалось — не хотелось ей запирать квартиру. Все равно нечего тащить. А ведь не права — бомжу всегда найдется, что тащить.

И не только тащить. Ломать тоже.

Это она поняла, когда вошла в квартирку.

Все в ней было поломано, все в ней было растерзано, разорено.

Чего искали?

Даша кинулась к полке в прихожей. Полка висела на одном гвозде, под ней скомканная оберточная бумага — все, что осталось от пакета.

Вот незадача! Теперь надо уходить из дома.

Она стояла в коридоре, заглядывала в комнату. Плохи ее дела.

Но все же она задержалась.

Она прошла сначала в туалет и посмотрела на себя в зеркало.

Зрелище было ужасное. Краше в гроб кладут. Как паровым катком по морде проехали.

Один глаз подбит, вокруг синева, щека разодрана в кровь, подбородок расквашен, ссадина на лбу, под волосами. Никакая пудра не возьмет.

Даша в отчаянии смотрела на себя, в то же время размышляла, что надеть вместо разорванной блузки и джинсов, — лучше выкинуть сразу.

Она сняла с себя остатки кофты, стащила джинсы.

В трусах и лифчике принялась умываться, просто умываться, без пудры.

И вода лилась так шумно, что Даша не услышала, как в туалет кто-то вошел и ей так долбанули по затылку, что она ударилась лбом о кран — впрочем, это уже не играло роли. Только больно.

Она постаралась обернуться, но ее крепко держали за шею.

— Слушай внимательно. — Голос был знакомый, голос Брюхатого. — Слушай сюда. Если ты до завтра нам не вернешь триста баксов, то одно ухо мы тебе отрежем. Ты слышала, что с твоей Тамаркой произошло?

— Так это ты?

— Должен быть порядок. Ссуду брали, верни с процентами.

— Брюхатик, ты же знаешь, что нас ограбили! — взвыла Даша. — Ну пожалей ты нас, ведь отработаем! Мы и свои деньги вложили — все потеряли.

— Производственный риск, — ответил Брюхатый.

— А зачем ты квартиру разорил?

— Должен быть урок.

Он рванул за резинки трусики Даши, хотел снять и попользоваться ею прямо тут у умывальника, но Даша извернулась и оказалась с ним лицом к роже.

И это ей помогло — потому что Брюхатый как увидел, во что превратилось ее лицо, даже ахнул.

— Как это тебя угораздило!

— А ты хотел со мной любовью заняться, — укорила его Даша.

— Я так, шутил.

— Брюхатик, отдай пакет.

— Чего?

— Брюхатик, это не мой пакет, за ним придут, а меня убьют.

— Тебя давно убить надо, потому что ты — ведьма.

— Брюхатик, ну что ты несешь?

Она смотрела на него ласковыми глазами, как сестра на братца. Но Брюхатика не убедила.

— К тебе мужиков тянет, как в болото, — сообщил он. — Из-за тебя Сережка Глухов утопился.

— Ну что ты несешь, Брюхатик, он же в лодке с ребятами утонул. Отдай мне пакет, а?

— Не знаю никакого пакета.

— Но ты же искал у меня?

— Так я ж деньги искал. На что мне пакет.

Тут серые клеточки в голове Брюхатого заработали наконец, и он задал вопрос, который давно пора было задать:

— А что в пакете?

— Я не знаю, Брюхатик. Кем мне быть, не знаю.

— Что-то ты крутишь... — Брюхатик с сочувствием сплюнул. — Не скоро ты в форму вернешься, Дашка. Не видать тебе принца.

И рассмеялся. Потому что сам был красив и совсем не толст, а Брюхатик он, потому что фамилия Брюхатов.

— Я бы тебе еще добавил, — сказал Брюхатик, — но жизнь тебя уже искалечила. Значит, чтобы завтра бабки были. Или тебе не жить.

Тут Даша вспомнила, что у нее есть сто долларов. Может, отдать?

И тут же поняла: нельзя этого делать. Где сто, там и триста, Брюхатик не отвяжется. Такие времена пошли, теперь жалости нет. Иначе тебя самого затопчут. А жалко.

Она пошла провожать Брюхатика до дверей, как будто гостя, а у дверей он остановился, улыбнулся, показал зубы из керамики, по пятьсот баксов каждый, развернулся и врезал Даше в другой глаз, она упала, больно

было — страшно. Глаз вытечет? Еще головой ударилась о вешалку.

Брюхатик уже с лестницы сказал:

— Это я тебе для памяти. Увидимся.

Сам захлопнул дверь и стало тихо.

Ну что так не везет женщине?

На голове наливалась шишка, глаз не видел — наверное, повредил что-то этот красавчик. Главное — без смысла.

Куда деваться?

И она поняла — хватит ей, лучше смерть, лучше что угодно!

И как аккорд сладкой музыки мелькнуло воспоминание о будущем или другом времени. Глупый, глупый Вадик, ты хоть помнишь меня? А ребята из Архитектурного? Сколько прошло с тех пор, как она вышла из трансгемпоральной камеры? Часа три, не больше... а где сто долларов? Теперь придется их глазнику отдавать.

И когда она поднялась и отошла от двери, чтобы еще разок поглядеть в зеркало, дверь от могучего удара слетела с петель и упала в коридор.

Это была психическая атака.

Вошли двое, в чулках, натянутых на головы с прорезями для глаз, как из триллера.

— К стене! — приказал один из них.

Потом увидел рожу Даши и даже присвистнул.

— Кто же это нас обогнал, блин? — спросил он с юмором.

— Желающих больше чем достаточно, — ответила Даша.

— Мы ненадолго, — сказал один из чулков. — Возьмем свое и по домам.

— Чего свое?

Чулок вроде и не услышал, они втолкнули Дашу в комнату.

— Мы жмурика догнали, — продолжал чулок, — а он пустой. Сбросил товар. Мы пока вычислили, три часа потеряли.

— Значит, неправильно вычислили.

— Он ушел от твоего мужа, из лагеря, — сказал другой чулок, незлобливо, спокойно, как объяснял урок непонятливой девочке. — У него твой адрес был, но имя не твое, Александра Федоровна.

— Это моя свекровь, — тупо сказала Даша.

— И мы знаем. Теперь мы знаем, кто кому свекровь.

— Не видела я никакого пакета, — устало сказала Даша. — Отвяжитесь. Ко мне сегодня все вяжутся.

— Группа риска, — сказал чулок. — Газеты читать надо. Таких, как ты, всегда бьют. При всех царях и режимах.

— И насилуют, — сказал второй, — только не таких грязных и вонючих.

— Я не грязная! Я не вонючая! — последние слова оскорбили Дашу так, что она перестала бояться.

— А теперь скажи мне, ангел, — сказал первый чулок, — откуда ты знаешь, что тебе оставили пакет?

— Вы сказали!

— А вот этого мы тебе не сказали. Мы народ осторожный, тертый, мы никогда лишних слов не говорим. Я сказал — товар.

— Мне показалось, что пакет.

— Вот и замечательно, — сказал второй чулок. — Пускай будет пакет. Так где же пакет?

— Не знаю!

— Может, и не было пакета?

— Не было, не было!

Тут чулок ей врезал.

Ну что ты будешь делать! Такого дня давно не было. Наверное, он последний в ее короткой и бестолковой жизни. А ведь хотелось как лучше, даже идеалы в жизни были, а в шестнадцать лет стихи писала. И мечтала — вот встретит хорошего человека, желательно старше ее, родит ребеночка...

Чулок ей врезал снова. Безжалостно, сильно и резко, казалось, что голова оторвется. Но голова у человека так просто не отрывается. Только глаз совсем перестал видеть.

— Вспомнила? — спросил чулок.

Она даже кричать не могла, сил не было кричать.

— А даже и будешь кричать, — угадал ее жалкую мысль чулок, — никто не придет. Ваш дом трусливый, половина переселенцы, никогда не высунут носа.

Они ее били ногами, она чувствовала, как трещат ребра, наверное, ломаются — дышать было больно.

Они устали, утомились, все-таки тоже люди.

Она валялась у них в ногах, а они сидели на кровати, рядом, закурили. Запахло дымом.

— Тебе дать покурить? — спросил один из них. А у Даши даже не было сил, чтобы согласиться, а впрочем, так мутило, что сигарета бы не помогла.

— Ты себя утомляешь и наше время тянешь, — сказал чулок. Она так и не научилась их различать. — Мы что, не люди, что ли?

— Зачем вы так меня мучаете? Я, честное слово, не знаю, где ваш пакет. И даже не знаю, что в нем... я его в коридоре положила на полку, на вешалку, а сейчас его нет.

— Посмотри, — сказал один из чулков.

Второй поднялся и пошел в коридор. Скоро он вернулся, он нес в руке обертку от пакета. Разорванный мятый лист коричневой оберточной бумаги.

— Этот? — спросил он.

— Этот.

— А где товар? — спросил первый.

— Ну не знаю!

Он, не вставая с кровати, наклонился, прижег ей щеку сигаретой.

Она взвыла, а он сказал:

— Вот эта дырка никогда не заживет.

Даша отползла от него.

Она поняла: наступил момент, который уже не оставляет выбора. Они ее убьют. Они отмороженные. Они хотят ее убить. Им уже не так пакет нужен или товар, который был в пакете, им хочется ее убивать.

Она поползла от них, а они смотрели на нее сверху, как мальчишки на недобитую крысу.

Если отодвинуть тумбочку в маленькой комнате, если отодвинуть ее хоть на десять сантиметров, то можно будет просунуть туда в щель руку.

— Ты куда? — спросил чулок.

— Пить, — прошептала Даша.

Ей и в самом деле хотелось пить, страшно хотелось.

— Вот и ладушки, — сказал чулок. — Скажешь, куда товар положила, кому отдала, тогда мы тебе нарзану принесем.

— Холодного, — сказал второй. — Или даже квасу.

Они засмеялись.

И когда она поползла дальше, они не дали ей ползти и один из них со всего размаху наступил каблуком ей на пальцы.

Пальцы хрустнули — она слышала этот хруст, она всем умирающим от боли телом чувствовала этот хруст, она не переживет этот хруст...

И тут хлопнула дверь.

Как от ветра.

— Смотри! — приказал один чулок второму и встал с койки, чтобы удобнее встретить возможную опасность.

Сейчас бы рвануть в маленькую комнату, ведь можно и успеть!

Но тело отказалось подниматься — так ему было больно. Наступает момент в болезни или в боли, когда все тело сдается — ему становится все равно.

Тетя Шура бормотала в передней.

— Чего двери не закрываете, твари? Опять по Дашку пришли? Не даст она вам, не даст!

— А ну, катись отсюда, пока цела! — крикнул чулок. А Даша поняла, что пакет нашла ее свекровь и уже сбыла куда-то. Или упрятала. Смотря что там. Но сказать об этом нельзя — они набросятся на тетю Шуру. Ей-то, несчастной, за что такая мучительная смерть?

— Это моя квартира! — закричала свекровь. — Я сейчас всех позову! Я сейчас милицию вызову!

Послышались удары — один из них бил тетю Шуру, а Даша поползла в том направлении, стараясь кричать, а на самом деле еле слышно бормоча:

— Не надо! Она же пьяненькая, она не понимает!

— Выкидывай ее на лестницу! — приказал один чулок другому. — Она в отрубе.

«Сейчас или никогда!» — преодолевая боль, а может быть, лишь отталкивая ее, Даша поползла в маленькую комнату.

Надо было миновать метр коридора...

Кровь лилась из руки и почему-то стекала по боку, по платью, может, голова разбита? Один глаз не видел.

По второму лилось нечто липкое, как цветочный мед. Тоже кровь?

И тут чулок ее заметил.

— Ты куда?

Он кинул в нее что-то тяжелое, она стала терять сознание от удара в затылок, но удар ей помог — он толкнул ее вперед, и Даша упала, ударившись о тумбочку так удачно, что тумбочка сдвинулась.

И за ней блеснул темпоральный квадрат.

Но ей не достать до него. Никогда не достать — потому что чулок стал стрелять. Он стрелял ей в ноги, она содрогалась, но не от боли — боль уже давно завладела всем телом, — а от приближения смерти.

И уже совсем умирая, Даша все же умудрилась — вне сознания — дотронуться ладонью до металлического квадрата.

И тут же она исчезла.

Не только в квартире, но и во всей Вселенной ее уже не было, потому что она была в движении, в пути, когда исчезает масса...

3

Даша пришла в себя в неуютном и суровом трансгемпоральном отсеке.

Она старалась не двигаться, понимая, что тогда возвратится боль. И она этой боли не выдержит. Поэтому, открыв на мгновение глаза, она закрыла их снова.

Ничего не происходило.

Потом пришел голос.

— На этот раз пришлось нелегко?

Мудрая и оттого скучная тетя Тампедуа сидела на неудобном шатучем стуле у стены. В старомодных очках, с прической «пармезан», которую уж двадцать лет никто не носит, она была похожа на грузного филина.

— Ты же видишь! — простонала Даша. — Я могла там умереть. Я чуть не умерла.

— Не умерла, тогда вставай. Нечего разлеживаться, тебя друзья поджидают.

— Они же рехнутся, если увидят, на кого я похожа!

— Возьми себя в руки.

Даша отказывалась подняться. Ковер был жестким, но надежным и безопасным.

— Они сюда не проникнут? — спросила Даша.

— Не старайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле. Мы не на предвыборном митинге.

— Позовите доктора.

— Нет, мой президент. Лучше открой глаза.

Даша открыла глаза.

Тетя Тампедуа держала перед ее лицом небольшое зеркало на длинной прямой ручке.

...Никакой крови, никакого выбитого глаза, никаких синяков и ссадин.

Обыкновенное, милое, приятное, неправильное лицо президента.

Даша знала, что это именно так. Она не в первый раз уходила в виртуальное прошлое.

Но на этот раз все было настолько тяжело, что Золушка еле смогла вернуться во дворец.

Даша поднялась. Все в ней ломило, страдало, ныло.

— Но я и шага ступить не могу.

— Это лишь означает, — цинично сказала тетя Тампедуа, — что все болезни от нервов и только сифилис от удовольствия.

В отсек заглянул Паскуале.

Он знал о «заплывах» президента лишь в общих чертах. Обо всем знали лишь Даша и тетя Тампедуа.

— Заждались, — сообщил он. — Тебя не было больше двух часов.

— Неужели я там пробыла только два часа?

— Около двух часов, — сказала тетя Тампедуа.

— Ты не представляешь, сколько всего произошло!

— Поэтому и существует эта программа, — сказала тетя Тампедуа. — И будет существовать далее.

— Но там я уже, наверное, умерла.

— Думаю, что сегодняшний визит — исключение. Но закономерное.

— Хоть бы кто-нибудь из вас побывал там со мной! Вы бы так не рассуждали.

— Визиты туда — слишком дорогое удовольствие, — сказал Паскуале. — Некоторые даже ворчат, что президент живет не по средствам.

— Пускай они займут мое место, — обиделась Даша.

Никто ей не ответил.

Но и без этого президент знала, что ответит ей профессор Тампедуа. Или те, кто создавал эту программу:

«Ты не можешь позволить себе, голубушка, всегда существовать только в мирной, благополучной реальности. От такой жизни даже кошки тупеют.

Ради тебя и тебе подобных был воссоздан канал в прошлое.

Конечно, это лишь альтернативное прошлое. Такого прошлого не было и быть не могло. Не было и города Веревкина, и рынка в нем.

Раз в месяц на несколько часов тебе положено добровольно проваливаться в страшный кошмар, который нормальному уму придумать невозможно. Там, в черной сказке, ты сталкиваешься с людскими страданиями, получая свою законную долю. Ты должна впитать в себя эту боль, чтобы возвратиться очистившейся от мелочей жизни и достойной высокой участи. Иди к своим подданным, смейся и трудись с ними. Им не грозит город Веревкин. И никогда не забывай, что в глубинах твоего сознания, а значит, и в альтернативной действительности, люди бьют, мучают, убивают своих близких».

Даша вздохнула и подошла к зеркалу.

Косметикой она не пользовалась, потому что у нее была репутация женщины, которая никогда не пользуется косметикой и красота которой в подпорках не нуждается...

Глядеть на профессоршу Тампедуа не хотелось. Словно та знала какой-то гадкий секрет, чего простить невозможно.

Королям и президентам лишь кажется, что они все могут. На самом деле они — игрушки в лапах специалистов и советников.

Даша миновала зал и оказалась у бассейна.

В воде плескались друзья и однокашники, которые при виде ее оживились и стали звать к себе.

— Окунись хоть на минутку, Дашка, ты не представляешь, какая чудесная вода!

— Дашка, не зазнавайся и не изображай из себя шишку на ровном месте!

— Где Вадик? — спросила она Нектария.

— Улетел, сказал, что не может ждать.

— Не хочет ждать, — жестко поправила друга Даша.

Как ей его сейчас не хватало!

Беда государственного деятеля в одиночестве. Никому нельзя доверять, ни на кого нельзя опереться.

Ватерполист подавал знаки от входа в служебные помещения дворца.

— Подождите пять минут, ребята, — сказала она. — Я вернусь.

Она прошла к кабинету.

— На связи Большое Кольцо, — сказал ватерполист. — Неведомая угроза поднимается из глубин космоса. Все разумные существа Галактики должны объединиться.

Мвен Мас, синий гигант с Серебряной планеты, смотрел на Дашу с гигантского экрана. Затем он отложил

кисти и палитру, кинул прощальный взгляд на полотно, над которым трудился уже три года, поцеловал подбежавших к нему внучат и снял со стены супербластер.

Он принялся стряхивать с него пыль.

— Мы сами виноваты, — сказал Глава Совета, — мы забыли, как надо защищать наши идеалы. Я даже не знаю, кого назначить командующим космическим флотом. Мы должны избрать одного из нас, способного сражаться и, если надо, убивать и умереть за свободу Галактики.

На стенах кабинета загорелись экраны. На каждом — лицо президента. Лица были разных цветов и форм, но всех Даша знала, бывала у них с государственными визитами, принимала у себя...

Президенты молчали.

Тогда Даша произнесла, чувствуя, как по спине пробежала струйка нервного пота:

— Я согласна возглавить боевой флот.

— Ты? — В глазах Мвен Маса сверкнуло удивление.

— Я готова, — сказала Даша.

Мвен Мас обратил свой взор поочередно ко всем экранам.

И президенты различных планет склоняли головы перед решением Даши. Она взяла на себя Ответственность.

— Решением Большого Кольца, — произнес наконец Мвен Мас, — президент Московской Федерации возглавит боевой флот.

Формальности были завершены.

Даша выключила экраны.

Затем сказала подошедшему Паскуале:

— Ты слышал?

— Я боюсь за тебя, девочка, — ответил старый министр.

— А я горжусь тобой, — сказала от двери тетя Тампедуа. — Мы не зря с тобой поработали.

— Найди и привези сюда Вадима, — приказала Даша ватерполисту. — Скажешь ему, что он назначен командиром земной эскадры. Совещание с высшим военным командованием соберем в семь тридцать.

С этими словами Даша вышла к бассейну.

— Ребята, вылезайте, — попросила она. — Чай попьете дома. У меня дела.

— Все-таки зазналась, — вздохнул Дима-Помидор.

Даша улыбнулась архитекторам неотразимой предвыборной улыбкой и направилась к лифту. Там, на глубине шестисот метров, находился законсервированный еще сто лет назад стратегический центр управления.

Двери лифта открылись с трудом.

В лифте пахло мышами.

— Ну, Троцкий, держись! — сказала Даша.

Никто из сопровождающих лиц не понял командующего космическим флотом.

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

Даже когда мир катится к смерти, когда спасать в нем ничего и не хочется, когда утонули уже все подводные лодки, взорвались последние атомные станции, исчезла любовь и прекратилось деторождение, когда последних детей провожают в последнюю школу автоматчики и устраивают перестрелки с киннеперами прямо возле учительской, когда всех виноватых уже казнили, а невинные сидят по тюрьмам, помирая от голода и болезней, когда армии догнивают в окопах — даже тогда природа способна родить гения.

Другое дело — может ли использовать его погибающая цивилизация или наступает момент, после которого любое ее действие оборачивается ей же во вред.

Это вопрос открытый.

Я не претендую на готовый ответ.

Я лишь могу изложить события, как они были. А вы делайте выводы.

Гений, о котором пойдет речь, родился там слишком поздно, чтобы изменить жизнь. Но он смог изобрести мгновенное перемещение в пространстве и отыскать далеко отстоящую планету, на которой существует разумная жизнь. Больше того, этот гений нашел средство внедриться в тело жителя той планеты, чтобы затем, использовав этот путь, отправить на далекую планету агентов и оккупантов за сырьем и ценной техникой, которая может помочь вести победоносную войну.

Схема, разработанная гением, требовала громадных материальных ресурсов, но отдачи не давала. Видно, потому, что разлад и раздрай на планете зашел так далеко, что путь назад затопило грязью.

Центр Переброски, висевший камнем на шее разоренного государства, пожирал ценные материалы, но все забросы кончались ничем. Агенты, на подготовку которых было ухлопано столько средств, либо погибали в самом начале операции, либо пропадали без вести.

И вот наступил день, когда было решено проект заморозить, а гения отправить на земляные работы.

Узнав об этом от женераля Симки, гений попросил его разрешения провести последний запуск.

Женераль не выносил гения, потому что все женерали не выносят гениев.

— Нельзя, — сказал он, — вы не имеете чина и даже допуска.

Что было правдой.

— Допуска нет, мон женераль, — парировал гений, — потому что вы его вовремя не удосужились оформить. А не удосужились, потому что никогда мне не доверяли.

— Я никому не доверял, — сказал женераль Симка. — Потому и жив.

Женераль закрыл вентиляционную решетку, потому что оттуда тянуло дохлыми крысами. Крысы вымирали, так как даже у них в том мире не было перспектив.

— Я все сделаю лучше, чем ваши офицеры. И вы получите орден. Я умный.

— В этом и беда, — сказал женераль.

— А если я провалю операцию и сгину в просторах космоса — туда мне и дорога. А вы спишете на меня все расходы и перерасходы.

— Инструкцию помните? — спросил женераль, которому понравилось предложение гения.

— Помню, — сказал гений. — Вместе ее сочиняли.

Женераль сделал вид, что не услышал. Он был службистом.

— По прибытии на место включаете искатель-пси, — произнес женераль. — Как только он обнаружит человека ваших габаритов и физиологии, в котором плохо держится душа, вы проводите над ним операцию по замене разума.

Гений послушно кивнул.

Он сам все изобрел и женераль надоел ему смертельно. Лучше сгинуть в просторах космоса, чем терпеть этот голос и видеть эту рожу.

Хоть вентиляционная решетка была закрыта, вонь в комнате не уменьшилась. Вернее всего она была местная, туземная, только женераль ее не замечал.

За бронированным стеклом неслись разноцветные облака. Они были раскрашены химическими выбросами и, пожалуй, остались единственными яркими пятнами в том мире.

— По окончании удачно проведенной операции, — продолжал женераль, — вы выходите со мной на связь, и мы начинаем расширять наше присутствие на планете Земля. С целью дальнейшего захвата, колонизации и мобилизации ресурсов.

— Я понял, мон женераль, — сказал гений.

— Надеюсь, что у вас ни хрена не получится, — сказал женераль. — Такие славные ребята уходили на задание — ни одного в живых не осталось. Кошмар какой-то. И все вы виноваты, ваши провальные изобретения, ваши попытки поставить уши поперек простокваши*.

— Мне искренне жаль тех мажоров и миноров второго класса, которые не преуспели и отдали жизнь за Родину. Я думаю, что они струсили и сдались в плен.

---

* Местная поговорка. Конкретный смысл неизвестен. — *Примеч. автора.*

— Вы мне только попытайтесь сдаться! — завопил женераль. — Тогда не советую возвращаться.

— Я обдумаю ваше предложение, — сказал гений, и легкая хитрая улыбка коснулась его бровей. Женераль понял, что все пропало. Ему захотелось ликвидировать гения, но это не было предусмотрено инструкцией, и поэтому гений остался жив.

По молчаливому соглашению женераль и гений разулись и проползли соединительным ходом в лабораторию имени Второго Контрольного слета.

Женераль помог гению забраться в транстелепортатор и помахал ему единственной рукой в нечистой белой перчатке.

Гений надеялся на то, что женераль не догадался подложить в машину бомбу замедленного действия. И угадал.

Гений очнулся на Земле.

В окрестностях городка Веревкин Тульской области.

Для удачи или провала эксперимента не суть важно, оказался ли он в Москве, Самарканде или Индианаполисе. Главное — достичь Земли в одном куске и отыскать подходящего индивидуума, в котором душа еле держится в теле.

Следует сразу отметить, что это выражение не соответствует подобным выражениям, существующим в земных языках. Нет, индивидуум не должен быть изможденным и чуть живым. Наоборот. Он может физически преуспевать и даже участвовать в Олимпийских играх. Но его телу душа не очень нужна и соединительные нити прогнили или с детства были слабыми.

Проникнув в городок, гений уселся на лавочку в сквере возле памятника Ленину. Того памятника, который

стоит, а не того, который состоит из беленой головы на высоком постаменте и находится за фабрикой-кухней.

Было раннее утро. Мимо спешили люди, кто на службу, а кто в школу. Некоторые женщины шли на рынок.

Гений включил искатель-пси, который представляет собой прозрачную коробочку чуть поменьше спичечной. Она жалко защебетала и должна была дать специфический сигнал в тот момент, когда нужная местная особь окажется по соседству.

Пока что никто не мешал гению наслаждаться свежим воздухом, который казался ему ароматным и душистым, что не было чистой правдой, так как он был смешан с угарным газом и бензиновыми парами, вонью прорванной в соседнем доме канализации, ароматом столовой №2, в которой как раз собирались выкидывать подгнившую с прошлого года кислую капусту, и всякими иными запахами. Но жители Веревкина, которые либо не замечали таких запахов, либо не обращали на них внимания, не знали, насколько они счастливы с точки зрения гения и его компатриотов, потому что гению давно не приходилось сидеть на улице без противогаза и антикислотного костюма. Ему хотелось провести бы остаток жизни на этой лавочке, без еды и сна — только дышать, дышать, дышать... Люди проходили мимо гения и выглядели необычно и незащищенно.

Все они, исключая милиционера, были невооружены. Даже страшно за них становилось. А женщины гуляли настолько беззащитными, что хотелось немедленно над ними надругаться.

Нет, вы не думайте, что гений всерьез намеревался наброситься на какую-нибудь женщину. Только кадровые офицеры Безопасности и гвардейцы-охранники получают пищу, которая позволяет им думать о женщинах. Гений не относился к таким ценным лицам и к тому же

не выносил вида крови. А ведь вы знаете, что после сексуальных домогательств женщину обычно убивали или она сама убивала насильника. Это зависело от того, кто лучше вооружен.

Впрочем, гений уже года два не видел ни одной женщины нормального облика, если не считать картинок в лживых журналах о хорошей довоенной жизни.

Разве можно считать женщиной сотрудницу вспомогательного корпуса стражей боевого содружества в защитных футлярах и железных масках, вооруженных помойными ведрами и железными метлами? И еще как-то гению пришлось попасть в больницу. Была бомбежка, и тут не разбирались, куда вести пострадавших. А у гения на плече был красный треугольник, означающий «спасать и лечить!». То есть если в бомбежку или во время обстрела тебя ранило, то твое тело положено тащить в госпиталь, а не бросать на улице, как обыкновенного человека. Так вот, тогда его сильно ранило, кровь хлестала, его потащили в ближайшую больницу, а это был Шестой экспериментальный районный Центр воспроизводства. Гения положили в коридоре и срочно перевязали, чтобы остановить кровь. Он не потерял сознания, а глядел сквозь стеклянные двери палаты, где лежали пристегнутые к койкам матери-кормилицы. У них брали клетки для клонирования, а потом приносили на подкормку младенцев, шестьдесят младенцев за эпизод кормления: разок затянулся из настоящей груди, уступи место товарищу!

Женщины были неприятны, лучше бы и не видеть.

Поэтому и местные женщины вызывали лишь удивление и даже отвращение. Но надо привыкать.

Рядом с ним на скамейку опустилась средних лет женщина с сумкой, полной круглых плодов. Названия их гений не знал. Гений отодвинулся, но вернее всего

женщина не заметила его. В тот момент он был почти прозрачен и схож с роем мошкары, что вьется у фонаря.

Гений чувствовал, как без подпитки энергия постепенно покидает его тело. Надо было торопиться, а не рассиживаться здесь и эмоционально размягчаться.

Он вздохнул, стараясь собраться с духом, и женщина услышала этот вздох. Она посмотрела в его сторону, но ничего не увидела.

Ах, как она беспечна!

Она не понимает, что мой долг, долг агента, внедрившись в тело твоего соотечественника, приобщить его в славном сонме строителей завершенного военизма. Мы сделаем эту Землю филиалом нашего сражающегося братства, мы превратим ваших мужчин в солдат, а для женщин найдем иные, достойные, хоть и не очень приятные области применения.

Что ж, побеждает сильнейший, в этом закон природы.

Мне жаль вас, потому что я умнее и добрее, чем мон женераль и другие женерали, которые правят нами. Мне вовсе не хочется, чтобы эта пожилая добродушная женщина, что сидит рядом со мной на скамейке, стояла в многочасовой очереди за куском докторской колбасы из гороха и спала в бронежилете, ожидая того момента, когда ее отправят на минное поле, чтобы своим ненужным телом сделать проход для наших доблестных войск.

А я? Я, если вернусь, выполнив задание и открыв дорожку для проникновения сюда сонма наших агентов, и если меня на обратном пути не прихлопнет мон женераль, наверняка получу орден Почета...

Но надо было двигаться, искать для себя соответствующее тело.

Гений, схожий с роем мошкары, поднялся со скамейки, и женщина, сидевшая рядом с ним, подумала: откуда столько мошкары, еще не осень?

Стоило гению продвинуться на сто шагов, как его искатель-пси изменил тон.

Запищал, словно его ущипнули. Где-то рядом находился человек, по всем параметрам пригодный для внедрения в него.

Если все будет нормально, то надо будет войти в его тело, ликвидировать в этот момент его разум, его душу, его идеальную субстанцию. И заменить своей.

С телом индивидуума ничего не произойдет.

Понимал ли гений, что намеревается убить человека, ибо исчезновение индивидуальности означает смерть невинного человека?

Я думаю, что он отдавал себе отчет в том, что делает, но, несмотря на свою гениальность, не испытывал угрызений совести.

Его жертве, если можно того человека назвать жертвой, и без того оставалось недолго жить. Непрочная связь души и тела означала либо далеко зашедшую душевную болезнь, либо склонность человека к смерти. Не обязательно к самоубийству. Может быть, тот человек попросту не хотел жить, постоянно и равнодушно. Бывают такие люди. Живут и терпят сами себя.

Вот такой тип сознания вынюхивал искатель-пси.

А потом передавал информацию агенту. А уж от того зависело, внедряться ли в жертву или поискать другую, может быть, физически покрепче и помоложе.

Распространенная философия планеты, с которой прилетел гений, не знает категорий типа «совесть», «сострадание» или «любовь к ближнему», потому что эти категории мешают бороться за победу Родины в борьбе с внешним врагом либо с врагом внутренним, который находится на службе международного терроризма.

Облачко мошкары, в центре которого поблескивала стеклянная коробочка размером со спичечную, двину-

лось к вставшему у витрины охотничьего магазина Семену Шпаку.

Как ни странно, при всем внешнем несходстве гения и Шпака они были кое в чем схожи.

Оба уже почти ничего не ждали от жизни. Гений не ждал, так как устал бороться с судьбой, злыми силами и несправедливостью. Шпак бороться не пробовал, правда, каждый понедельник с утра намеревался этим заняться.

Во-первых — бросить пить. Во-вторых — бросить курить, в-третьих — выучить английский язык, чтобы уехать в Новую Зеландию и больше никогда не видеть ни Зинки, ни обрыдлой рожи Изи Иванова, в-четвертых — сходить к зубному и вставить два зуба, выбитых по пьянке неизвестно кем, в-пятых... Много ли надо человеку средних лет, типичному осколку империи? Впрочем, осколком Шпак себя не считал и даже некоторое время числил себя в демократах, а потом стал патриотом, что в его жизни ничего не изменило.

Зинка вышла за него по любви. Он был тогда красивым инструктором райкома комсомола с перспективами на область, а она — пионервожатой в школе №2 без перспектив, но с фигурой.

А теперь, спустя пятнадцать лет, она рада бы перейти к кому угодно, но как отыскать в Веревкине достойного? А родственников или начального капитала, чтобы махнуть в Тулу, не нашлось.

А теперь Семен трудится в районной газете литсотрудником или корреспондентом, а сам себя называет шефом рекламного отдела, хотя мало кто дает рекламные объявления в газету.

Семен пошел побаловаться бочкаревским пивом — надо чаще встречаться! — но никого в стоячке не оказалось, так что он пил без удовольствия.

И тогда к нему подплыл гений в виде облачка мошкары.

Искатель-пси щелкал, как счетчик Гейгера в Чернобыле.

Он! Вот-вот душа улетит сама! Действуй!

У Семена с утра давило в сердце и еще больше на душе — не мог он вернуться в газету, где вчера вечером вытащил сто рублей из сумочки Кати Корзухиной. А она вошла в комнату. А он не успел положить их обратно. Может, в речку кинуться? Да речка у нас мелкая, загрязненная. И нужны были ему эти сто рублей?

Он решил копить на поездку в Анталию. Но зачем таким образом?

Если она рассказала шефу, если Изя его вызовет...

И тогда гений убедился в том, что и в самом деле душу клиента наполняет тупое отчаяние, а его умственные способности настолько подорваны водкой и пивом, бездельем и нелюбовью к человечеству, что готовы вообще испариться.

Хоть бы помереть! — взмолился Семен Шпак и взглянул на небо.

Но на самом деле он помирать не собирался, а просто запрокинул голову, чтобы пиво лучше лилось из горла в горло.

И тут-то гений его взял.

Можно сказать, без всякого сопротивления.

Семен Шпак ощутил нехватку воздуха, перехват в горле, дурноту и потом уж страх.

Он выронил бутылку, она покатилась под высокий столик, но Шпак, что удивительно, не стал нагибаться. Он не мог нагнуться, потому что нечто, заменившее ему душу — та нематериальная субстанция, которая кое-как уже сорок с лишним лет руководила его хорошими и дурными поступками, — вышло из него через ноздри и

уши, и улетело к небу невидимым столбиком пара, чтобы там, в вышине, смешаться с другими частицами душ, ибо на Земле постоянно умирают различные люди и животные, каждый из них оставляет бренное тело, а остальное улетает вверх. В отличие от распространенных заблуждений оно не продолжает жизни в раю или аду, а участвует в образовании облаков, а потом и дождей. И чем больше на Земле людей и чем реже они чистят зубы, тем грязнее дожди. Впрочем, в общей массе дождевой воды души составляют не более процента, так что лишь приборы могут угадать, насколько эта вода загрязнена.

Пока не очень.

А вот на планете, с которой прибыл гений, она сильно загрязнена.

Выпав на землю дождем или росой, духовная субстанция многих живых существ участвует в образовании растительного покрова или проникает в глубь Земли. В любом случае со временем какие-то частицы этой субстанции попадают в организм человека или собаки, а чаще — принимают участие в создании новых организмов.

То есть можно сказать, что буддизм, учащий нас о перерождении душ и вечном круговороте жизни, при которой каждое живое существо, в зависимости от суммы дурных или добрых дел, возрождается вновь в образе человека или пиявки, а в лучшем случае — боддисатвы, стремящегося к полному безделью, то есть нирване, можно сказать, что буддизм в чем-то прав.

Наивность буддизма заключается в том, что духовная субстанция, с его точки зрения, сохраняет индивидуальность предыдущего носителя. На самом деле Природе безразлично, кто родился на планете и кто родится завтра. Ее цели настолько высоки и далеки от судеб людей, что она не догадывается о существовании этих квантов

общей биомассы. Человек не может переродиться в пиявку или боддисатву. Но какие-то атомы человека могут войти в новое создание. Какие — никто не знает. Тем более что атом, как вы понимаете, слово здесь условное — ничего материального в этих элементарных частицах идеального мира не наблюдается.

Так что Семен Шпак в коротких, но страшных муках, которые приходится переживать любому человеку в момент смерти, потерял свою душу. То есть, как вы уже поняли, — условный термин, никак не отражающий всей сути проблемы.

Но он не упал вслед за пивной бутылкой, потому что в момент потери им души в его тело вошла идеальная субстанция гения. Гений прекратил свое туманное существование и с той секунды стал Семеном Шпаком, сорока с лишним лет, никому не нужным и даже никчемным человеком.

Гений был убийцей.

По земным законам он должен быть судим, но таких законов еще нет.

По какой статье он у нас проходит?

Он украл живое тело.

И что потом случилось с телом?

Оно пошло погулять по главной улице.

Оно упало, умерло, ему было плохо?

Вроде бы нет.

Оно звало на помощь? Умоляло о пощаде?

Нет, оно производило впечатление вполне обыкновенного живого человека. И отзывалось на имя Семен Шпак. И даже помнило многое из того, что помнил Шпак.

Но существуют законы Галактики, которые нам пока неведомы. Там, вдали, знают о таком типе преступлений, там за них карают сурово и беспощадно, чтобы не-

повадно было. Там казнят без всякой надежды на возрождение или воскрешение инициатора преступления, а также нового владельца тела и всех, кто обеспечивал техническое обеспечение такой кражи.

Гений слышал о таких законах и пренебрегал ими.

Он достиг того, в чем не преуспели лучшие офицеры Главного штаба. Он — первый из агентов Родины, проникших к цели путешествия. Он сам придумал, он сам изобрел, он сам и исполнил. Поглядим, какие глаза будут у женераля Симки, когда придет сигнал, что канал открыт и готов для прохождения первой партии агентов. Он не переживет. Он застрелится из арбалета.

И тогда — великое единение...

Так думал владелец тела Семена Шпака. И не был уверен в том, что его радость по поводу победы Родины искренняя. Потому он не спешил сообщать о своих успехах.

Сейчас его волновало другое: информации, почерпнутой в мозгу Шпака, было недостаточно. Словно гению досталось полотно с дырами и оторванными краями.

Например, кто идет навстречу и кланяется с улыбкой? Почему у другого прохожего на лице недобрая гримаса?

«Зря ты так себя вел», — говорит третий. А гений не мог вспомнить, что вчера случилось.

Шпак, а именно так мы будем отныне называть гения, ибо он живет в чужой шкуре, направил стопы домой. Он рассудил, что будет легче войти в образ убитого им человека в его доме. Там есть документы, фотографии, любимые вещи, предметы обихода.

Дом оказался длинным, когда-то оштукатуренным деревянным бараком. Он свидетельствовал о равнодушии к людям, столь свойственном не только земным влас-

тям. Правда, барак был окружен тополями, а в песочнице возились малыши. Такое у него на Родине давно забыто. А скоро с моей помощью исчезнет и здесь. Горько. Почему горько? Разве можно встать на пути прогресса?

Шпак позвонил в квартиру №2 на первом этаже.

Зинаида была дома, но обратила на Шпака не больше внимания, чем обращают на дождик или сквозняк.

— Чего рано? — спросила она. — Выгнали наконец?

Зина и к сорока годам сохранила крепкую стройную фигуру пионервожатой, соблазнившей Шпака пятнадцать лет назад. Она была на четыре года младше мужа.

— Добрый день, — сказал Шпак. — Сегодня хорошая погода, не так ли?

В любой цивилизации разговор о погоде свидетельствует о расположении говорящего к слушателю.

— Опять напился? — спросила Зина с застарелым раздражением.

— Я не принимал спиртных напитков, — возразил Шпак.

Ему захотелось, чтобы эта женщина, которая является его женой, то есть сожительницей и сексуальным партнером, улыбнулась.

— Улыбка тебя красит, — сообщил он, чем поверг Зинку в смущение.

— А пошел ты! — ответила она.

Потом спросила:

— Обедать будешь?

Новый Шпак не знал, что его редко кормили дома, потому что Зинаида полагала, что такой никчемный человек, тем более пропивающий зарплату, лучше уж пусть питается закуской к водке, все равно ничего домой не принесет.

— Большое спасибо, — сказал Шпак. — Я проголодался.

Он и на самом деле проголодался. И не столько ввиду скудости пищи на его родной планете, как от волнения. Он забыл позавтракать с утра, и, хоть завтрак был только условностью — чашка пустого чая и две армейские галеты, — желудок требовал этой пищи, он был к ней приучен.

— Спасибо, говоришь? — Что-то смущало Зинаиду в поведении и словах мужа, которого она знала как облупленного и знала, что так он себя не ведет и если вел, то только сразу после свадьбы. — Ты еще не пробовал.

— А зачем пробовать, если я заранее уверен в твоих способностях.

— Ну ты даешь!

— Ты позволишь сначала вымыть руки?

Зинаида не смогла ничего ответить. Рук благоверный не мыл с той недели.

— Ты заболел? — спросила она.

— Нет. Насморк.

— Тогда мойся. Только с мылом.

— Разумеется, — улыбнулся Шпак.

И тут Зинаида тоже улыбнулась, впервые за много дней.

О чем Шпак тоже не подозревал.

Улыбка ему понравилась. Это была смущенная, почти робкая, маленькая улыбка человека, который рад бы смеяться громко и широко, но опасается, что его неправильно поймут.

Мылся Шпак долго.

Это объяснялось просто: он так давно не видел и не пробовал на ощупь или на вкус чистую воду, что не мог насладиться ею. Воду на его Родине пили только после многократной очистки, когда от воды как таковой уже ничего не оставалось.

Это была Жидкость.

Как вместо супа, второго или компота каждый получал пайку. Или паек, если находился наверху служебной лестницы. Ведь даже среди нищих есть короли, и они кушают голландский сыр, когда остальные помирают с голода.

В шкафчике он отыскал домашнюю рубашку, давно ею не пользовался, но хотелось чего-нибудь чистого. Ведь к хорошему привыкаешь быстро и хочется всегда мыться чистой водой и ходить в чистом белье.

И когда причесанный, отмытый до голубизны кожи, пахнущий Зинкиным шампунем Шпак вышел на кухню, его жена буквально пошатнулась. Такого быть не могло.

Такого на ее памяти не случалось.

Со Шпаком тоже творилось нечто странное и совершенно непривычное.

Он встретился с Зинаидой взглядом и с трудом оторвал его.

Большие голубые глаза в темных, естественного цвета, ресницах рассматривали его настолько внимательно и даже упорно, что Шпак задержался в дверном проеме, дыша быстрее и мельче, чем обычно.

— Так проходи, садись, — сказала Зинаида. — Неужели Изю, твоего злейшего врага, выгнали с работы?

— Ты не права, — сказал Шпак. — Изяслав Тихонович успешно трудится на своем месте.

— Значит, все-таки он тебя выгнал?

— Мне этого бы не хотелось.

В голосе мужа появилась рассудительность и даже расчетливость, словно, прежде чем открыть рот, он прислушивался к внутреннему голосу. А так — весь такой же, даже сивухой немного разит. Значит, с утра принимал.

Семен сел за стол, Зинаида поставила перед ним тарелку. Раньше бы швырнула, кинула, а сейчас не посмела.

Семен зачерпнул ложку супа, медленно покачал головой, держа суп во рту, и проглотил.

Зинаида смотрела, словно он дегустировал вино, выращенное ею на семейном винограднике.

— Знатно, — сказал Шпак. — Чудесный напиток. То есть суп. В жизни не употреблял ничего подобного по сладости ощущения.

— Семен, — тихо сказала Зинаида. — Ты здоров? Может, давление подскочило?

— Давление в норме, — ответил муж, как всегда с секунду послушав внутренний голос. — Совершенно нормальное давление. И надеюсь, что в будущем оно не будет выходить из нормы, потому что гипертония чаще всего вызывается неумеренным потреблением алкоголя и жирной, богатой холестерином пищи.

— Вот именно, — сказала Зинаида, которая не раз объясняла это Семену, но он не слушал. А оказывается, запомнил и сделал выводы.

— Ты во мне разочарована?

— Безнадежных людей не бывает, — произнесла Зинаида после паузы. — Добавки хочешь?

— Был бы счастлив.

Котлеты мужу тоже понравились.

Подошла очередь компота. Компот Семен выпил залпом, чем испугал Зинаиду, потому что косточки он забыл выплюнуть. Даже сливовые.

— Ничего страшного, — сказал Шпак. — Выйдут вместе с экскрементами.

— Шутки у тебя дурацкие, — рассердилась Зинаида.

Так всегда со Шпаком. Стоит тебе расслабиться, поверить в возможность исправления этого урода, как он выкинет коленце, и ты понимаешь — случай безнадежный.

— Очевидно, я употребил неточный термин, — сказал Семен. — Ты ожидала слова «дерьмо»?

— Немедленно выйди из-за стола, и чтобы я тебя сегодня больше не видела, пьянь паршивая!

Можно представить себе гнев Зинаиды. Потому что гнев всегда бывает сильнее, если ты расслабился и пропустил неожиданный удар.

— Прости, если не угодил, — покорно произнес Шпак. — А куда мне пойти?

— Сам знаешь. К своим алкашам иди.

И мозг погибшего Шпака подсказал, что алкаши собираются на берегу речки, в шашлычной «Английский король». Именно так!

Семен не стал спорить, потому что понял, что Зинаида не в том состоянии, когда женщины способны выслушать мужские аргументы.

Он шел по улице.

Ноги вели его куда следует.

И тут он увидел киоск «Воды-мороженое».

Вторая сигнальная система сразу выдала ему в мозг ощущение вкуса сливочного мороженого.

Рука отправилась в карман, где лежало восемь рублей, как раз на кружку.

Эти деньги нельзя тратить, потому что человек, пришедший в шашлычную без денег, не пользуется уважением товарищей.

Но мороженого ему хотелось куда больше, чем пива.

— Вы чего, Семен? — удивилась девица, которая продавала мороженое. — Я вас здесь видела!..

— Захотелось, — кратко ответил Семен.

Он развернул мороженое, конус-стаканчик.

Бумажку кинул в помойную урну.

Когда гений был еще маленьким и его мама заболела лучевым синдромом, от которого не умирают, но мучаются до самой смерти, его отправили на лето к бабушке, в приморский городок Камни, тогда еще остававшийся в

стороне от боевых действий. И там ему давали мороженое. С тех пор городок этот, попавший под водородную бомбу, исчез вместе со своими обитателями и мороженым, а тоска по детской радости осталась.

И можем ли мы осудить Шпака за то, что он предпочел порцию мороженого обыкновенному пиву, которое и сегодня выдается по выходным всем мобилизованным?

Шпак остановился у забора, вид у него был глуповатый и увлеченный.

Это и привлекло Артема Артемовича Груздя.

Артем Груздь, бывший председатель городской организации ДОСААФ, почетный пионер или красный следопыт, относился к славной когорте разоблачителей. Таких не выносят фокусники. Ибо разоблачитель покупает билет в первый ряд, чтобы в самый драматический момент закричать:

— Вы смотрите, смотрите, у него из подмышки нитка тянется!

Сплетничают, что известный иллюзионист Дэвид Копперфильд, в отрочестве Коткин из Одессы, убил одного такого разоблачителя, но был оправдан судом присяжных. Но это в Америке, у нас убивать разоблачителей не принято...

Я отвлекся.

А если говорить серьезно, то Груздь — фигура опасная и неприятная.

Артем Груздь мучился бездельем, потому что лето еще не кончилось, дети разъехались на каникулы, женщины и мужчины недостойного поведения нежились на курортах или парились в очередях за билетами домой. Единственная радость — пришедшая утром секретная инструкция...

И тут он увидел Шпака.

Со Шпаком Груздь был во врагах.

Шпак как-то накостылял Груздю, несмотря на общественную значимость Артема Артемовича. Груздь с ним судился, но не победил ввиду отсутствия свидетелей.

Шпак ел мороженое.

Груздь почувствовал, что в этом есть подозрительный элемент.

Шпак никогда бы не позволил себе потратить копейку на мороженое, если неподалеку продают пиво.

— Семен, — сказал Груздь, не подходя близко, потому что опасался провокации. — Ты чего делаешь?

Выживаемость в условиях тотальной атомной войны и экологической катастрофы возможна лишь для эмфатов, то есть людей с повышенной интуицией.

Гений, а ныне Шпак, относился к породе эмфатов. Он мыслей читать не мог, потому что это мистика, но чувствовал отменно.

И тут он почувствовал злобу, подозрительность и опасность.

Опасность была каким-то образом связана с мороженым. Почему-то его телу нельзя было питаться мороженым.

Гений сделал то, что всегда делал.

Он спрятал мороженое в карман.

— Ты чего? — спросил Артем Артемович.

Недаром он был почетным красным следопытом. Он сразу понял, что дело нечисто.

Сделал шаг к Шпаку и велел ему:

— А ну, вынь руку из кармана.

Шпак повернулся и пошел прочь. Он шел прямо, чуть откинув назад голову, чего никогда не делал настоящий Шпак, но в тот момент Груздь еще не заподозрил подмены, он просто решил, что Шпак рехнулся.

Когда Шпак убедился, что этот неприятного вида грузный старик, на котором все висело — и нос, и усы, и

живот, — отстал от него, он зашел в первый попавшийся подъезд двухэтажного барака и стал выскребывать из кармана жижу мороженого и совать в рот сладкие липкие пальцы.

В подъезд вошла тамошняя жиличка Светлана, приятельница Зинаиды Шпак, и поразилась, увидев, чем занимается Семен.

— Ты что, рехнулся? — спросила Светлана.

— Нет, спасибо! — Шпак совсем оробел и, оттолкнув с пути Светлану, поспешил домой.

Его путь был отмечен белыми каплями, брызгами и лужицами — мороженое вытекало из кармана и капало с пальцев.

В этом прискорбном виде Шпак и заявился домой.

— Это еще что? — спросила Зина.

— Я купил мороженое, — ответил Шпак. — А потом оно стало капать.

Зинаида была быстра и наблюдательна.

— А зачем ты положил его в карман?

Шпак пожал плечами и опустил взор долу, к маленькой липкой белой лужице.

— Хоть бы газетку подстелил.

Шпак молчал.

— Ты же пиво пошел пить?

— Мне захотелось мороженого.

— А потом?

— Потом я ел мороженое, а пришел человек, который стал на меня кричать.

— Кто стал на тебя кричать? Да говори ты, не мямли, что еще за мужик попался?

— Артем Артемыч, — признался Шпак.

Ему пришлось напрячься, чтобы вспомнить злого старика.

— Похожий на моржа, — добавил Шпак и вдруг улыбнулся.

Потому что гений, живший в нем, осознал, насколько смешны и неопасны для жизни события, конфликты и страхи, которыми питаются жители этой планеты. Ну, мороженое в кармане... ну, старик, похожий на моржа... ну, жена ругается...

— А ты не улыбайся, — оборвала этот сладкий сон Зинаида. — Сам будешь пол подтирать.

Гений улыбнулся, да так искренне и даже задорно, что у Зинаиды схватило под сердцем — таким он был в тот первый вечер на танцверанде. И сам забыл потом о такой улыбке.

А Шпак не притворялся. Он не мог и не хотел отделаться от щенячьего чувства свободы. Ну хоть прыгай и виляй хвостом!

Она велела ему раздеться, сама быстренько постирала брюки, а он сидел в трусах у телевизора, смотрел одним глазом футбол, а сам все оборачивался — в открытую дверь кухни ему была видна жена. Жена убитого им человека... и самому себе страшно признаться — желанная женщина.

Он где-то читал о такой ситуации. Но в отличие от того героя он был рад тому, что у Шпака оказалась такая милая жена. Могла бы оказаться стерва, корова, уродина... Ему везет на этой Земле.

А Зинаиду смущало то, что Шпак никуда не уходит из дома. Сидит трезвый, не ярится, порой обернется к ней и улыбается.

Что-то случилось.

Серьезное и даже пугающее. Потому что таких чудес не бывает. А если и бывают, то тащат за собой на веревке неприятности...

Подошло время укладываться.

Ну и что, казалось бы?

Сколько лет они ложились в кровать, а за последние три года он ни разу на нее не покусился. Засыпал и храпел. А она толкала его, пугала, даже будила. Он проворчит что-то и снова храпеть!

В тот вечер Зинаида долго стояла под душем. Она ничего не могла с собой поделать: это был ее первый мужчина, это была первая ночь — ну хоть плачь, хоть смейся!

Она боялась, входя в комнату, что он похрапывает как обычно, что ей все это почудилось.

А он не спал.

Свет луны заполнил комнату и отразился голубым огоньком в его глазах. Они стали глубокими и загадочными... ну почудится же такое немолодой женщине!

А я еще молода...

— Ты не спишь? — спросила она тихо, почти шепотом. Никого рядом не было, и квартира изолированная, а она шептала.

И сразу перехватило дыхание.

— Я не сплю. Иди ко мне.

Он правильно сказал.

Она сбросила ночную рубашку — зачем ей эта хламида!

И голой прыгнула под одеяло.

А он протянул ей навстречу руки.

Боже мой, я же каждую родинку на его теле знаю и ненавижу!

Он прижал ее к себе, всем телом прижался и замер.

Он дышал часто, и слышно было, как бьется сердце. Часто-часто.

Ну, сделай что-то...

Она поцеловала его, нежно и щекотно, сначала в щеку, потом, ощупывая губами его лицо, как слепец, ищущий дверь, она дотронулась до уголка губ.

И он застонал, словно впервые ощутил так близко женщину.

— Я так люблю тебя, — прошептал он. — Я так люблю тебя, что не могу, не смею... я умру...

Наконец-то ее губы отыскали его рот.

Она обожглась от этого прикосновения.

Ей казалось, что она молит его овладеть ею, но губы не могли оторваться от его губ и вместо слов получилось сладкое низкое мычание.

Она опрокинулась на спину и потянула его к себе... ну ляг на меня! Я не могу больше терпеть эту томительную сладость.

— Я не могу! — закричал он. — Я не могу, не смею, я недостоин.

— Нет-нет, не уходи от меня.

— Я не могу.

— Поцелуй меня в грудь. Моя грудь как у молодой, совсем еще тугая, ты попробуй, ну сделай же мне больно! Ты раньше этого хотел!

— Ты с ума сошла. Я не могу причинить тебе боль, моя любимая.

Зинаида знала, что не выпустит его. Пускай себе рыдает, пускай отбивается, как ребенок, которого притащили в ванную и моют ему под краном измазанную вареньем рожицу.

Почему я думаю о ребенке, о варенье?

Она протянула вниз, к его чреслам, полную, совершенную, жадную руку.

Господи, как тверда и упруга его плоть!

Только она назвала это не плотью, а куда более откровенным словом.

Теперь не упустить! Он хочет вырваться, уйти от нее. Он с ума сошел! Он же хочет ее так, как не хотел все пятнадцать лет жизни!

Главное — поместиться под ним, почувствовать его тяжесть напряженными твердыми сосками...

— Ох, — прошептала она.

Как он скользнул в нее, как ударил и обжег все внутри! Ради этого мгновения она и живет на свете...

Еще! Еще, только не спеши, умоляю, не спеши, мой любимый!

Оказывается, она помнит это слово. Неужели она когда-то называла его этим словом?

Нет, его не удержать! Он так спешит, он бьется об нее, как крупный судак о лед.

Не спеши...

Но последних слов она не произнесла, потому что его желание было настолько велико, что она излилась навстречу ему, будто прорвало горную плотину...

И закричала так, что тут же испугалась — как бы не услышали соседи.

— Прости, — сказал он после долгого молчания, — я, наверное, сделал тебе больно.

— Идиот, — ответила Зинаида. — Мой единственный, любимый идиот.

— Ты куда?

— Мне поздно заводить ребеночка, — откликнулась Зинаида из ванной.

— Почему...

Полилась вода, она бы все равно не услышала. А Шпак больше не спрашивал. Он боялся вызвать подозрения. Он почувствовал по ее голосу, что вопрос показался ей глупым, даже, может, шуткой.

Впрочем, опасения Шпака понятны и разумны, потому что на планете гения сексуальные отношения между полами теоретически были возможны, однако не одобрялись. Правда, не всех детей кастрировали в младенчестве — это могло отразиться на их поведении в

будущем, тогда как стране нужны дисциплинированные, но агрессивные солдаты и немногочисленные, способные к воспроизведению самки или труженицы тыла.

В любом случае женщина не могла понести от сексуального контакта, она была бесплодной. А мужчины об этом не знали по той простой причине, что подавляющее большинство их за всю жизнь ни одного контакта такого рода не имели.

То, что случилось с гением, потрясло его куда больше, чем Зинаиду, потому что эти невероятные ощущения подарили ему тело Шпака. Впрочем, только оно одно было бы бессильно, так как сам Шпак изрядно поизносился и давно уж предпочитал общество пивной бутылки ласкам надоевшей Зинки. Но ведь для гения Зинаида была первой в его жизни Прекрасной дамой, чистой, нежно пахнувшей, доступной, мягкой... хотя он вряд ли сам смог объяснить все, что происходило в его душе... и в теле.

Он лежал, прикрыв глаза, наслаждаясь легкостью в членах тела, дремотой, мягко обнимавшей его, счастливым сознанием того, что не надо сидеть на табуретке и ждать вечерней поверки и сдачи номера в обмен на завтрашний пароль. Что делать, мы защищаем Родину!

Но что с ним происходит?

Чего он хочет? Пора ли выходить на связь с Центром...

Если дезертирство и существовало в его подсознании как некий выход из жизненного тупика, он сам себе в этом не признавался.

Теперь же оно материализовалось в образе этого чистого городка, мирного неба, не замусоренного еще крылатыми ракетами, супом, приготовленным Зинаидой, и ее телом, ее шепотом, ее стоном...

Настоящий патриот своей Родины не может променять ее на луковый суп. Он сам не переживет такого предательства...

* * *

Шпак проснулся поздно, то есть поздно по нормам своей планеты, где побудка точно соответствует восходу солнца, чтобы не тратить энергии на освещение улиц и жилых ячеек. Станет светло — встаем. Стемнеет — попрошу по койкам.

Солнце стояло высоко и его лучи отвесно били по тюлевой занавеске.

Шпак вскочил в ужасе — обход уже состоялся, и он потеряет такие важные для него очки!

И тут спохватился.

Он же не дома.

То есть он в доме своего нового тела.

— Ты чего вскочил? — спросила Зинаида. Она вошла в комнату, волосы накручены на бигуди — зрелище непривычное и несколько механистичное.

— Что с тобой? — спросил Шпак.

— В первый раз заметил? — добродушно засмеялась Зинаида.

Она была в халатике, полная грудь распирала его, в овражке между грудей поблескивал золотой крестик.

Он поднялся и сделал шаг к ней.

— Ну-ну. — Зинаида выставила вперед руки. — И не мечтай. Сексуальный маньяк!

Но не отступила.

А обыкновенному эмфату достаточно клочка чужого чувства, чтобы понять, стоит ли забыть о своих поползновениях или настаивать, словно ничего и не слышал.

Он обнял Зинаиду, и она сказала:

— Глупый, дай хоть бигуди из волос вытащу. Да погоди ты!

А сама занялась не бигуди — вот какое легкомыслие, — сама раскрыла на груди халатик, чтобы он догадался, как она хочет, чтобы он поцеловал ее в грудь.

— А грудь у меня, — сказала она, — совершенно девичья. Знаешь почему? Потому что еще не рожала... Ой, ну что ты такой настойчивый!

И в этот момент, как назло, позвонили в дверь.

— Не открывай! — взмолился Шпак.

— Нет, это может быть Клавдия. Она знает, что я не уходила. Ей из окна, гадюке, все видно.

Зинаида запахнула халатик и, придерживая его пальцами, побежала к двери.

Шпак сидел на кровати.

Послышались невнятные голоса. К сожалению, слух Шпака далеко уступал слуху, которым раньше пользовался гений. Слух там, дома, вырабатывался как часть инстинкта самосохранения. Опасность можно услышать.

Он хотел подняться и привести себя в порядок.

Но не успел.

В комнату вошел пружинистый, быстрый в движениях, словно гуттаперчевая кукла, Изя Иванов. Шеф Шпака из газеты.

— Опять напился, друг любезный! — запел он от двери. Изя думал, что он очень смешно поет.

— И даже не пил, — откликнулась из-за его спины Зинаида. — Поверь моему слову.

— Ах, мы защищаем своего благоверного!

Изя извернулся и ущипнул Зину за бедро. Привычно ущипнул, не впервые. И Шпак понял, что Зинаида делала с этим толстяком то же, что и с ним. И ему стало очень неприятно. Он никогда не подозревал, что человеку может быть неприятно из-за такого пустяка.

— Ты чего пришел? — спросил Шпак.

Зинаида отпрянула в коридор. Ей не хотелось, чтобы Шпак догадался. Хотя вернее всего Шпак об этом знал давным-давно.

Он даже почувствовал, как напряглась Зинаида — враждебно напряглась, будто ее в чем-то справедливо обвинили, но ей не хочется признавать свою вину.

— Вставай, собирай себя по кускам, — сказал Изя. — Большое дело есть. Шанс прославиться на всю Россию. Выполнишь — все тебе прощу.

— Надо еще подумать, — мрачно ответил Шпак, — кто кого будет прощать.

— Он офигел, — сказал Изя Зинаиде. — Ты, Зинка, его приструни. Хороший был журналист, надежды подавал.

— Я сейчас приду на работу, — сказал Шпак.

— Можешь не спешить. Я и не надеюсь. К тому же нечего языками трепать. Задание конфиденциальное. Хоть ты и алкаш, но не дурак, цвет мой. Будешь слушать?

— Говори.

Шпак уловил странный легкий запах. На тумбочке у спального дивана стоял пузырек. Красивый пузырек из золотистого стекла.

Шпак взял пузырек и вынул стеклянную пробочку.

— Есть мнение, — сказал Изя, — что с нами идут на контакт.

— Кто идет на контакт?

— Некая инопланетная цивилизация, — сказал Изя. — И попрошу без глупых ухмылок.

— Я не ухмыляюсь. — На самом деле он ухмылялся, но причиной тому был запах, исходивший от жидкости в пузырьке. Он не мог оторваться, он не мог поставить пузырек на место.

— Причем есть мнение, что луч, по которому к нам перемещаются засланцы...

— Кто это — засланцы?

Изя засмеялся во весь голос.

— Забыл, да? Забыл, что ли?

— Забыл.

— Засланец — это пришелец, который прилетел к нам по заданию.

— А зачем он прилетел?

Странно, но Шпак в тот момент не испытывал тревоги. Как будто эти слова не могли к нему относиться.

— Чтобы нас поработить, — сказал Изя и снова засмеялся.

— Чего гогочешь? — спросила Зинаида.

— Да мы сами кого хочешь поработим. А самих себя — тем более, разве не так? Дай тебя порабощу!

Он демонстративно приставал к Зинаиде, но его забавляла перемена в его сотруднике. Как будто Семен переживает, морщится, недоволен — даже смешно. Раньше даже поощрял и подговаривал, понимая, что, если Изя увлечется Зинкой, ему, Шпаку, будет легче — начальник, любовник жены, неизбежно становится покровителем мужа. Об этом даже писали в художественной литературе.

— Я понял причины твоего прихода к нам, — туманно сказал Шпак. — И я вскоре приду на службу, чтобы выяснить детали, а сейчас мне надо одеться.

Новый взрыв хохота.

— Господин граф, я потрясен вашей щепетильностью. Может, мне покинуть вашу опочивальню на время эксгумации?

Гений не все слова понял — возможно, их не понял бы и Шпак. Но решил игнорировать Изю.

Встал, сунул ноги в ботинки.

— Мы рассеянны, — сказал Изя, показав на ботинки.

Шпак в растерянности поглядел себе на ноги. Все в порядке. Ботинки надеты.

— Пошел, Изя, пошел! — Зинаида выталкивала главного редактора из квартиры, слишком привычно и даже

интимно. Гению захотелось убить Изю — чувство, совершенно недоступное настоящему Шпаку, но обычное для засланца с того мира.

Хлопнула дверь.

Вернулась Зинаида.

— Тоже мне, рассеянный с улицы Бассейной, — сказала она. — Не заметил, что ботинки не на ту ногу надел.

— Не на ту?

У меня две ноги, лихорадочно думал гений. Какая из них — та? Можно попасться на пустяке, тем более я до сих пор не понимаю, в чем моя ошибка.

— А впрочем, сними их, — сказала Зинаида, — мы не сказали с тобой последнего слова.

— Какого?

Он не выдерживал нервного и физического напряжения. Голова отказывалась перерабатывать сложную информацию.

Зинаида подошла к нему и ласково обняла.

— Мальчик мой, — сказала она, — трудно начинается новая жизнь?

Он ответил на ее поцелуй.

Было сладко, почти как вечером, но тревожные мысли не уходили. А что с ботинком? Что там случилось с ботинком, почему в памяти нет выражения «не на ту ногу»?

— Ты будешь раздеваться? — спросила Зинаида.

— Он с тобой это делал? — спросил Шпак.

— Что ты имеешь в виду?

Она, конечно же, догадалась — не надо быть эмфатом, чтобы почуять. Но попыталась отговориться непонятливостью.

Она быстро раздела его — впрочем, и раздевать-то почти нечего.

— И ты ему говорила такие же слова?

— Сеня! — Зинаида отодвинулась от него. — Что-то вчера еще эти проблемы тебя не волновали.

— Тебе неприятно, что они волнуют меня теперь?

— Наоборот, дурашка. Любая женщина цветет, когда ее ревнуют.

Она навалилась на него — словно очень мягкое толстое стеганое одеяло. Она мягко и влажно принялась зацеловывать его... и все повторилось... Почти все. Потому что когда все кончилось, он упрямо спросил:

— Ты с ним это делала?

— Это что, сцена ревности? Наконец-то спохватился. Забыл, что ли, как ты меня ему в койку закладывал, чтобы тебя из газеты не поперли?

Она побледнела от гнева и стала еще красивее.

— Мне это неприятно.

— Послушай, Сеня, если ты мне обещаешь так же любить, как ночью, ну ты понимаешь, на хрен мне другие мужики нужны? Считай, что заполучил самую верную жену в мире. Не баба, а Крупская.

— Кто?

— В школе надо было лучше учиться.

— Извини.

Зинаида ушла на кухню варить кофе, она без чашки и часа прожить не могла, как другие без сигареты.

Он слушал, как она гремит там посудой.

Она — существо низшего порядка. Так устроена Вселенная, что мы превосходим всех прочих. Считай, повезло. Но об этом каждый ребенок знает с инкубатора. Очевидно — впрочем, он не задумывался об этом специально — сам факт соития с туземкой сродни скотоложеству. Само слово пришло в голову неожиданно, оно было чужим словом, из языка Семена Шпака, но смысл его был очевиден — половые сношения с животными.

Преступление, которого у нас быть не может, потому что нет животных? Что за чепуха крутится в моей голове?

Но ведь я исполняю задание. Я — последняя надежда нашей планеты, я ее последний гений, и дело моей чести совершить подвиг, который оказался не под силу достойным господам офицерам... Я должен подготовить почву, задействовать тела для моих коллег. Земля будет покорена и приобщена к делу...

— Тебе кофе с молоком или черный будешь? — спросила Зинаида из кухни.

— Как всегда, — осторожно откликнулся Шпак.

Он шел по улице и размышлял.

Не мог выключить свое смятенное сознание.

Наслаждение обретенной свободой, первая в жизни любовь — а бывает ли любовь столь скоротечной, столь внезапной? А не может ли так быть, что в этой любви участвует лишь его тело и он — раб тела? Тогда он, гений, не может относить себя к числу возлюбленных. И слово-то какое! Откуда оно возникло в голове? Неужели, убив туземца, он стал его рабом?

Дорогу к газете он знал. Ноги сами несли его туда.

Кое с кем по дороге он здоровался, и сознание отмечало: это учитель Илья Филиппович, это наш участковый стоматолог, а это Паша, когда-то я танцевал с ней в парке, а потом она вышла замуж за Митьку, забыл его фамилию, а этот Митька сидит...

— Здравствуйте, Мария Панкратьевна!

Кто такая эта Панкратьевна?

А мог ли бы я жить среди этих людей, одним из них? Дышать этим воздухом, поехать с Зинаидой на море. Конечно же, на Черное море, вы любите нежиться на солнце? Да я в жизни не нежился на солнце — солнце

обжигает и уничтожает все живое, не успевшее спрятаться в подземных убежищах.

Он обернулся — сзади двигалось нечто злое.

Оказалось — всего-навсего Артем Артемович Груздь из Службы спасения.

Он тяжело дышал, и все в нем покачивалось и вздрагивало — от носа и ушей до живота.

— Что еще? — спросил Шпак.

— Иду, рассуждаю, наблюдаю, — сказал Груздь, — потому что наши враги не дремлют. Знаешь, что не дремлют?

— А черт их знает, наших врагов.

— А может, шутишь?

— Почему вы так думаете?

— Ты вообще, вижу, большой шутник. Какой сегодня праздник?

— Черт его знает.

— А вот Шпак должен знать, потому что сегодня День Военно-морского флота, видишь, гуляют? А ты сам вроде служил на флоте.

— И рад забыть, — сказал Шпак.

Груздь не отставал.

— А ты знаешь, что опасность появилась?

— Какая еще опасность?

Шпак прибавил шагу, чтобы оторваться от Груздя. Тот пыхтел сзади, но не отставал.

— Говорят, что имеется в виду вторжение из космоса. Некая враждебная сила среди нас!

— Ну и хрен с ней.

— Погоди!

Но Шпак уже нырнул в подъезд.

В длинном желтом двухэтажном доме, еще дореволюционном, может, в нем и на самом деле был когда-то приют или богадельня, рассказывали (и даже говорили,

что с тех пор остались привидения), всегда было много второстепенных учреждений: собес, ДОСААФ, ветлечебница на первом этаже, редакция городской и районной газеты.

Теперь тоже редакция. Только не на месте старой газеты, а на месте ветлечебницы. И Шпаку порой с перепоя казалось, что запах дохлых кошек остался вместе с белыми стульями и столом, обитым алюминием, на котором раньше осматривали собак, а теперь сваливали остатки тиража и подшивки, которые не уместились в кабинете у Изи.

Шпак прошел к Изе, но его не было, зато Катя, секретарша, отдала Шпаку конверт и сказала:

— Изяслав Тихонович велел передать, тут все что нужно.

Она не показала виду, что догадывается об украденной сотне.

Шпак пошел к себе, в соседнюю комнатку. Там раньше сидела Григорян, отдел писем и откликов. Но она в декрете.

Шпак раскрыл конверт и вытащил оттуда лист бумаги.

Он пробежал текст. Текст мог бы показаться бредом сумасшедшего чиновника, если бы не гриф «совершенно секретно» и какие-то резолюции, размашистые, наперекосяк.

Обратить внимание!

Повысить бдительность!

Пресекать провокации!

Господи, это же один из наших, один из офицеров Главного штаба переметнулся к ним и выдал нашу программу. Так бы они никогда не догадались.

Но кто?

А так ли важно кто?

Некто другой, надежный и трижды проверенный, лучший друг женераля Симки, вдохнул этого воздуха, увидел этих женщин, отпил этой воды, растянулся на этой траве... и понял, что его долг перед Родиной — фикция, пустое заклинание, придуманное женералями ради женералей.

А что он сделал потом? Нашел себе женщину?

Ах, Зинаида, ах, перси твои, лоно твое, ланиты твои!

Что я несу?

А тот, кто предал, неужели он тоже так думает о туземной женщине? Какой ужас, какой позор для вооруженных сил!

И вдруг Шпак поймал себя на том, что улыбается.

Может, это ирония? Может быть, движения его души необратимы?

Шпак вновь бросил взгляд на лист бумаги.

«Следует обратить особое внимание на детали поведения известных вам личностей. Человек, который подменен враждебным пришельцем, во всем соответствует своей жертве, но порой не знает или не замечает реалий нашего существования. Например, диверсант может надеть ботинки не на ту ногу, потому что на планете-агрессоре у людей нет различия между правой и левой ногами...»

«Ну конечно же, — понял наконец Шпак. — Я просто натянул правый ботинок на левую ногу, а она заметила».

«Мы призываем удвоить бдительность членов семей тех лиц, которые наиболее подвержены нападениям инопланетян. Это лица, идеальная субстанция которых легче, чем у остальных людей, может быть отторгнута от материальной, что позволяет злонамеренному инопланетянину внедриться в организм человека. Как только вы заметили нечто необычное в поведении вашего знакомого или родственника, а то и просто прохожего, на-

стойчиво призываем вас немедленно обращаться к нам по телефону доверия...»

Конечно же, это один из нас.

Я его осуждаю?

Разумеется, я его осуждаю, потому что он предал нашу Родину.

Я его осуждаю?

Ни в коем случае! Потому что если наш план, мой план, план женераля Симки удастся, то этот мир, эта Земля попросту перестанет существовать. Сила отпетых режимов заключается в том, что они могут схватить, проглотить жертву, которая куда больше их размером и значением. Вы видели когда-нибудь удава, который заглатывает поросенка? Кажется, что сейчас его тело разорвется пополам... и все же челюсти охватывают животное, и поросенок словно залезает головой вперед в мешок... а потом уж можешь наблюдать за тем, как шар, бывший когда-то свинкой, продвигается по пищеводу и превращается в мясную кашицу.

Мы сожрем вас, земляне!

И тот, кто писал это предупреждение, понимал, чем грозим мы Земле...

Но сколько агентов было направлено сюда за последний год, с тех пор как я разработал этот метод?

Тринадцать... и два других. И тот... Всего шестнадцать агентов, и ни один из них не вернулся доложить о выполненном долге.

Где же они?

Теперь я знаю — по крайней мере один нас предал.

А вдруг остальных пытают? А вдруг и мне предстоят испытания? Или то, что происходит со мной, — лишь испытание, придуманное женералем Симкой? Он давно твердит повсюду, что я — потенциальный предатель Родины, что я только и норовлю куда-нибудь перекинуться. И все шестнадцать агентов, которых мы направили

на Землю, сейчас глядят на меня из-за углов. А как угадать их? Почему секретарша Катя уже два раза, проходя мимо полуоткрытой двери в мой закуток, так странно заглядывает сюда? А где гарантия, что Артем Груздь не человек женераля Симки?

Тогда над моей головой идет страшная схватка между разведками Земли и нашей сетью. А я тщу себя глупой мыслью, что это именно мною изобретена система контакта, тогда как остаюсь не более как комаром, попавшим под асфальтовый каток.

— Кофе будешь? — спросила Катя. — Но учти, у меня растворимка.

Семен Шпак снова замер.

Ну что за память у Шпака? Кофе-растворимка? Что это означает?

— Буду, — сказал он. — Конечно, буду.

— Ты себя хорошо чувствуешь?

— Отлично чувствую я себя!

— Ты без меня скучал?

Почему я должен был без нее скучать? Мы давно не виделись?

Катя прижалась к нему бедром.

От нее так и разило — если можно сказать об ощущении — желанием, желанием близости.

Но, видно, и Шпак ее не любил, и гений унаследовал его равнодушие.

Он не стал отстраняться. Замер и терпел.

На счастье, в комнату ворвался Изя.

— От руля! — закричал он, вклиниваясь между Шпаком и Катей. — Не соблазняй моих девочек! Я их всех имею, а ты не по этой части. Прочел указания сверху? Что ты думаешь об этом?

— Я никогда не верил в эти бредни, — сказал Шпак. — Для этого есть дешевые журналы.

— Точно! И я так думаю.

Изя сел на край шатучего стола и закурил. Курил он сигару. Сделает затяжку-две, сигара гаснет и он сует ее, обслюнявленную, в верхний карман пиджака. Изя был неопрятен, раньше Шпак не обращал на это внимания, потому что всегда чувствовал себя обязанным школьному приятелю... ага, я вспомнил, что мы с ним учились в одном классе, оба были учениками средними, наши интересы лежали вне класса...

— Понимаешь, старичок, — сказал Изя, — сам факт того, что эту штуку официально разослали по редакциям и, я подозреваю, по другим офисам нашей страны, говорит о многом. Ты думаешь, в Кремле и в области сидят шизофреники?

— Ни в коем случае!

— Вот именно. Значит, сигналы были серьезные. Значит, кого-то они взяли и выпотрошили. Я почему на тебя это взвалил? Потому что ты имеешь репутацию алкаша... Не обижайся, не отпирайся. Репутация — это еще не жизнь. Ты общаешься с людьми, можно сказать, с народом.

Изя любил посмеяться. Он сам говорил, что, когда смеется, у него проветриваются внутренности в мозгах. Такое странное определение.

— И что же я буду делать?

— Если они у нас есть, то проще всего внедриться в бомжа или в пьянь у стояка, где тебя в рабочее время легче всего обнаружить. Как ни спросишь у твоей Зинки, где он, она всегда — ищи в гуще народа.

Тут Изя совсем развеселился, а Семен сказал, сам от себя не ожидая:

— Больше ты у нее спрашивать не будешь!

— Да ты что? Озверел?

— Я пить бросил.

— Ты врешь, да?

— Я люблю Зинаиду. Понял? И пить бросил.

Что-то в тоне Шпака настолько не понравилось Изе, даже напугало его, что он сполз со стола, вытащил сигару и, отойдя к двери, принялся ее раскуривать. Это удобное занятие, когда не хочешь говорить.

Шпак вел себя неправильно. До того, что Изе в нем почудилась опасность.

— Я пошел, — сказал он, раскурив сигару и размахивая ею перед носом. — Если будут идеи, я в кабинете.

А уже из коридора, словно почувствовав себя в безопасности, вдруг игриво крикнул:

— Я так думаю, старичок, что ты и есть пришелец из космоса.

И поспешил, смеясь, к своему кабинету.

Заглянула Катя.

— Он ругался?

— Все в порядке, — сказал Шпак. — Все в ажуре.

Катя вздохнула. Ей хотелось, чтобы Шпак жаловался. Когда не жалуется, нет оснований приголубить.

Шпак снова прочел официальную бумагу.

Он подумал, что, с точки зрения обыкновенного Шпака, эта бумага должна казаться шуткой. Или бредом. Изя, к примеру, не хотел задумываться о ней. Казалось бы — сенсация! Но пускай сенсациями занимаются в Москве.

Шпак решил в самом деле сходить в пивную. Если что-то в городке известно, то скорее всего в пивной.

Изя не знает — впрочем, никто не знает, — что, наверное, Шпак лучше любого другого человека на Земле приспособлен для того, чтобы отыскать пришельца. Возможно, даже эмфатически можно будет его угадать. Единственная деталь: нет никакой гарантии, что некто другой окажется именно в Веревкине. Уж кто-кто, а гений знал, что агентов направляли в зону умеренного климата северного полушария. А это — сотни городов. Нет, если

ты сам, Шпак, не признаешься во всем, никто не найдет инопланетянина в этих краях.

Шпак заглянул к Изе. Тот смотрел в окно. И вздрогнул при звуке голоса Семена.

— В твоей бумаге, — сказал Шпак, — нет второй части.

— Ты меня напугал, марсианин Сеня. — Смех не получился. — Что ты имеешь в виду?

— Выводы. Какие выводы, какие меры мы будем принимать?

— Ты что, в самом деле думаешь, что их можно поймать?

— Одного-то поймали, иначе как бы эту инструкцию соорудили?

— У тебя идеи?

— Неужели не сказали, что с ними делать?

— Слишком ты сообразительный. Эту инструкцию фельдъегерь привозил. Представляешь — первый раз в жизни!

— И ты никому не рассказал?

— При обнаружении и даже при первом же подозрении немедленно следует сообщить по телефону. Я его где-то записал... забыл. Впрочем, не важно. Надо будет позвонить.

Изя врал. Шпаку это было очевидно и без эмфатии.

— А где у тебя записан телефон? — спросил он.

— Ах, какая чепуха. Я найду и тебе скажу. Так что как только ты что-то разузнаешь, сразу ко мне и мы отыщем этот проклятый телефон. Это будет мировая сенсация!

— Хорошо, я пошел, — сказал Шпак.

Ему вовсе не хотелось идти в пивную и там искать пришельцев.

— Если, конечно, ты сам не пришелец! — крикнул ему в спину Изя.

— Как вам не стыдно, Изяслав Тихонович! — воскликнула Катюша.

— В нем все не так! — И тут-то наконец Изя рассмеялся.

Шпак вышел на улицу. Посмотрел направо, налево — не хотелось снова встречаться с Груздем.

Как там Зинаида?

Он знал, что Зинаида ушла на службу, конечно, ушла. А вдруг она дома?

Он обернулся — спиной почувствовал неладное.

Нет, это просто Изя стоит у открытого окна и смотрит ему вслед.

— Что еще? — спросил Шпак.

— Пустяки, — откликнулся Изя, — у тебя в ухе банан.

Шпак непроизвольно шлепнул себя ладонью по уху.

— Что и требовалось доказать, — сказал Изя и закрыл окно.

Когда Шпак миновал памятник Ленину, он увидел как от химчистки к газете спешит Груздь.

Вот бы спросить его, отыскал ли он своего пришельца?

Нет, он не к газете бежит.

Вот он встретил Илью Филипповича, старого учителя из второй школы. Остановил и достает из потертого портфеля лист бумаги.

Шпак знал, что это за лист.

Значит, ему в Службу спасения или как она там тоже прислали инструкцию.

Это какая-то охота на ведьм.

Шпак представил себе, что по всей стране спешат активисты и размахивают листами бумаги с типографским текстом. И по Америке спешат, и по Китаю...

Он быстро пошел назад, Груздь не услышал его приближения.

— Простите, — сказал Шпак, — я телефон забыл. Ну-ка, продиктуйте.

— Какой телефон? — запыхтел, затрясся колбасами жира Артем Артемович.

— Чтобы сообщить при обнаружении.

— А что, правильно, — откликнулся Илья Филиппович. — А то как же я буду действовать, если обнаружу?

— Вы так думаете? — спросил Груздь и тут же обернулся к Шпаку. — А ты уже подозреваешь?

— Номер!

— 78865. Но сначала 08-72, понимаешь? Это коммутатор.

Значит, запомнил наизусть, выучил.

Илья Филиппович пошел рядом, он улыбался лукаво, будто они, два мальчишки, провели глупого учителя.

— Вы думаете, Сеня, что это розыгрыш? — спросил он.

Шпак учился у Ильи Филипповича когда-то давно.

— Но колоссальный розыгрыш, — сказал Шпак.

Он попрощался с учителем и повернул к новому зданию Сбербанка — откуда они столько денег набрали, чтобы этот дом отстроить? Ему было любопытно слышать чужие мысли, застрявшие в мозгу Шпака.

Возле Сбербанка стояла будка телефона-автомата. Это был новый телефон, принимавший карточки. А карточка у Шпака была. Он ее еще два месяца назад вытребовал у Изи, чтобы сообщать в редакцию горящие новости или связываться с информаторами... нужна корреспонденту карточка! Изя поскрипел, поскрипел и разорился — альтернативой был «Билайн». На это он бы не пошел.

Шпак набрал 08-72. Потом 78865.

Сразу раздался щелчок, зафиксирован номер!

Еще три гудка.

Определяют, откуда звонок.

Вам потребуется время, чтобы меня отыскать.

Потом голос:

— Вас слушают.

— Я вас беспокою по поводу полученной от вас инструкции. С кем имею честь?

— Что вы хотели сообщить?

— Это ФСБ?

— ФСБ или не ФСБ — вам-то какое дело?

— Это не телефонный разговор, — сказал Шпак. — Где мы можем встретиться?

— Вы из Веревкина? — выдал себя голос. — Вы обнаружили там пришельца?

— Разве вам еще не сообщили?

— Сообщили, сообщили. Вы сможете его задержать до приезда нашей группы?

— Тогда помогите мне — в чьем теле он находится?

— Если не знаете, зачем звоните?

— Я имею основания подозревать Артема Груздя, вам такой известен?

— Артема Груздя? Не вешайте трубку, мы сейчас проверим.

— Жду, — сказал Шпак, положил трубку на полочку под аппаратом и быстро вышел из кабинки.

Он прошел к рынку, там было побольше народа, и стал оттуда смотреть, появятся ли фээсбэшники?

Они прискакали быстро.

Минуты через три. Недаром в Туле тянули время, чтобы застать его в кабинке.

Они приехали на обычной «шестерке». Двое выскочили и сразу — к кабинке.

Один из них держал руку в кармане. Они не хотели рисковать.

Из телефонной кабинки они вытащили азербайджанца с рынка. Заломили ему руки за спину и стали заталкивать в машину.

Семен одного из них, кто за рулем, знал. Он жил на их улице. Старше Семена тремя годами, даже в одной части служили, 6-я дивизия тральщиков ТФ.

А вот фамилию забыл...

Они к этому относятся всерьез. Сидят у аппаратов и ловят звонильщиков, думают, что позвонит кто-то из пришельцев. А ведь правильно рассуждают!

Но если я буду вести себя осторожно, угадать человека в толпе невозможно.

Только не попадаться.

В пивную он не пошел. Нечего там делать. Лучше посидеть дома, пока не пройдет шум.

Он подходил к дому, когда увидел, что навстречу по переулку спешит Груздь.

И тут он его обошел!

Какой-то Берия, честное слово.

Семен стоял на другой стороне улицы, и Груздь был так занят собственными мыслями, что не увидел подозреваемого.

Значит, он был у меня дома?

Еще чего не хватало! А если он расскажет какие-нибудь гадости обо мне моей Зинке?

Впервые он назвал ее фамильярно — моей Зинкой.

Я ведь соскучился по тебе, я даже не хочу заниматься детективной работой и искать зловещего пришельца. Оказывается, это не розыгрыш, как думает старый учитель и на что надеялся я сам. Нет, они в самом деле ловят пришельца.

То есть меня?

Но ведь я не злобный! Я тихий гений, вполне штатское существо, даже в цель с пятидесяти метров больше двадцати из тридцати не выбиваю. Я спешу домой, я люблю свою жену. А вы знаете, что такое любовь? Вам это не дано!

Зинка была дома.

— Ты что так рано вернулась? — спросил Шпак.

— Я и не ходила... А ты не рад?

Он не смог ответить сразу. Он смотрел на нее и думал — почему она такая красивая? Есть такое понятие — моя женщина. Единственная в мире и навсегда. Как хорошо, что не существует бывшего Шпака, того самого, который мог позволить себе поднять руку на эту женщину, который пренебрегал ею...

— Я рад. Честное слово, я рад видеть тебя.

— Ты изменился.

— Может, тебе это только кажется?

— Нет. Я тебя знаю много лет, Сеня. Что с тобой случилось?

— Обедать будем? — спросил Семен.

— Обедать погодишь. Чего так рано с работы сбежал?

— Задание исполнял. Помнишь, как Изя просил инопланетян поискать?

— Нашел?

Разговор был почти неподвижным. Они делали вид, что знают меньше, чем знали, и не подозревают о правде.

— Откуда мне найти, — сказал Сеня. — Если их нет. Илья Филиппович считает, что это розыгрыш.

Зина пошла на кухню, Семен за ней.

Она достала из холодильника кастрюлю с вчерашним борщом, разогрела плиту.

Семен сидел за столом, курил. Он редко курил, только если выпьет как следует. А сейчас захотелось. Пить он не хотел, а закурил.

— Илья Филиппович от старости из ума выжил, — сказала Зинаида. — А вот некоторые считают, что это правда.

— Кто считает?

— Например, Артем Артемович Груздь.

— Надо будет с ним поговорить, — сказал Семен. — Обязательно. Он, может быть, чего-то знает.

— У него и кандидатура есть, — сказала Зинаида. — Он ко мне приходил, выпытывал мое мнение.

Семен ответил не сразу. Не хотелось быть глупее или по крайней мере недогадливее, чем на самом деле.

— И почему же он меня заподозрил? — спросил наконец Семен и откашлялся. Горло предало его — издало хрип.

— Наверное, по тем же причинам, что и я, — сказала Зинаида. — Тебе сметану класть?

— Одну ложку.

Шпак снял пиджак и положил его на пол.

— По каким причинам?

— Большие шпионы попадаются на мелочах. Я где-то читала. Рихард Зорге разорвал донесение агента и бумажки в окно автомобиля выкинул. А контрразведка японская вдоль дороги на карачках ползала, пока все клочки не собрала и не склеила.

— Ну, например! Мне же интересно.

— Я еще не видела человека, который, сняв пиджак, кладет его на пол.

— Но ведь пол у тебя чистый, — сказал Семен.

Он поднял пиджак и повесил его на спинку стула.

— Ты даже говоришь не так, как...

— Не так, как кто? — Семен улыбнулся, поняв, как ей трудно. Она ведь видела Шпака. Она же обнимала ночью Шпака, она борется с собой — пока его не было, она уже поверила Груздю, и ее охватил ужас. А сейчас ею владела скорее растерянность.

— Ну не могу я тебя бояться! — воскликнула Зинаида.

Борщ плеснул через край тарелки.

Он еле успел убрать колено.

— Сметану сам бери, сколько хочешь, — сказала Зинаида.

— И не надо меня бояться, — сказал Шпак. — По простой причине. Я тебя люблю. И ты тоже это знаешь.

— Хотела бы знать... А ты думаешь, почему я поверила этому хмырю?

— Груздю?

— Конечно, Груздю. Потому что я испытала с тобой то, чего не было пятнадцать лет. А может, и никогда не было.

Неожиданно Зинаида растрогалась, резко отвернулась к окну, и Семен понял, что она смахивает слезы.

— И что еще Груздь говорил?

— Он говорил, что уверен — ты и есть пришелец. Ты говоришь иначе...

— Разве я говорю иначе?

— Ну кто сметану пальцами берет?

— Извини.

— Ты даже знаешь, как просить прощения. Это было Шпаку... то есть тебе недоступно. Мне бы, дуре, сразу догадаться, а я растаяла. Ты меня приласкал, и я растаяла.

— А может быть, ничего и не произошло? — спросил Шпак. — Может быть, идет очередная охота за ведьмами?

— Груздь мне телефон оставил, чтобы я позвонила.

— Я знаю, — сказал Шпак. — Это какой-то отдел Тульского ФСБ. Чекисты здесь тоже группу поиска организовали. Я еле ушел от них.

— Ты признаешься?

— А что это меняет?

— Кто-то тебя выдал... а вас в самом деле много?

— Зина, любимая, это все выдумки.

— Ты за два дня ни капли не выпил. Почему?

— Не хотелось.

— Ты ешь борщ, а то остынет.

— Даже настроения нет.

Она уселась за стол напротив него, уткнула подбородок в ладони упертых локтями в стол рук и стала смотреть на него внимательно, как смотрят на огонь.

— Ты убил его? — спросила Зинаида.

— Ты веришь этому Гвоздю?

— Груздю.

Шпак протянул через стол руку и кончиками пальцев провел по щеке своей жены.

— Он так не умел делать, — сказала Зинаида. — Ты убил его?

— Даже если в твоих подозрениях есть доля истины, — сказал Шпак, — я же не убит. Я сижу перед тобой, я смотрю, какие у тебя фиолетовые глаза.

— Это от обоев. Отражение.

— Какая ты красивая и желанная.

— А какой ты на самом деле?

— Клянусь тебе всем святым, и твоим здоровьем клянусь, что я и есть я. Я не монстр, не осьминог, не паук. Я человек.

— Ты убил его?

— Он покинул это тело, потому что ничто не удерживало его здесь. Я мог только поторопить его.

— Я знаю, что ты прав, что ты никого не мог убить. Вот этот телефон.

Она протянула ему бумажку с уже известным номером.

— Они уже кого-то поймали. Но теперь, я думаю, они возьмутся за тебя.

— Что они докажут?

— А им не надо доказывать. Они тебя на детектор лжи посадят или обработают физически.

— Как так?

— Изобьют до полусмерти. Ты сам будешь рад им рассказать.

— Бог не выдаст, свинья не съест.

— Свинья? Ты знаешь, мне Груздь сказал, что у них один из вас есть. Добровольно перешел. Они с его помощью других уже поймали. Беспощадно.

— Будешь жалеть меня?

— Не сходи с ума.

— Может, мне просто пойти к ним и сказать — вы меня подозреваете, исследуйте, осмотрите, делайте что хотите, только чтобы я смог к жене вернуться.

— Ты так в самом деле думаешь?

— Честно.

Она встала и обошла стол, потом села к нему на колени, обняла, прижалась. Щекой к щеке.

— Я готов на все, — повторил он, — только чтобы возвратиться к тебе.

— Тогда тебе нельзя к ним идти, — сказала Зинаида. — Ты знаешь об этом лучше, чем они. Ты для них опасный. Бог его знает, сколько там таких, как ты, только и ждут, чтобы на нас наброситься.

— Честное слово, я не имею с ними ничего общего.

— Вот и дожила, — вздохнула Зина. — Вот ты и проговорился. Значит, твои друзья ждут момента, чтобы на нас накинуться. Но за что? Что мы вам сделали?

— Зина, милая, я сам по себе. Я ничей не слуга и не пришелец. Я сам. Я твой. Я клянусь тебе, что никогда и пальцем тебя не трону.

— Впрочем, — сказала Зина, — у меня нет выбора. Всю жизнь жила с подонком, и если ты окажешься не подонком, а просто убийцей, считай, что мне повезло.

Он не двигался. Он так и сидел — щекой к щеке. И никуда не хотелось уходить, двигаться...

— Почему у меня все не как у людей?

— А у людей — как?

Зинаида улыбнулась. Лицо было зареванное.

— Собирайся, — сказала она.

— Как так — собирайся?

— Мы уходим, — сказала Зинаида. — Пока они не спохватились. Они ведь умные — два и два сложить могут, да еще Груздь с подсказкой прибежит.

— Куда нам уходить?

— Пересидим у тетки Веры.

— У какой тетки?

— Забыл?

...Поле васильков. Как красиво, говорит он. Дурак — толстая тетка сердита, — это же сорняки. Почему сор-

няки красивые? Конечно, это в Васильках. Значит, не зря вашу деревню Васильками называют. По красоте. А может быть, надоели им сорняки, житья от них не было...

— Не забыл я твою тетю.

— Собирай чемоданчик, даю тебе шесть минут на сборы.

— Шесть?

— У вас у всех на вашей планете с чувством юмора кранты?

— У всех.

— Лишнего не бери. Нам надо уехать, прежде чем они дороги перекроют. Представь себе, Груздь уже к ним спешит. Ах, черт!

Она стояла ближе к окну и смотрела наружу.

Артем Артемович семенил по улице, облачко пыли за ним как хвостик по земле.

— Хочет сделать последний штрих, — сказала Зинаида. — Значит, так, ты сейчас уходишь в поле за дом Астафьевых. Не забыл еще?

— Где кусты у речки?

— Там, у моста. Тебя никто не найдет. И жди меня. Я думаю, что я быстро с ним разделаюсь. Но смотри — носа не высовывать! Сам погибнешь, меня за собой унесешь.

— Как так — унесешь?

Она его вытолкала через заднюю кухонную дверь — дом старый, дореволюционный.

— А так унесешь, что мне теперь не жить без тебя, дурак старый! Не жить!

— Даже если я убийца?

— А для меня ты не можешь быть убийцей, ты же пятнадцать лет как мой муж, я любому поклянусь... да не любой поверит.

В переднюю дверь постучали. Властно, дробью — Артем Артемович чувствовал свою силу.

Семен быстро пошел вниз, к реке. Сначала улицей, а потом узким огородным проходом, его знали только местные. Дорожка была пыльной — давно не выпадало дождей. Потом за огородами она влилась в другую, что струилась вдоль заросшего вербами берега речки.

Он уже понял, почему Зинаида велела ему ждать там, за домом Астафьевых — неподалеку мостик, а там, леском, можно скрытно дойти до остановки автобуса. Если его будут ловить на платформе или автобусных остановках в Веревкине, то за пределами города шансов спастись больше.

Под вербами в кустарнике было душновато, жужжали комары и оводы. Он понял, что предстоит испытание. Но в самом деле надо терпеть. А то скоро поймают.

Кто-то шел по тропинке вдоль речки. Семен присел в кустах и затаился. Комары только и ждали этого.

Они накинулись на него. И ведь даже ладонью себя не хлопнешь.

Двое остановились у реки и стали выяснять, мог ли Кашкин здесь утонуть. Ну какое дело нам до Кашкина?

Зинаида добежала до входной двери. Спросила, запыхавшись:

— Кто там?

— Ты чего не открываешь?

— Я спрашиваю — кто там!

— Да я, я. Чего, не узнала?

— Кто — я?

— Груздь Артем Артемович. Не узнала — богатой будешь.

— Не нужно мне богатство.

— Тогда открывай.

— Ты только что здесь был.

— А я говорю — открывай. Дело есть.

— Какое дело?

Он снова позвонил.

Вроде бы Семен уже ушел. Можно открывать. А дальше тянуть — только возбуждать подозрение.

Груздь вошел, заполнив вялым телом весь коридор.

— Твой дома? — спросил он.

— Мой в газете, — ответила Зинаида. — Его Изя вызвал, задание важное.

— Ну и хорошо, что он на работе, хотя сильно сомневаюсь, — сказал Груздь. — Душит он где-то христианских младенцев.

— Ну что ты говоришь! — возмутилась Зинаида. — Семен никого в жизни и пальцем не тронул.

— Это тебе так кажется по причине совместного проживания, — ответил Груздь. — У меня дело короткое. Могу помочь.

— Как так — помочь?

— Я единственный, кто имеет знания о вас. Моя информация — твое спасение.

— Я тебя не совсем понимаю.

— А тебе и не надо понимать.

Груздь не был в себе уверен и внутренне готов уклониться от заслуженной пощечины. Оттого был даже более агрессивен, чем того требовали обстоятельства. В то же время еще больше он боялся упустить момент, продешевить — ведь такое везение случается раз в жизни и нужно ухватить свое везде, где могут дать.

С утра Груздь деятельно носился по городу, убежденный, что поймал злоумышленника. Хотя чуял, что поймал-то он за хвост тигра.

— Есть предложение, — сказал он, заполняя собой проход на кухню, — что я могу гарантировать вашу безопасность. Никому ни слова из уважения к памяти твоих родителей и тебе лично.

— Мои родители живы и здоровы, — ответила Зинаида.

Она уже почти знала, зачем он заявился.

— Это не так важно.

— Скорее, Груздь, — сказала Зинаида. — Скорее, я спешу.

— А ты не спеши, потому что от возмездия ты не уйдешь. От справедливого, ты меня понимаешь?

— Или говори, или мотай отсюда.

— А я ведь вдвое тебя старше по крайней мере.

Зинаида не смела собирать при нем сумки. Может, он с другим пришел, а тут убедится, что прав.

— Вопрос в твоем Семене. Я его, конечно, уважаю.

— Родители его далеко живут, — сказала Зинаида. — Ты их уважать не можешь.

— Я отношусь с уважением к любому живому существу, честное слово. Недаром я представляю собой ведомство гражданской обороны.

— Ага, накройся простыней и ползи на кладбище. И что же ты хотел сказать?

— Тысяча зеленых. И я твой друг. И молчу.

— Тысяча зеленых? А их нет у меня.

— Есть, я все знаю. И две тысячи найдется, но мне всего не надо, я только за услуги возьму и пошел.

— Дурак ты, Груздь, — сказала Зинаида. — Как только я тебе хоть рубль дам, ты сразу на меня донесешь, потому что тогда у тебя сомнения пропадут. Нет тебе ни рубля, нет состава преступления. Пошел отсюда, катись колбаской по Малой Спасской.

— Ты грубо себя ведешь и ошибаешься.

— Считай как знаешь.

— Ты меня толкаешь на сообщение в компетентные органы.

— А ты и без этого побежишь в компетентные органы, — сказала Зина. — Только там тебе не заплатят.

— А может, пятьсот?

Зина подумала, что Груздь сильно постарел. Она его с детства знала, он еще с лекциями по ДОСААФу выступал, как оберегаться от радиации.

— И что ты к моему Семену привязался?

— Потому что он не Семен, — Груздь понизил голос, словно опасался подслушки, — а враг номер один, засланец инопланетных органов.

— Знаешь, что я тебе скажу, — ответила Зинаида. — Плевать мне с высокого дерева, как ты Семена назовешь. Он мой муж, понимаешь? Я люблю его. И таким сволочам, как ты, никогда не отдам. На любом суде его отстою!

— Ох и продалась ты, Зинка, ох и продажная! Выведут тебя на чистую воду, может, ты сама уже укушенная.

— И что же?

— А ты про вампиров смотрела? Вампиры как пососут твоей кровушки — и все, ты сама вампишка.

— Тронутый ты, Груздь.

— Тронутый не тронутый, а даю тебе час на размышление. В ФСБ меня с распростертыми объятиями ждут.

— Ох и рискуешь ты, Груздь, — сказала Зинаида.

— Через час. Напиться не дашь?

— Не дам!

— Это тебе тоже припомнится.

Она закрыла за ним дверь, даже набросила цепочку.

Дыхание было быстрым, голова кружилась. Он не будет ждать час. Не будет. Он уже побежал. И они ее возьмут, а тогда Сеня сразу им попадется. Ведь долго не протерпит без нее, прибежит за ней. Она же его знает. Он любит ее. А к нашим сволочным нравам не привык и попадется. Он же, наверное, думает, что люди — порядочные...

Она поймала себя на странных размышлениях, будто Сеня — как ребенок, что его нужно охранять от наших органов. Значит, что же, она предательница? Ради мужика готова предать свою Землю?

Думая так, она быстро кидала вещи в сумку, что пригодится, и не только шмотки, шмотки не главное, а вот

коробку со своими невеликими драгоценностями, любимую бритву Семена, пиджак...

В окно кто-то смотрел.

Она выпрямилась.

Первым движением было добежать до окна и закрыть штору.

Но на полпути к окну она сообразила, что там — против света плохо видно — стоит всего-навсего Изя Иванов, редактор и даже — некогда, в отдаленном прошлом — случайный любовник Зины.

Этот еще чего приперся?

Время же идет.

Может, сделать вид, что тебя нет?

Он крикнул в форточку:

— Чего спешишь, красавица? Мне на минутку.

А он там ждет! Сеня волнуется... хоть убейся!

Она сняла цепочку, открыла дверь Изе. Старый толстяк ушел — пришел молодой толстяк. Тугой, упругий, твердокаменный толстячок.

— Ну чего ты у нас забыл? Семена нету. Он на работе.

— Я на пять минут. Как друг.

— Вечером приходи, как друг, чайку попьем.

Этот не на кухню. Этот сразу вломился в комнату, где на кровати стоит раскрытая сумка, рядом — вещи.

— Не будет тебя вечером, — сказал Изя.

И улыбнулся — рот до ушей, он всегда так глупо улыбается, хоть и не дурак.

— Что ты хочешь сказать?

— Вещички собираешь, а благоверный пришелец тебя где-нибудь в кустах под мостом поджидает, чтобы когти рвать отсюда. А я одобряю. Правильно делаете — минута промедления смерти подобна. Обложили твоего Сеню. Даже странно, что я сразу не догадался.

Он бухнулся на диван и резким движением руки смахнул на пол сумку, вещи посыпались из нее, как продукты из рога изобилия.

— Ты что, с ума сошел?

— Погоди, не суетись. Научись слушать старших.

— Мне некогда, Изя, честное слово, некогда.

Она опустилась на корточки, чтобы собрать вещи. Ее голова оказалась рядом с его коленями — она не подумала об этом, очень спешила и плохо соображала. Так человек бежит под пулями, зажмурившись, и ему кажется, что в него не попадут...

Изя опустил крепкие толстые пальцы на ее макушку, запутал их в густых волосах, потянул к себе так, что голова запрокинулась.

Нагнулся и поцеловал Зину в губы.

А ей некуда было деваться. Она сидела на корточках, одной рукой упершись в палас, чтобы не потерять равновесия, второй — вцепилась в его руку, но тщетно. Он прижал губами ее губы так, что больно.

Она мотала головой, и он все же смог разомкнуть ее зубы и залезть языком в рот. Гадость-то какая!

И пахло от него чесноком.

Наконец вырвавшись, она села на ковер у его ног.

— Ты с ума сошел?

— Нет, не сошел. Сиди, сиди, объясню. Ты сейчас умчишься. Вместе со своим марсианином. Я не вмешиваюсь, хотя полагаю это легкомыслием, хотя бы потому, что вас скоро настигнут. Пойми же — против вас будет задействована вся машина государства, а вы не опытные урки, вы законопослушные обыватели. Куда вы помчитесь? К тете в Саратов? К дяде в Тмутаракань? Но, повторю, это твое дело. Действия и поступки любой женщины определяет мужчина, если ей повезло и она себе одного захомутала. Беги. Не мешаю.

— Что ты говоришь, Изя? Я никуда не бегу.

— Один Груздь чего стоит, — сказал Изя. — Он уже такую волну развел, что в любой момент к тебе могут нагрянуть. Но, думаю, полчаса у тебя еще осталось. И советую тебе не бежать к тете или дяде — бегите сразу на юг, куда-то, где нет родни, где вас труднее вычислить. Деньги у тебя есть, я не сомневаюсь.

— Спасибо, — тупо сказала Зинаида и попыталась подняться.

— Не надо благодарности. — Он опять придержал ее, положив на голову ладонь. — Мне грустно расставаться с тобой.

— Мне тоже. Отпусти меня. Сам же говоришь...

— Я ничего не говорю, кроме слов любви. Не поняла?

Он наклонился и потянул ее к себе наверх, на диван, сам опрокидываясь на спину как рыбак, который вытаскивает из реки громадного сома.

Зинаида даже не сообразила, что можно сопротивляться.

— Ты что? — повторяла она. — Ты что делаешь, как тебе не стыдно!

А он уже навалился на нее и стал ее раздевать, расстегивать...

— Да ты с ума сошел! — Она отбивалась, молотила его кулаками.

Тогда он перестал ее мучить, а спросил деловым голосом:

— Зинаида, не сопротивляйся. В конце концов тебе было со мной хорошо, ты же раньше не возражала...

— Неужели ты не понимаешь! Неужели ты ничего не понимаешь! Он был никакой, но я его всегда любила, я и тебе давала, потому что его любила, чтобы ты к нему...

— Я всегда подозревал, — тихо ответил Изя.

Он был огорчен. Он был опечален, но не настолько, чтобы отпустить ее.

— Пусти!

— Нет, теперь тем более не отпущу. И учти, каждая лишняя секунда сопротивления уменьшает ваши с ним шансы на спасение.

— Зачем ты так говоришь, Изя... пожалуйста, не надо, Изяка...

— Ты мне не безразлична, — сказал Изя. — И такая вот, острая ситуация возбуждает меня. Когда я понял, что ты побежишь за своим псевдо-Сеней, я понял — я должен успеть быть с тобой... хоть несколько минут. Я заставлю тебя это сделать!

— Ну потом, когда-нибудь потом...

— Раньше для тебя это была не проблема. Ты сама говорила: что может быть проще — ноги раздвинуть и потерпеть пять минут.

— Нет!

— Любишь его?

— Да.

— Если любишь, то дашь мне сейчас. Именно сейчас, потому что любишь.

— Пожалуйста, не надо...

— Тогда ты никуда не уйдешь. А пойдешь со мной в ФСБ. Они тут рядом, они ищут вас со Шпаком. Мне стоит только свистнуть.

И она поняла, что его руки уже добрались до ее тела... а чего добираться, она же в халате и трусах — как была дома.

— Три минуты, — повторял Изя, — только три минуты, и я тебе все прощу... Три ми-ну-ты-ми-ну-ты, — он говорил в такт своим движениям. Зина плакала и теперь молила Бога об одном — скорее кончи! Ну скорее все сделай! Я тебе помогу, только кончи скорей... там же Сеня с ума сходит.

* * *

Комары были беспощадны. И спрятаться тут от них некуда — рядом вода, они, видно, живут здесь и ждут, когда же к ним придет на съедение идиот в человеческом облике. И почему же я унаследовал тело, не отключил системы его — оно функционирует и страдает, как свое... оно уже стало своим навсегда, и мы умрем с ним, мой дорогой.

Он посмотрел на часы.

Прошло полчаса, как она обещала прийти. Что ее держит?

Он, внутренне улыбнувшись, представил себе, как она старается выбрать любимый шампунь, как смотрит на туфли, потом меняет их на другие... Представив, он вдруг обиделся на нее. Ну почему эта женщина не понимает, что у них каждая минута на счету... И могла бы найти для него ухоронку без комаров... Будь справедливым, она не знала, что здесь комары.

Он встал и выбрался на самый берег, потому что, когда ты в движении, комары отстают. Но долго там быть не пришлось, потому что на том берегу уселись два мальчишки с удочками и стали разматывать снасти.

Солнце припекало, комары догнали его, а когда он нырнул внутрь, накинулись всем кагалом.

Комары мешали думать.

Куда они уедут с ней? Может ли он полагаться на ее здравый смысл и осторожность? Ведь она повезет его к родственникам. Безопасно ли это? Опыта Сени Шпака не хватало — он еще никогда не бежал и не скрывался. Опыт же гения был иным и заключался в том, что служба безопасности отыщет любого опасного преступника в считанные минуты — все зафиксированы и учтены... Как бы они не оцепили город...

Прошло тридцать пять минут.

Невыносимо!

С ней что-то случилось. Она попалась.

Она шла к нему, а по дороге ее схватил тот самый парень, с которым Шпак учился в школе. Ее узнали — а как же не узнать! И ее будут допрашивать. А может быть, уже допрашивают? Ее бьют? Или у них есть более цивилизованные, скажем, более действенные способы разговорить преступника?

Может, они уже подходят сюда — выследили Зинаиду и подходят к кустам.

Шпак на четвереньках вылез к краю кустов.

Никого на дорожке не было.

Но тревога сжала горло — он уже был уверен, что Зина попалась.

Выручать ее?

Это неразумно, это глупо. Ему не выручить ее.

Надо бежать и скрываться.

Без нее?

И он уже шел обратно к дому.

Осторожно, оглядываясь, нет ли погони, выглядывая из-за угла — не ждет ли засада?

Но городок заснул, в истоме летнего дня даже облака повисли, не двигаясь... Жужжали пчелы и гудели шмели, пахло полынью и флоксами.

Он поднялся по огороду почти ползком. Только бы не попасться на последних метрах.

Он физически ощущал давление вражеских глаз.

Вот и окно. Что-то слышно... как будто дышит собака... быстро.

Он медленно приподнял голову, чтобы глаза его появились у стекла в нижнем углу. «Ах, — сказала Зинаида, — иди ко мне, ну иди же! Скорей!»

В комнате было полутемно.

Почти темно. Полумрак. Но шторы не закрыты.

В комнате был беспорядок.

На диване кто-то лежал и ворочался. Двигался. Дергался.

Как это отвратительно видеть со стороны! Это же ее ноги согнуты и подняты вверх. Это ее кулаки колотят по его спине.

По спине Изи Иванова. Он же сразу узнал облысевший затылок и красную шею.

Именно сейчас...

Сеня не стал рассуждать, он не мог рассуждать.

Он отвалился от окна и сел на землю, прислонившись спиной к стене дома.

Она послала его к реке, смеясь над ним, а Изя ждал у дверей, когда Сеня отойдет подальше. Они это делали раньше, но сегодня, когда все так изменилось... Они наверняка уже позвонили по тому телефону. Ведь у Зинки был телефон.

И внутри Сени стало холодно.

Холодно и пусто.

Все кончилось.

Путешествие подошло к концу.

Последний из агентов чуть было не потерпел поражение.

Главное — отрешиться от чувств. Именно от чувств.

Принцип прост: те, кто догадался или готов догадаться и этим ставит под угрозу операцию, должны быть уничтожены.

Тем более что они не заслуживают иной участи, потому что могут предать. И убить.

Вопрос в одном — кто убьет первым.

Если ты протягиваешь указательный палец, то луч, вылетевший из него, почти невидим. Тонкий сиреневый луч.

Он пронзает практически любое препятствие.

Семен увидел, как в стекле появилось отверстие — как шляпка от гвоздя, с оплавленными краями.

Изя неловко свалился с дивана и скорчился на полу. Он еще дышал.

Зинаида с секунду лежала в бесстыжей позе, задрав согнутые в коленях ноги, но тут же ноги выпрямились, и она замерла, протянув руки вдоль тела.

Все. Дело сделано. Надо бежать.

Он почти стал одним из них, но они сами предостерегли его от морального превращения.

Ах, как он попался... свобода! Как говорил женераль Симка? «Такая свобода нам не нужна!»

Он распахнул окно. Оно открывалось наружу.

Перепрыгнул через подоконник.

Уходить с голыми руками неразумно. У него есть еще несколько минут.

Шпак прошел в ванную. Взял с полочки зубную щетку, пасту, мыло, расческу, рассовал по карманам.

Посмотрел на себя в зеркало.

Раньше как-то случая не предоставлялось. Нет, утром смотрел, но не думал об этом.

Вот это мое лицо. Неприятное, грубое лицо, мешки под глазами, глубокие морщины к уголкам губ, глаза слишком светлые, волосы поредели и приходится зачесывать их поперек головы, чтобы скрыть лысину. Но ведь когда выбирал, не задумывался об этом.

Он смотрел на себя и думал, как удобнее всего убрать Груздя? А Груздя придется убрать, потому что он знает его и обязательно будет говорить. Он уже донес, если жадность не удерживает его от последнего шага. Может быть, он будет шантажировать Шпака?

Не стоит ему этого делать.

Сумка лежала в комнате, возле дивана.

Шпак рванул Изю за рукав, чтобы оттащить в сторону.

Он стал класть в сумку свои рубашки, носки — самый минимум.

Вот вроде и все.

Он выпрямился и стал смотреть на Зинаиду.

Ее лицо с закрытыми глазами приобрело покой и благородство, которого ему не хватало.

— Прощай, — сказал Шпак.

— Я это сделала для тебя... ради тебя. Я не могла иначе откупиться от Изи, — сказала Зинаида, не открывая глаз.

— Я знаю, я не сразу понял, но теперь понял. Только это ничего не меняет.

— Я не могла иначе спасти тебя.

— Разумеется.

— Ты уйдешь без меня?

— Иначе не получится. Нам нельзя вместе.

— Ты хоть будешь меня вспоминать?

— Глупый вопрос. Я не собираюсь тебя забывать.

— Ты все еще сердишься?

— Не в этом дело.

Шпак поставил пальчиковый дезинтегратор на земную плоть. И направил его тонкий луч на Изю.

Это было неприятное зрелище.

Комнату окутало паром — стало очень жарко, и сумма запахов, рожденная дезинтеграцией человеческого тела, была почти невыносима.

— Ты бы хоть предупредил! — закричала Зинаида, вскакивая с дивана. Она с трудом отыскала на ощупь путь из комнаты.

Но пар скоро исчез, и запахи тоже стихли.

— Все? — спросила Зинаида из кухни.

Ей никто не ответил.

Она заглянула в комнату.

Шпака уже не было.

На полу осталось темное обожженное пятно. По форме человеческой фигуры. Надо будет сейчас же притащить старый палас из кладовки и положить его здесь.

Но сначала она подбежала к окну.

Шпак как раз сворачивал в проулок.

Она не стала кричать ему вслед, потому что он все равно бы не вернулся.

СОДЕРЖАНИЕ

Лишний близнец 5
В когтях страсти 83
Чума на ваше поле! 137
Золушка на рынке 285
Гений и злодейство 333

Официальная страница
Кира БУЛЫЧЕВА
в сети Интернет доступна по адресам

http://www.bulychev.ru/

http://www.rusf.ru/kb/

http://www.fiction.ru/kb/

http://rusf.yingternet.com/kb/(США)

http://sf.hikarigaoka.gr.jp/kb/(Япония)

http://sf.alarnet.com/kb/(Казахстан)

http://sf.dnepr.net.ua/kb/(Украина)

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Булычев Кир

Гений и злодейство

Фантастические повести и рассказы

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: И.А. Герцев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.К. Белова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8

«Миры Кира Булычева» — не просто фантастика, на которой выросли поколения российских читателей. Не просто знаменитые, любимые много лет книги.

«Миры Кира Булычева» — это фантазия в свободном полете. Это юмор — то добрый и милый, то искрометный и озорной. Это — ОБАЯТЕЛЬНАЯ фантастика, фантастика причудливой игры воображения, парадоксальных, неожиданных сюжетов и симпатичных персонажей.

«Миры Кира Булычева» — книги, которые, прочитав раз, не забудешь уже никогда!

Это — Кир Булычев, которого мы знаем и любим. Но...
Времена меняются — и вместе с ними
меняется Кир Булычев.
Перед вами — повести последних лет.
Повести, ВНОВЬ объединенные темой
«маленького городка и его обитателей».
Но — город Веревкин — ДАЛЕКО не добрый
и веселый Великий Гусляр.
Перед вами — ДРУГОЙ Кир Булычев.
Кир Булычев, всегда разный — и всегда талантливый.
Не верите?
Прочитайте — и убедитесь сами!

ISBN 5-17-010935-0